
ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Добыча угля в передовом углеразрезе № 4 треста «Карагандуглеразрез».

На первой странице обложки: Знатный сталевар Казахского металлургического завода, мастер скоростных плавок Танабай Каримов.
Фото М. Савина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 44 (1221) 29 ОКТЯБРЯ 1950

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Участники Второй Всесоюзной конференции сторонников мира — представители Казахской Советской Социалистической Республики, отмечающей ныне свое тридцатилетие (слева направо): председатель Райпотребсоюза К. Алимов; мастер Балхашского медеплавильного завода У. И. Кошик; Герой Советского Союза, инструктор Южно-Казахстанского обкома партии Б. С. Онтаев; депутат Верховного Совета СССР, секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана А. К. Канапин; депутат Верховного Совета СССР, начальник шахты имени Жданова (Караганда) Н. И. Мальцев; Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, знатный рисовод Ким Ман Сам; депутат Верховного Совета СССР профессор Н. У. Базанова; народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии Куляш Байсеитова; студентка сельскохозяйственного техникума Сара Тлеубаева; учительница Усть-Каменогорской средней школы К. И. Парфентьева; поэтесса Зияш Калаувова; геолог нефтепромысла «Доссор» Б. Джумагалиева; действительный член Академии наук Казахской ССР профессор Н. Т. Сауранбаев.

Фото А. Гостева

ЦВЕТЕТ СОВЕТСКИЙ КАЗАХСТАН

Н. Д. УНДАСЫНОВ,
председатель Совета министров Казахской ССР

Тридцать лет назад В. И. Ленин и М. И. Калинин подписали декрет об автономии Киргизской (теперь Казахской) социалистической советской республики. В октябре 1920 года Первый съезд Советов Казахстана торжественно провозгласил «Декларацию прав трудящихся Казахской Автономной Социалистической Советской Республики». В истории трудового казахского народа наступила новая эра — эра государственной самостоятельности и социалистического строительства.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела наш народ из вековечной тьмы и рабства на широкий путь свободы и прогресса, призвала к жизни неиссякаемые творческие возможности людей труда, раскрыла сокровищницу народных талантов, которые были до того придавлены тяжким гнетом политического и экономического бесправия.

Необъятны просторы советского Казахстана: его территория превышает два миллиона семьсот тысяч квадратных километров; Каспий и рудный Алтай, зеленые степи Прииши́мья и снежные вершины Ала-Тау обозначают его границы. На плодородных землях Казахстана выращиваются хлеб, хлопок, свекла, рис, табак, просо... На привольных пастбищах пасутся миллионные отары овец, стада высокопородного рогатого скота, косяки неутомимых скакунов. Недра Казахстана таят неисчерпаемые природные богатства: уголь и фосфориты, медь и марганец, нефть, золото и многое другое. Великая Октябрьская социалистическая революция, партия большевиков, родная советская власть сделали казахский народ хозяином всех этих неисчислимых богатств.

Казахстан в прошлом был темной, полуколониальной окраиной царского самодержавия, страной примитивного кочевого скотоводства, где, по точному определению Владимира Ильича Ленина, царили «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».

Ныне Казахстан — свободная советская союзная республика. Казахский народ в исторически короткие сроки превратил страну патриархально-феодальных отношений и родовых пережитков в передовую индустриально-аграрную республику. На некогда диких, пустынных землях выросли могучие промышленные гиганты, ставшие также и культурными очагами республики: Карагандинский угольный бассейн, Балхашский медеплавильный комбинат, первенец черной металлургии Казахстана в Темир-Тау и многие другие.

Вместе со строительством фабрик и заводов рос, формировался и закалялся высококвалифицированный казахский рабочий класс. Вооруженные совершенной техникой отечественного производства, рабочие-казахи самоотверженно трудятся на благо нашей социалистической Родины.

До революции бичом казахского народа было бездорожье. Теперь тысячи километров стальных путей, проложенных за годы советской власти, пересекают Казахскую республику. Вскоре будет закончено строительство железнодорожной магистрали Моинты — Чу, которая свяжет по самому короткому направлению северные области Казахстана с южными, промышленные центры Урала и Западную Сибирь с республиками Средней Азии. Некогда безмолвную казахскую степь покрыла густая сеть телеграфной и телефонной связи. Возникли в республике десятки радиостанций и тысячи радиоузлов.

Разительные перемены произошли за годы советской власти и в казахской деревне. В непримиримой, ожесточенной борьбе трудового крестьянства с баями, кулаками и буржуазными националистами победил в Казахстане, как и во всем Советском Союзе, колхозный строй. Перед тружениками аула и села открылся светлый путь к зажиточной, культурной жизни, путь радостного, коллективного труда.

Советское государство передало колхозному крестьянству Казахстана бесплатно в вечное пользование свыше 68 миллионов гектаров земли, которыми владеют около семи тысяч сельхозартелей. Древние деревянные сохи — омачи — заменены теперь на колхозных полях республики десятками тысяч тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин.

Партия Ленина — Сталина, колхозный строй вырастили и воспитали новое крестьянство, с новым мировоззрением, с новым, советским отношением к труду. Вооруженные научными знаниями, мастера высоких урожаев, казахские животноводы составляют мощный передовой отряд колхозного крестьянства, из года в год умножающего изобилие продуктов в нашей стране. Недавно казахский народ рапортовал Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу И. В. Сталину о досрочном выполнении плана хлебозаготовок. В этом году к 5 октября хлеборобы Казахской ССР сдали в государственные закрома на 10 миллионов пудов зерна больше, чем в 1949 году, и на 32 миллиона пудов больше, чем в довоенном 1940 году.

Родное советское правительство высоко оценивает самоотверженный труд работников социалистического сельского хозяйства республики: более чем 800 труженикам присвоено почетное звание Героя Социалистического Труда. Знатным животноводам Туленды Каюпову, Жамал Манапбаевой, Молдакым Мусралиеву, знаменитым рисоводам Ибраю Жахаеву, Ким Ман Саму и мастеру свекловичных полей Ольге Гонаженко присуждены Сталинские премии.

Сказочно преобразились за годы советской власти и сами аулы. Вместо жалких, закопченных мазанок поднялись просторные, светлые дома, здания электростанций, школ, библиотек, больниц, колхозных клубов. «Лампочки Ильича» сияют в колхозных домах, как светочи новой, счастливой жизни. Электрическая энергия облегчает колхозный труд. Свыше 10 тысяч сельских культурно-просветительных учреждений Казахстана обслуживают колхозников и многочисленную армию сельских учителей, агрономов, ирригаторов, ветеринаров, зоотехников, инженеров. А ведь только три десятка лет тому назад в казахской степи не знали даже слова «агроном»!

С первых лет существования советской власти правительство организовало и направило усилия нашего народа на борьбу с безводьем. За годы советской власти на ирригационные сооружения затрачено свыше 600 миллионов рублей. И теперь в Казахстане уже обводнено и орошено более миллиона гектаров земли.

Как величайшее проявление новой сталинской заботы о дальнейшем процветании советского Казахстана, как и всей нашей необъятной социалистической Отчизны, встретили трудящиеся республики исторические решения Совета Министров СССР о грандиозных стройках коммунизма на Волге, на Днепре, в Туркмении. Одно из этих сооружений — Сталинградская гидроэлектростанция — позволит обводнить и оросить миллионы гектаров полупустынных земель Западно-Казахстанской и Гурьевской областей, преобразит природу, поднимет экономику и культуру этой части нашей республики.

До Великой Октябрьской социалистической революции казахскому народу было недоступно образование. Теперь советский Казахстан — республика сплошной грамотности. Достаточно сказать, что в текущем году более 8500 школ в наших городах и селениях гостеприимно раскрыли двери перед миллионом детей. В дореволюционном Казахстане не было ни одного высшего учебного заведения. Теперь в 26 вузах республики обучается свыше 19 тысяч студентов — будущих педагогов, агрономов, инженеров, научных работников. Учрежденная четыре года назад Академия наук Казахской ССР превратилась в штаб передовой научной мысли республики. Деятельность казахских ученых неразрывно связана с решением самых насущных народнохозяйственных проблем, с развитием культуры, литературы и искусств советского Казахстана.

Казахская литература и казахское искусство сформировались и расцвели в советскую эпоху. Национальные по форме, социалистические по содержанию литература и искусство верно служат трудовому народу, воспитывая его в духе всепобеждающих идей марксизма-ленинизма. Многие деятели культуры Казахской ССР удостоены высокой награды — Сталинской премии. В их числе Куляш Байсеитова, Мухтар Ауэзов, Байгали Досымжанов, Шабал Байсекова, Анварбек Умбетбаев, Мукан Тулебаев и другие.

Свободный казахский народ читает на родном языке Пушкина и Шекспира, Некрасова и Шевченко, Фадеева и Маяковского. Труды Ленина и Сталина любовно изучаются казахским народом, стали настольными книгами в каждом доме.

Всеми этими историческими завоеваниями в области государственного строительства, экономики и культуры казахский народ обязан повседневной бескорыстной братской помощи великого русского народа, обязан Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), родному советскому правительству и вождю всего прогрессивного человечества, мудрому учителю и другу Иосифу Виссарионовичу Сталину, создавшему на земле самый справедливый закон жизни — Сталинскую Конституцию,—

«Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,
Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,
Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа...
Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны».

(Джамбул)

Тридцать лет свободолюбивый казахский народ занят созидательным трудом. Руководимый большевистской партией, вдохновляемый гениальным учением В. И. Ленина и И. В. Сталина, наш народ в дружной семье народов Советского Союза вступил в эпоху строительства коммунизма.

Сейчас трудящиеся Казахской ССР, как и все народы нашей прекрасной, могучей советской Отчизны, стоят на трудовой вахте мира. Они приложат все свои силы к дальнейшему укреплению и развитию социалистической промышленности и сельского хозяйства, не покладая рук будут бороться за новый, еще больший расцвет нашей могучей социалистической Родины. И никаким поджигателям новой войны не нарушить нашего радостного, мирного труда. С нами Сталин! Мир победит войну!

ИСПЫТАНИЕ НА ЗРЕЛОСТЬ

Б. КОСТИН

I

Взрыв был настолько сильным, что все вздрогнули. Сидевший напротив Аверьянова юноша-сталевар широко улыбнулся.

— Вы что, Танабай? — спросил его инженер.

— Так, про себя, — ответил юноша.

— Вспомнил, должно быть, как лазил под стол в первые дни, — сказал добродушно Максим Гаврилович.

Юноша ответил новой улыбкой.

— Правда, — сказал он. — Но ведь мы же были тогда «кочевники».

— Никакие не кочевники, — заметил в ответ Аверьянов. — По-моему, просто юнцы.

— Ну да, — согласился Максим Гаврилович. — Хуже малых детей.

Сталевар расхохотался. Это был высокий, слегка сухощавый казах с красивым лицом и очень смелым взглядом. Одет он был просто, но со щегольством, как любят одеваться попавшие в город молодые казахи.

Напротив него сидели инженер Аверьянов, заместитель начальника мартеновского цеха, старший мастер мартенов Максим Гаврилович Филимонов и еще один инженер с Урала, командированный в Темир-Тау по делам, связанным с мартеновским производством. Кроме них за соседним столом сидело несколько молодых металлургов, по преимуществу казахов. Среди молодежи выделялся своей рослой, могучей фигурой Убайдулаев, сталевар с первой печи, и совсем еще юный, с розовым детским лицом, его сменщик Кынаш Саденов.

И Саденов, и Убайдулаев, и Каримов — известные уже сталевары; на счету у них большое количество скоростных плавок и высокие показатели съема металла. Правда, наибольшая слава скоростника оставалась за Алтынбеком Дарибаевым, сталеваром с третьей печи, но за последнее время и Убайдулаев, и Саденов, и особенно Каримов стали быстро выдвигаться вперед, догоняя знаменитого сталевара.

Был душный, необычно жаркий вечер. Металлурги сошлись в городском саду, чтобы отметить досрочное выполнение цехом девятимесячной программы выплавки стали. Утром, на рапорте, об этом сказал директор завода, отдавший должное действительно большому успеху мартеновцев.

В мартеновском цехе Казахского металлургического завода.

Все сидели в беседке, потягивая из стаканов фруктовое вино. Вокруг на скамейках под тополями и на пыльных дорожках парка сидели и прогуливались горожане, по преимуществу металлурги, которых привело сюда желание скрыться от тяжелого, жаркого дыхания еще не остывшей степи.

Худой, светлоглазый, с рыжими волосами, Аверьянов рассказывал о том, что было на рапорте у директора, когда взрыв на каменоломне придал разговору другое направление. Инженер с Урала попросил Максима Гавриловича вспомнить о первых днях завода, которому недавно исполнилось пять лет.

История, впрочем, была обычная, какие часто случаются в нашей стране. В степи возник город. Так же, как у подножий алтайских хребтов возник город цветных металлов, или на берегу Балхаша — город меди, или в соседней с Сибирью безводной степи — город угля Караганда, так и здесь, возле каменных сопок, возник город стали.

Первую печь пускали в канун последнего года войны. В цехе собрались инженеры, строившие такие же заводы на юге России и на Урале; мастера, пускавшие первые печи Магнитки; сталевары, еще недавно стоявшие у мартенов Кузнецка, Омутнинска, Петровска-Забайкальского.

Печь разжигал Максим Гаврилович. На наварке подины стоял старший мастер Дремлюга с Магнитки, которому помогал сталевар Баша. Директор завода Бакст, главный инженер Герардов и помощник его Петриченко дежурили у мартена, дожидаясь выхода стали.

Завалка печи велась вручную: в цехе еще не было завалочных машин. Все — и инженеры и мастера — брались за лопаты; на лопатах же, как женщины в деревнях сажают хлеб, сажали чугун. У канавы и у входа в цех стояла толпа бывших гуртоправов, чабанов, табунщиков, которые строили завод вместе с сибирскими, уральскими, украинскими каменщиками и арматурщиками. В степи, за заводскими корпусами, разыгрывался буран, а здесь, в гудящей ровным, все нарастающим гулом печи, кипел первый металл республики, народ которой еще не имел в своем языке слова «сталь».

— «Темир» — это значит железо? — спросил инженер с Урала.

— Да, — сказал Аверьянов. — А «тау» — гора. Но рядом нет никакой железной горы. Просто это был первый город, связанный с черным металлом, потому его так и назвали.

Старший мастер продолжил рассказ. Он сказал, что телеграмма была получена уже в новом году. Сталин поздравлял строителей, монтажников и металлургов с окончанием строительства и вводом в действие мартеновской печи № 1, которая клала начало жизни большого завода, названного в телеграмме базой для дальнейшего развития индустриализации Казахской республики. И в эти же дни начали прибывать с уральских заводов проходившие там первую металлургическую практику казахские юноши.

В сущности, они, конечно, были детьми. Мартен все еще пугал их своим горячим дыханьем, своим пламенем, раскаленной лавой металла — всем, что творилось вокруг него, когда шел разлив стали и цех затопляли потоки огня. И труд их пугал и вся жизнь завода, казавшаяся им тяжелой после жизни в богатых колхозных аулах.

Юноши хотели вернуться обратно в аулы. Некоторые уходили в степь, и мастера, встречая их на станции Солончичка, приводили в цех, где сталевары сами заваливали печь, выполняя работу подручных.

— Но это же все естественно, — сказал инженер с Урала. — Аул или русская деревня — не все ли равно! Сельская молодежь вообще не легко привыкает к заводу.

— Конечно, — согласился с ним Аверьянов. — Возьмите ремесленников.

— Как вы думаете, Танабай? — спросил инженер.

Юноша не сразу ответил.

— Нет, — сказал он наконец. — Я думаю, что нам было трудней, чем ремесленникам. Человеку степи надо много ломать в себе, чтобы стать хорошим рабочим.

— Если бы просто рабочим, — заметил Максим Гаврилович. — Или хоть постепенно стать, как мы, например. Я вот сначала изложницы красил. Через год на канаву попал, там целый университет прошел. Потом уж наверх, к печи, да и то не сразу подручным, а раньше в заправщики... Мартен — иначе нельзя!

— Вы откуда? — спросил инженер.

— Родился в Кургане, а сталь варить начинал на Магнитке.

— Ну, это уже в наше время, — сказал инженер.

— В наше, понятно. Раньше-то к печи одних стариков подпускали.

Молодежь за соседним столом о чем-то шумно заспорила. Каримов встал и подошел к сталеварам. Те его окружили.

— Эти уже не бегут на станцию Солончичка? — спросил инженер с Урала.

— Нет, — сказал Филимонов. — Эти будут настоящими металлургами, если только их не испортит слава.

II

Как все молодые люди, к которым пришел ранний и слишком шумный успех, сталевар Алтынбек Дарибаев был самолюбив. Самолюбие подогревалось в нем многим: и тем, что он был первым сталеваром республики, о чем ему постоянно на протяжении трех или более лет напоминали газеты; и тем, что почти каждая его удачная плавка находила широкий отклик, тогда как неудачные огласки не получали; и визитами к нему местных ваятелей и живописцев.

Визиты эти участились в связи с рекордными скоростными плавками сталевара, положив-

шими начало целой серии таких же плавок на соседних печах.

Первым принял вызов Каримов. Он был прежде подручным у Дарибаева и перенял у него и его смелость в обращении с металлом и его стремление подчинить себе время в процессе плавок. Став сталеваром, Каримов повел плавки еще с большей отвагой.

Затем состязание перекинулось на первую печь. Там Убайдулаев с Саденовым давно уже ждали случая развернуть свои способности и свой темперамент, сдерживаемый до сих пор чувством некоторой еще неуверенности в собственных силах. Теперь это чувство сменилось в них желанием во что бы то ни стало добиться победы.

На второй печи соперником молодых сталеваров был Федор Ващенко. Еще комсомолец, как и Убайдулаев, он был не намного старше остальных. Но Ващенко первым сократил время плавки, когда цех еще только осваивал новые мартены. И теперь, конечно, он не захотел оставаться в стороне от событий.

Рекорды Алтынбека Дарибаева оказались той искрой, от которой разгорелся настоящий костер. Молодежь цеха повела борьбу за скорость. В течение одного лишь месяца цех выдал десять лишних плавок, т. е. несколько сот тонн сверхпланового металла.

...Повидимому, чересчур увлеклось и само руководство цеха. Иначе оно сумело бы вовремя уберечь молодых металлургов от возможных ошибок. Что же касается Алтынбека Дарибаева,— ему помешало еще и тщеславие.

В искусстве сталевара есть одно постоянное и неизбежное для него противоречие. Это — противоречие между стремлением держать как можно горячее печь и желанием как можно дольше ее сохранить. В том, с какой скоростью выдается металл и насколько большой остается стойкость мартена, познаются не только истинный талант сталевара, но и его характер, его отношение к делу и даже его человеческие достоинства или недостатки.

Ошибка молодого сталевара состояла в том, что он забыл об этом основном противоречии своего искусства. Погнавшись за скоростью плавки, он поджег свод печи.

Не будь юноша так самолюбив, он не повторил бы ошибки, снова приведшей к поджогу свода.

...Разговор был по необходимости прямой и резкий. И он был тем более необходим, что вслед за Дарибаевым совершил такой же промах и Каримов.

Оба юноши вышли с заседания партийного бюро с чувством стыда. Каримову было очень стыдно, и он шел, не глядя на друга, смятенный и грустный. У Дарибаева же стыд мешался, повидимому, с чувством оскорбленной гордости. Он был глубоко уязвлен.

Наутро Дарибаев пришел в цех с заявлением об уходе с завода. Смена была не его, но в ожидании начальника цеха он прошел, по привычке, к мартенам.

У первой печи стоял Убайдулаев. Рядом с ним заглядывал в печь молодой инженер Даулетказин. Он что-то объяснял сталевару, который слушал его внимательно, не перебивая. Дарибаев вспомнил, что говорили вчера коммунисты о Даулетказине.

Даулетказин, как и Дарибаев, считался первым металлургом республики. Разница была только в том, что он был первым инженером-металлургом. На заводе, несмотря на диплом, он начал работать помощником мастера, потом был назначен мастером. Из цеха он не хотел уходить, считая, что лучшее место для инженера — площадка мартенов. Вот об этом упорстве и скромности молодого инженера и говорилось вчера на бюро.

Дарибаев осмотрел еще раз неприметную фигуру Даулетказина и невольно подумал о том, как много, должно быть, знает этот человек по сравнению с ним. Что-то похожее на зависть шевельнулось у него в душе.

Он хотел пройти к своему мартену, где работал Каримов, но прежде увидел Ващенко. Тот стоял, наблюдая за клокочущей массой металла. Сталевар не позволял себе ни присесть, ни отвлечься. Дарибаев вспомнил, что сказал старый мастер Смирнов про одного молодого мартеновца: «У настоящего сталевара и нос и щека всегда красные, а этот ровно и к печи не подходит близко». Дарибаев посмотрел на левую щеку Ващенко. Она действительно была как бы обожжена жаром металла.

Ващенко начал брать пробы. Разлитый по полу шлак искрился в воздухе. «Вари шлак, а сталь будет!» — почему-то Дарибаеву вдруг пришла на ум эта старая поговорка мартеновцев. Он видел, как спокойно ведет себя Ващенко в последний, решающий момент плавки, когда способный «взбеситься» металл готов ринуться в под и наделать бед мартену. В этом спокойствии была та скрытая сила знаний и опыта, которая одна отличает истинного сталевара.

Дарибаев опять подумал о Даулетказине. У Ващенко было с ним что-то общее. Не внешнее сходство, нет! А, должно быть, именно эта вот неприметная, скрытая сила. Ее нельзя было увидеть глазами, ее можно было только ощутить тому, кто сам провел несколько лет у мартена.

В стороне на площадке стояли Филимонов и старый сменный мастер Федор Михайлович Тютнев. Не вмешиваясь, они издали наблюдали за Ващенко, ожидая, когда тот приступит к разливу.

И опять что-то скребнуло на душе у юноши. Во взгляде старых мартеновцев он прочитал молчаливое одобрение всему, что делал молодой сталевар. И то, что они не вмешивались в его работу, означало их похвалу и доверие.

Ващенко уже выпустил сталь, когда Дарибаев подошел к Каримову. Каримов пожал ему руку и сказал, не скрывая зависти:

— Ты знаешь, за сколько времени сварили металл на второй печи?

— За сколько? — спросил Дарибаев.

— За шесть с половиной часов. На полчаса раньше нашего.

Дарибаев смял в кармане свое заявление.

III

Инженер Евгений Иванович Шевцов, начальник цеха мартенов, заканчивал диссертацию. Диссертация называлась «Ускорение процессов мартеновского производства» и, по существу, подводила итог всему, чего добился завод со времени пуска первой печи.

Три первых года в счет не шли. Это были годы трудностей и первых шагов освоения. Главным тогда было воспитание людей, превращение сотен юношей из аулов в заводских рабочих. Движение же вперед началось только с прошлой весны, когда молодежь повзрослела и стала более смелой.

Значит, два года. Срок небольшой! Но за это время завод успел повысить мощность печей более чем наполовину. На каждые сто тонн — шестьдесят добавочных тонн металла. И кроме того, два часа ускорения плавки — еще тридцать процентов на мощность. В итоге в этом году завод попросил включить в программу тринадцать тысяч тонн сверхплановой стали.

Шевцов перелистал страницы, где раскрывались секреты такого стремительного и бурного роста. Страницы эти были заполнены таблицами и формулами. Но инженеру казалось, что в них опять встает перед ним целая жизнь — жизнь, исполненная страстей и волнений, труда и тревог, опасностей и сурового мужества.

Семьсот скоростных плавок в этом году. Тяжеловесные плавки! Нарощенные по опыту беговатских металлургов ковши! За всем за этим стояли люди, их труд, их уменье, их мысли и чувства. Шевцов сам прошел с ними весь путь от той новогодней телеграммы вождя до нынешних дней. База для металлургии Казахстана создавалась здесь, в степи. И здесь же растились кадры металлургов республики.

На одной из страниц диссертации мелькнуло имя Танабая Каримова. Рядом с ним стояло другое — Алтынбека Дарибаева. Их именами открывался раздел о борьбе за стойкость мартенов.

Будучи еще и психологом, Шевцов подумал, что тот, кто сумел победить противоречие в процессе плавки металла, сумел, наверно, победить и самого себя. Испытание на зрелость предполагало и такую победу.

г. Темир-Тау,
Казахская ССР.

В СТЕПНОМ РАЙОНЕ

К. БУКОВСКИЙ

1

Первый аул, где мы услышали имя Куляш Аскеевой, был Ак-Терек. «Ак-Терек» — значит «белый тополь». Когда-то здесь, на старом Семиреченском тракте, были казачий пикет и почтовая станция с двумя растущими возле нее тополями. Теперь здесь колхозный аул и под тополями казахская школа-десятилетка.

Было сухое, знойное утро. Нагретая степь несла на аул горячую пыль, и ветер смешивал ее с едким кизячным дымом. На корточках возле глиняных очагов сидели старые женщины. Рядом бродили худые, длинноногие собаки. Терпеливо, не двигаясь с места, стоял лопоухий ишак с крохотным, таким же лопоухим ишачонком.

Степь безлесная, голая, ветренная, иссушенная солнцем... И низкие, с плоскими крышами саманные жилища, и глиняные очаги, и сохранившаяся до сих пор кошма — все диктовалось степью, в которой не было деревца, кроме выращенных терпеньем человека двух белых тополей.

Председатель колхоза Сахаев, казах с бритой, круглой, как шар, головой, рассказывал о колхозе. Колхоз большой и богатый! Пятьдесят семь тысяч гектаров земли. Отгонные пастбища. Три тысячи гектаров поливной площади. Тысяча триста коров. Тысяча восемьсот лошадей. Пятьдесят четыре овечьих отары — двадцать семь тысяч голов. На полях тракторы и комбайны.

Жена председателя, полная, медлительная казашка, собирала в школу старшую дочь. У дочери было много уроков сегодня: физика, алгебра, история, дарвинизм, астрономия и немецкий язык.

Председатель объяснил, что в школе у них пятнадцать казахов-учителей. Учатся двести детей. Девочек — семьдесят шесть.

— Куляш говорит, что девочек надо учить,— вдруг сказала молчавшая до сих пор старая женщина, мать Сахаева, и строго посмотрела на сына.

— Мы учим, мать,— сказал сын.

— Куляш сказала: «Учить!» — опять повторила старуха.

Мы спросили, о ком она говорит.

— Куляш Аскеева — наш секретарь райкома,— ответил Сахаев.

Помолчав, он добавил:

— Учительница Куляш.

Потом он долго еще рассказывал о жизни аула, о том, что солнце и ветер сушат степь и что если бы не колхоз, пустивший воду с гор на поля, казахи попрежнему не знали бы хлеба. Он рассказывал о том, что старая курдючная овца уступает теперь место дорогой тонкорунной породе, что колхозу не хватает теперь чабанов, потому что стада и отары растут, а молодежь хочет учиться и едет в город: пастухами становятся женщины и старики.

— Свези их в новый аул, Иманжан,— вдруг сказала опять старуха.— Пусть посмотрят школу, которую велела строить Куляш.

— Хорошо,— сказал сын.— Сейчас мы поедем.

Оказалось, что старый аул Ак-Терек доживает последние дни. В восьми километрах от него, у подножья гор, строится новый.

Лопоухий ишак, все так же терпеливо стоявший у очага, испуганно вскинул голову, когда рядом с ним появилась машина.

Степь ударила ветром навстречу автомобилю, и из-под колес унеслось рыжее облако пыли. Из степи, поднимая такую же пыль, мчался всадник. Увидев машину, он вдруг по-

вернул коня и помчался обратно. Под самой горой машина и конь стали вместе. С седла спрыгнул старый казах, с черной бородкой, в пальто городского покроя и с плетью в руке. Сняв шляпу, он вежливо поклонился. Председатель представил:

— Бригадир строителей Каймулда Айнахулов.

Место, где строился новый аул, удобнее старого. Тут много воды и меньше простора для ветоа. Горы защитят аул от песчаных бурь и снежных буранов. Слева из ущелья падает горный поток Сулу-Коян (Прекрасный заяц), над которым склонилась зеленая куща деревьев. Оттуда идет вода на поля, в поливные борозды. Справа — другое ущелье, с горным ключом. Там водяная мельница и плотина, от которой канал приведет воду в самый аул, в его сады и зеленые рощи.

Аул начали строить со школы: так научила Куляш. Она же и выбрала место.

Школа большая, больше, чем здание пикета в старом ауле. Рядом с ней — интернат — общежитие для детей из дальних аулов и для сирот. Широкая улица с домами колхозников. Дома — на две половины, высокие. Вокруг каждого — дувал. Вдоль дувала журчит арык и зеленеет рядок молоденьких тополей. Тополями же засажена и большая площадка возле школы, рядом с будущим колхозным клубом.

— Аул Ак-Терек, — сказал бригадир строителей Каймулда Айнахулов, — будет весь белый от тополей.

Еще дольше, чем Сахаев о колхозе, он рассказывал нам о своих детях. У него их семеро: старший сын — агроном, дочь — студентка, будет судьей, еще двое ходят в среднюю школу. Последний, Джамбулхан, родился в день смерти Джамбула.

Черноглазый сынишка вертелся в ногах у старика. Ему было пять лет. Отцу — шестьдесят.

Когда мы вернулись в старый аул, день уже догорал.

Старая мать председателя попрежнему сидела на корточках у очага. Теперь у нее в казане варились мясо и густая сурпа — бульон, которым надо запивать это мясо из чашки.

— Иманжан, — сказала она, когда сын, помыв руки над тазом, сел на кошму. — Съезди к Куляш. Спроси у нее, как будем жить в новом ауле.

2

В Красногорку попали мы поздно. Все окна в здании, где помещался райком, были темными, и только одно скупо светилось каким-то робким, подмигивающим светом. Мы долго бродили по коридору, натыкаясь на что-то ногами, пока отыскали эту комнату. В ней сидел мальчик на вид лет двенадцати и терпеливо боролся с гаснущей лампой. Он все время крутил фитиль, который вспыхивал ненадолго тонким язычком пламени, но тут же опять краснел и начинал коптить. Увидев нас, мальчуган бросил борьбу, и лампа, помигав еще немного, погасла. Мы оказались во тьме.

— И чего это мамка нейдет? — сказал мальчуган. — Обещала скоро придти и нейдет.

— Ты дежурный, что ли? — спросили мы у него.

— Ну да, дежурный. За мамку остался.

— А не знаешь, где секретарь?

— На Ргайты уехала.

— Это что же такое — Ргайты?

— Речка такая.

— А зачем ей на речку?

— Электричество ставить... Вот смотрите, погасла же, подлая...

Дверь в темноте отворилась, и чей-то испуганный голос спросил:

— Что, разбил?

— Ну, вот, — обиделся мальчик. — Сразу уж и разбил! Керосина тут у вас не найдешь.

Вошедшая женщина облегченно вздохнула:

— Да он за шкапом, в бутылке.

Осветив помещение спичкой, женщина увидела нас.

— Это что за люди? — спросила она.

Мальчишка ответил:

— Приехали вот к Куляш Аскеевне. А она на Ргайты уехала.

— С чего ты взял! — сказала женщина. — Дома она, только с отгона вернулась.

— Значит, опять не ездила, — недовольно сказал мальчишка. — Останемся без электричества.

Куляш Аскеева и старший табунщик колхоза «XV лет Казахской ССР» Герой Социалистического Труда Ибрагим Данияров.

Мать засмеялась.

— Жалко, тебя не спросили, — сказала она.

Заправив лампу, она сняла нагар с фитиля, и в комнате стало светло.

Мы вышли на улицу. Над Красногоркой висел огромный звездный шатер. Луна освещала долину, село с камышовыми крышами над белыми хатами. Не будь тут гор, село можно было бы принять за полтавское. Но горы громоздились кругом. И слева — высокие, иссиня-черные, и справа — вдали, где сверкал своими вершинами снежный хребет Ала-Тоо.

Мальчишка поеживался в своей рубашонке. Он объяснил, что село не то русское, не то казахское, не то украинское. Казахи сошли сюда с гор, когда в селе стал колхоз. Раньше они жили отдельно, а теперь все вместе.

Через час мы снова зашли в райком.

В кабинете Аскеевой напротив нее сидел громадного роста, массивный мужчина, рядом с которым она сама казалась хрупкой и маленькой. Лицо у нее было загорелое, девичье. Волосы зачесаны гладко и свернуты сзади в пучок. Когда она улыбалась, раньше всего начинали смеяться ее глаза, потом слегка трогались губы, и вдруг все лицо озарялось ясным, лучистым светом.

Мужчина, сидевший напротив нее, при нашем появлении встал. Аскеева остановила его движением руки.

— Товарищи подождут, — сказала она. — Тут у нас небольшой разговор с Иваном Сергеевичем, сейчас мы закончим.

Мужчина только вздохнул.

— Хорошо, Куляш Аскеевна, — сказал он, садясь, — наш колхоз выдержит. Но Панфилова — тоже большой колхоз. Разве они...

— Товарищ Олейник! — с упреком сказала Аскеева. — Опять вы сначала.

— Разве они не могли бы сами, без нас?

— Товарищ Олейник! — опять повторила Куляш.

Разговор продолжался еще с полчаса. Потом оба встали, и Куляш, взяв Олейника под руку, пошла его проводить. Они шли рядом: он — смотря под ноги, она — с легкой улыбкой человека, еще не совсем уверенного в успехе беседы.

...На следующее утро Аскеева пригласила нас с собой на тока. Ей надо было объехать шесть нагорных колхозов, в которых завершалась уборка хлебов.

— Но раньше, — сказала она, — мы заглянем тут рядом, в колхоз имени Панфилова.

Утро только-только еще занималось. Над горами стояла мгла, и лишь одна освещенная солнцем вершина сверкала холодным снежным сияньем.

Колхоз имени Панфилова занимал вторую половину Красногорки, помещаясь рядом с колхозом имени Калинина. Когда-то они жили одним хозяйством, но после разделились. Дела у панфиловцев в этом году на лад не пошли, и теперь они снова просились на совместную жизнь.

Возле хлебных амбаров колхоза Аскеева слегка придержала шофера за рукав. Тот затормозил. Из-за угла показался хмурый Олейник рядом с высоким черным казахом, панфиловским парторгом. Парторг что-то доказывал, а Олейник хмуро молчал.

— Поворачивай, — сказала Куляш водителю, — только тихо. Тут есть дорога мимо конюшен.

Машина вывернулась переулком и, выехав через долину, начала взбираться на взгорье. Когда она одолела подъем, глазам представилось широкое горное плато. Все холмы и низины его желтели стерней. У подножья ближних гор еще ходили два комбайна, и третий маячил на гребне высотки, четко рисуясь в прозрачной утренней дали.

На току колхоза имени Калинина шла очистка зерна. Старики-казахи веяли пшеницу на ветру, женщины работали на сортировках. Весь ток был занят высокими бунтами зерна, которое после очистки машины свозили в село, в виднеющиеся среди зелени огромные колхозные амбары. Зерно было семенное, хлеб государству колхоз уже сдал.

Аскеева подошла к группе женщин. Те прекратили работу и весело ответили на ее приветствие. Видно было, что они привыкли видеть ее возле себя и всегда так здоровались с ней — свободно и весело.

С нагруженной просяными снопами арбы соскочила тонкая смуглая девочка.

— А, колхозница Биганым! — улыбнулась ей Куляш. — Ну, как твои успехи?

— О! — отозвались за девочку женщины. — Биганым теперь будет богатой. Вчера целый воз пшеницы ей выдал колхоз.

— Это правда, Биганым? — спросила Аскеева.

Девочка застенчиво кивнула головой. Куляш притянула ее к себе и ласково потрепала жесткие волосы. Потом она подошла к молодой казашке, с некрасивым, но милым и несколько грустным лицом, и, отведя ее в сторону, заговорила с ней по-казахски.

В это время из-под кручи вынырнула вдруг роскошная, непобитая еще на горных дорогах «победа» и встала рядом с довольно драной на вид «эмкой» Аскеевой. Из машины вышел Олейник.

— Хорошо, — сказала Аскеева молодой ка-

зашке. — Я сама буду говорить с твоим мужем. Иди!

Председатель колхоза приблизился. С ним был агроном.

— Вот кстати! — сказала Аскеева.— Товарищ Мовчан, вы мне нужны.

— А что? — спросил агроном.

— Я по поводу проса. Вам не кажется, что мы делаем ошибку, приняв за догму севооборот академика Вильямса? Биганым, выдерни нам пару метелок.

Девочка прибежала с целым снопом.

— Сколько вам даст это просо? — спросила Аскеева.

— Это еще ничего, — ответил Олейник. — Соседи на сено скосили.

— Э, Куляш, стариков надо слушать, — сказал сивый, высокий казах, веявший рядом пшеницу. — Старики говорили: не выйдет!

— Старики ошибаются тоже, отец, — мягко сказала Куляш.

— Просо не может родиться у нас, оно любит более теплую, жирную землю.

— Это верно, товарищ Мовчан? — спросила Аскеева.

— Да, — сказал агроном, — урожай неустойчивый.

Аскеева сама снесла сноп обратно.

— Тут нам надо подумать, — сказала она. — Нам нужно зерно, а не сено.

Потом она обратилась к Олейнику, который взял было в руки лопату.

— Иван Сергеевич,— сказала она,— сегодня бюро. Расскажете, что там, в колхозе Панфилова.

— Хорошо, — ответил Олейник.

— И о хлебе: как у них с хлебом.

— Теперь уж считайте у нас, — поправил ее Олейник.

Аскеева улыбнулась.

— К Атгабарову,— сказала она водителю.— Или нет, погоди, что-то там неладно с комбайном. Это же Бойко комбайн!

Комбайн стоял посредине пшеничного поля. Комбайнера не было видно. На куче половы сидели запыленные девушки в белых косынках. Тракторист, посвистывая, ковырялся в моторе. Увидев Аскееву, девушки встали.

— Что случилось? — спросила у них Аскеева.

Девушки не отвечали.

— Надоело работать, Куляш Аскеевна,— отозвался вдруг чей-то голос из-под комбайна. — Жарко!

Из-за лесенки вылез плечистый, чумазый парень, весь в пыли.

— Так, — сказала Куляш. — Большая поломка?

— Камень попал, — объяснил тракторист. — Вы в «Красный Октябрь»? Намыльте там головы бригадирам: камни не убирают.

— Скоро исправите? — спросила Куляш.

— Да нет, за деталью механик уехал.

— Вы что же детали в запасе не держите?

Комбайнер вдруг рассердился.

— Детали, Куляш Аскеевна, были, — сказал он. — Да это уже третий камень.

Аскеева помолчала. Потом повернулась лицом к высотке, на которой рисовался ходивший в прозрачной дали комбайн.

— Там что, — спросила она, — камней нет, на «Сухом хребту»?

— До чорта! — сказал тракторист. — Я там в прошлом году чуть трактор не поломал.

— Между прочим, — сказала Аскеева, — Мерклясов мне вчера говорил, что у него уже пятьсот тридцать гектаров... Он камни сам выбирает.

Тракторист вдруг не выдержал.

— Слушай, Бойко, — сказал он. — Приверни-ка тут гайки, я сбегаю в МТС. Механик, наверно, заснул.

...В Красногорку «эмка» Аскеевой вернулась под вечер. В райкоме уже зажигали лампы, и вчерашний мальчишка вертелся опять в коридоре. Увидев Аскееву, он смело вышел навстречу.

— На Ргайты были, Куляш Аскеевна? — спросил он, блестя глазами.

— Нет, — созналась Аскеева. — Понимаешь, опять не успела.

Глаза у мальчишки погасли.

3

Отец Куляш, Аскей Джаныбеков, не мог научить дочь решать судьбы людей и думать об участи государства: он был простым скотоводом. У матери ее, Биганым, был ум и властность женщины, привыкшей вести хозяйство. Но ей мешала неграмотность.

Казахские женщины вообще энергичны. На них долгое время лежали главная тяжесть труда и главная доля забот о семье. Это воспитало в них и большую самостоятельность. Мать Куляш вступила в партию. Она создавала первые казахские колхозы возле станции Аягуз, где жила с дочерьми, пока не переехала в город и не стала работницей.

Видя, как трудно ей, даже свободной теперь женщине, без образования, она велела Куляш стать учительницей. Она думала и о самой Куляш и о многих неграмотных казахских детях.

Куляш стала учительницей. Ее послали в степной аул, где не было никогда казашек-учительниц. Она много знала по сравнению с девушками из аула. Но она не знала, как быть, когда человек еще очень молод и совсем не видел раньше жизни аула.

Куляш, как и мать ее Биганым, вступила в партию, и партия научила ее быть повсюду смелой, сильной.

Недавно, уже будучи секретарем райкома, Куляш гостила в Москве. Она была в зале, где собраны подарки из разных стран товарищу Сталину. Она увидела подарок — масло из роз, которое, как говорят в китайском народе, может продлить жизнь человека. И такой же подарок прислал корейский народ — «корень жизни» — жень-шень.

Куляш подумала: «Все народы хотят долгой жизни Сталину, человеку, который сделал их сильными. Он и мой народ сделал сильным и меня, еще недавно робкую девушку. Чем бы я могла отдарить его? Своим сердцем, разумом, жизнью? Но это всегда принадлежало ему, как и сердце, и разум, и жизнь всех народов!»

Куляш решила, что ей нужно еще учиться. В аулах ее называли теперь «учительница Куляш», но сама она считала себя ученицей. На руках у нее было теперь такое хозяйство, какого не знала еще ни одна женщина Казахстана.

Куляш понимала, что, избрав ее секретарем, коммунисты района доверили ей руководство не только партийной организацией. Они доверили ей жизнь двенадцати степных и нагорных колхозов.

Никогда не представлялось ей раньше, что ей, Куляш, нужно так много знать. Именно знаний ей не хватало, потому что все остальное — ум, характер, воля, уменье видеть людей — ей досталось от матери и было воспитано партией.

У старых казахов была пословица: «Лучше мужчина с железной головой, чем женщина с золотой». Теперь так казахи не думают. Теперь к ней шли за советом и чабаны, и табунщики, и старые аксакалы, которых чтит весь аул. Но совет дать она могла не всегда. Многие стороны жизни аулов для нее и теперь только раскрывались.

Каждый день ставил перед Куляш какую-то сложную, трудноразрешимую задачу, даже сразу несколько сложных задач. Степь, ее законы, казавшиеся вечными, отмирающий, старый и новый, нарождающийся быт, привычки людей, их запросы, желания, судьбы — все это сплеталось перед ней и требовало решений ясных и мудрых.

Куляш была учительницей. Теперь ей надо было стать партийным вожаком, ирригатором, агрономом, животноводом, шефом школ и больниц. Сотни километров степных и горных дорог были перед ней. Все увидеть своими глазами, все понять, расспросить, обдумать, узнать — только так представляла она возможность быть хорошей «хозяйкой» района.

Сегодня перед бюро Куляш успела увидеть много.

4

Уже при свете луны к райкому начали съезжаться председатели колхозов. Они подъезжали верхом, на бричках и на машинах, смотря по состоянию колхоза и по тому, как далеко находился он от Красногорки. Грузный хромой Лукьянчук, председатель колхоза «Красный Октябрь», приехал в качалке на резиновом ходу, совершенно такой же, как у Олейника, и с такой же блестящей упряжкой.

Машина Иманжана Сахаева стала рядом с тремя другими «победами», и он, выходя, критически оглядел их со всех сторон.

Последним подскакал к крыльцу Жилгаев Шаради, жизнерадостный, крепкий старик с большими усами и в войлочной шляпе, председатель колхоза «Актас».

— Ой, Шаради,— встретил его высокий черный казах, парторг Джарамбаев, — достанется тебе сегодня от Куляш!

— За что? — весело спросил Шаради.

— За сено. Говорят, ты еще не косил.

— Ждал, когда ваш колхоз начнет, — отделался шуткой старик.

Жилгаев был старейший из всех председателей колхозов в районе, и его любили за веселый характер, за шутки, которые он отпускал, за постоянно закрученные кверху усы.

— Достанется не Шаради, — сказал уныло Касьянов, председатель колхоза имени Сталина. — Достанется мне.

Все обратились к нему.

— Тебе же досталось на прошлом бюро, — сказал парторг Джарамбаев.

— Сегодня снова была у нас и как раз по тем же вопросам.

— М-да! — сказал Джарамбаев.

Касьянов сморщил лоб.

— Я ей говорю: «Ну снимайте, товарищ Аскеева. Ведь ясно же — не гожусь!» «Нет, — говорит. — Из тебя надо сделать хозяина, и больше того — коммуниста!»

— Задача действительно трудная, — так же уныло, в тон ему сказал Шаради.

— Вы знаете, что предложила Куляш? — сказал Иманжан Сахаев.— Гнать скот в Коктерекский район.

— Для чего? — спросил Атгабаров, председатель колхоза имени Ворошилова.

— В отгон, на зимовку.

— Чей скот?

— Того, кто не обеспечит себя кормами.

— До Кок-Терека шестьсот километров. Нужны люди, продукты, машины.

— Но там травы богатые в этом году.

— Нет, — сказал Касьянов, — лучше уж я все ущелья свои обкошу. В Акдолы пошлю косилки, в Джайсан, в Татарскую долину.

— Кажется, — сказал Джарамбаев, — твой именно скот и намечен.

Касьянов испуганно посмотрел на него.

— Нет, — сказал Иманжан Сахаев, — всего несколько сот голов. Это просто разведка.

— Зима будет суровая, кормов нужно много, — подтвердил Атгабаров.

— Откуда ты знаешь? — спросил у него Сахаев.

— Куляш сказала.

— А ей кто?

— Ученые и старики.

— Да, сегодня будет разговор! — сказал молодой председатель колхоза «Шербакты» Баймулдаев. — В прошлом году район вышел на первое место по животноводству. Аскеева не позволит отставать с кормами.

— А с хлебом как по району? — спросил молчавший до сих пор Лукьянчук.

— С хлебом закончили, это я знаю, — сказал Касьянов. — Раньше Олейник, за ним колхоз Ворошилова. Осталось немного по счетам МТС.

— Теперь уже нет того, чтобы сильный за отстающего вывозил.

— Этого нет. Но я слышал, что сегодня Аскеева на току в «Красном Октябре» говорила.

— Это про камни? — спросил Лукьянчук.

— Нет, про богатые и бедные колхозы. «Стыдно, — говорит, — богатству жить рядом с бедностью! Все равно, отчего бы эта бедность ни происходила: от неурожая или от неумелого председателя. Сильный помоги слабому, умелый — неумелому». Вот как! Колхозники с ней согласились: «Думать надо за весь район». «За все государство!» — поправила их Аскеева. «Ну, да, — сказали они. — За все государство!»

— Был такой разговор? — спросил Касьянов у Лукьянчука.

— Был, — ответил тот. — Речь шла о степных и нагорных колхозах. У степных нынче похуже с хлебом.

— Речь шла о наших партийных принципах,— произнес вдруг мягкий, спокойный голос. На крыльцо вышла Аскеева.

— Ну, что ж, — сказала она. — Пойдемте, товарищи, поговорим. Кстати, есть проект. Будем строить на Ргайты межколхозную электростанцию.

с. Красногорка,
Джамбулской области,
Казахской ССР.

На горных джайляу

Заилийское Ала-Тау. Здесь, на горных джайляу, пасется скот колхозов Алма-Атинской области.

Дм. СНЕГИН

Фото М. Галкина

1

На закате солнца видавшая виды «эмка» домчала нас до колхоза «Тау-Тургень». Колхоз расположен у самой подошвы Заилийского Ала-Тау; отсюда начинаются тропы в горы для пешеходов и всадников. В сумерки, когда на улице вспыхивают электрические огни, горы кажутся особенно высокими. Они как бы нависают над равниной непреодолимой, мрачной стеной. И трудно непосвященному человеку поверить, что там, в глубине этих скалистых громад, находятся летние пастбища. Казахи издревле выводят скот на эти пастбища — горные джайляу.

— Травы там жирны, как бараний курдюк, а вода прозрачных потоков вкуснее кумыса,— говорят в народе.

В конце июня туда, на джайляу, тянутся неисчислимые отары овец, косяки резвых, полудиких коней, медлительные гурты крупного рогатого скота. На пути этого почти полумиллионного стада глубокие каменистые ущелья, крутые перевалы, стремительные потоки, через которые переброшены узкие мосты. Но в конце долгого пути сочные травы, прохладная, чистая вода и покой: на джайляу нет ядовитой мошкары, слепней и оводов, которые тучами носятся над выжженной солнцем степью. За летние месяцы скот в горах нагуливает жир, накапливает силы.

Нелегкое дело — перегон скота с зимних пастбищ на летние. Со стадами идут недельные телки, овцы в пути приносят приплод, и численность стада возрастает с каждым днем. И весь этот блеющий и мычащий поток требует неустанных забот. Скот надо во-время накормить, напоить, укрыть от внезапных градовых ливней, на которые так щедро небо над высокогорьем. Вот почему задолго до перегона стад в горы наступает в районном центре беспокойная пора. Устанавливаются сроки откочевок, между колхозами распределяются участки джайляу, разведчики намечают места стоянок, очередность выпаса на трассе движения.

Тамара Павловна Петухова, зоотехник из Энбекши-Казахского района, Алма-Атинской области, говорила нам:

— Горные джайляу — прекрасные пастбища. Но и травы и вода там пресные. Поэтому на горных выпасах всем животным нужна соль. За лето один только наш район должен перебросить на высокогорные джайляу более ста тонн соли-лизунца. Я уже не говорю о других грузах.

Вместе со скотом в горы уходят лучшие чабаны, табунщики, доярки. Два месяца люди работают вдали от культурных центров. На участках отгонного животноводства должны быть удобные юрты, медицинские и ветеринарные пункты, хорошо налажено питание людей.

2

На рассвете мы садимся на коней и трогаемся вслед за ушедшими в горы стадами.

С высоты перевала нам открываются зеленые просторы Торе-джайляу. Далеко впереди взметнулся крутой, высокий хребет Джамбас. На нем смутно угадывались каменистые осыпи, красноватые выступы скал, кусты можжевельника. В долине буйно цвело разнотравье и празднично шумели ручьи. Торжественно хранили молчание одинокие тяньшаньские ели.

К Джамбасу медленно двигалась огромная отара ангорских коз. Ниже, на плато, мелькали белые халаты доярок, спокойно стояли сытые пятнистые коровы, неподвижно лежали, высунув влажные языки, сторожевые волкодавы. Ослепительно сверкал под солнечными лучами сепаратор. Там расположилась молочно-товарная ферма колхоза «Тау-Тургень».

Едва мы спрыгнули с коней, как к нам подошел рослый и, видимо, очень общительный старик. Это был старший пастух колхоза Малтабар Бакаев.

— Правильно нынче устроили: переработку молока производим на всем пути перегона, — сразу начал он, показывая на доярок, толпившихся у сепаратора. — А то ведь как бывало: скот в горах — сепаратор в колхозе. Пока довезешь молоко — плохое масло получается. Сколько добра и труда пропадало!

— А удой молока во время перегона не понижается?

— Э, дорогие, все зависит от того, как за скотом смотрят.

Бакаев сел на зеленый ковер травы, поджав под себя ноги, пригласил и нас сесть.

— Надо уметь перегонять коров на джайляу. Поезжай вперед, найди самое богатое место и чтоб водопой недалеко был... А солнце в горах какое — жара, дорога тяжелая. Погони — коровы переутомляются, плохо едят — молока мало. Я делаю так: спадет жара, поднимаю скот, пусть идет, пасется. С полуночи отдых: коровы переваривают пищу, копят молоко.

Малтабар ласково погладил молодого черного пса, который лежал у его ног, и, не дожидаясь нового вопроса, продолжал:

— Много забот у пастуха, если он настоящий пастух. На рассвете я бужу доярок: «Эй, вставайте, поднимайтесь! Мойте руки, подойники — и за работу!»

Одна из доярок, Гуляй Нурсеитова, подошла ближе и, сверкнув в улыбке белыми зубами, сказала:

Старший чабан колхоза «Совет» Рахим Бурткенов (слева) и заведующий овцеводческой фермой колхоза Каршал Умбетбаев на горном пастбище.

Легким, плавным жестом Рыскульбек Исабеков поднял домбру, и полилась широкая, плавная, как степная река, мелодия.

— Вы только внимательней слушайте, наш Малтабар вам наговорит...

— А как же? — в тон ей отозвался пастух.— Вам и дров наруби, и масло на базу свези, и телят во-время отлучи... Я молодой, здоровый, мне всего шестьдесят лет, за всем поспеваю. А ты вот сколько литров на своем счету имеешь? Похвались...

— Пока 1800, — ответила доярка и тут же метнулась за лысой коровой. — Куда ты, куда ты, Сары-Каска?

— Это ее любимица. Кто обидит, — беды не оберется... Так вот мы все и живем,— заключил Малтабар и быстро поднялся.— А вот это мой любимец.— Пастух наклонился и потрепал пса.— Зоркий и быстрый, словно коршун. Так и зовется, Тургун — коршун. Верный помощник, не подведет. Пойдем, Тургун, тебе снова сторожить моего коня ночью.

— Вы только внимательней слушайте, наш Малтабар вам наговорит...

— ...Пойдем, Тургун, — сказал Малтабар, — тебе снова сторожить моего коня ночью.

На берегу быстрого ручья стояли крытые соломой домики. Поодаль отдыхали крупные коровы. Доярки несли полные подойники молока. У конюшни, на широкой площадке, выплясывал великолепных статей вороной жеребец, норовя вырвать повод из рук конюха.

Мы встретили здесь коренастого молодого человека, который оказался заместителем председателя колхоза «Политотделец» Михаилом Семеновичем Петровым. Он пригласил нас в один из домиков, что стояли у ручья. В избушке были идеальная чистота и порядок. Стол затянут белоснежной простыней, под которой угадывались какие-то предметы. На полочке маленькие весы и другие приборы. Пахло аптекой.

— Это колхозный пункт искусственного осеменения,— объяснил Михаил Семенович. — Знакомьтесь: наш колхозный зоотехник Сергей Федорович Петров. Расскажи, как дела идут, Сергей Федорович.

3

— Да что тут рассказывать...— ответил тот.— Видали нашего производителя Воина? Рысак орловской породы, выращен в колхозе. Двести таких рысаков мы уже передали государству...

Позади — долины, ущелья, перевалы. Перед нами самое обширное, самое богатое джайляу — Ассы, центр летнего отгонного животноводства. Далек и труден путь на Ассы, но первые колхозы уже пригнали сюда стада. В урочище Кол-Саз обосновываются животноводы колхоза «Кайрат». Пока женщины возводят юрты, готовят пищу, мужчины объезжают территорию джайляу и разбивают ее на участки выпасов.

Скот здесь надо перегонять с участка на участок с таким расчетом, чтобы трава успевала подрастать, пока отары вернутся на первые участки. Попутно животноводы выбирают удобные водопои, обследуют места для укрытия скота от непогоды.

На площадке, защищенной от ветра, хлопочут врачи, медицинский и ветеринарный: им надо развернуть свои лечебные пункты. В стороне от них комсомольцы ставят красную юрту. В ней животноводы найдут свежие газеты, нужную литературу, к их услугам радиоприемник, патефон, домбры. Пока будет готова красная юрта, все это имущество водворяется в юрту старшего джилкиши (пастуха) колхоза «Кайрат» Алима Калмамбетова.

Сам хозяин юрты только что приехал с дальнего участка джайляу, где он устраивал косяк коней. Во всем районе знают и уважают Алима Калмамбетова за честность, трудолюбие и прямоту. Все его помыслы связаны с колхозом. Юрту, в которой мы беседовали сейчас с Калмамбетовым, он купил на свои сбережения не потому, что колхоз не мог этого сделать, а потому, что общественные деньги можно и нужно расходовать на более важные вещи. Так думает Алим Калмамбетов и старается не обременять колхоз расходами.

— Ведь с чего мы, беднота, начинали новую жизнь? — вспоминает почтенный колхозник. — В 1934 году у нас в артели было семь коней. А теперь на нашей коneферме их 410. В этом году меня спросили: «Можешь, Алим, увеличить свой табун на 77 голов?». Это мне такой план дали. А я увеличил на 80 и еще жду 6 жеребят. Всех выращу... Как я этого добиваюсь? Заботой. Особенно за водопоем нужно следить. Хороша прохладная вода в жару, а зимой? Зимой не поленись, найди теплые ключи и из них пои маток, тогда приплод сохранишь. Да и летом за жеребятами смотри да смотри. Ночью лошади пасутся, а жеребенок спит. Ушел табун, пришли волки — нет жеребенка... А потом у нас есть и другие заботы. О них лучше расскажет Омаржан Толкамбаев,— неожиданно прервал свой рассказ Алим.

Омаржан Толкамбаев, заведующий овцетоварной фермой, продолжил беседу:

— У нас в колхозе все чабаны соревнуются. Каждый взял большие обязательства. Мы, колхозные коммунисты, стараемся помогать животноводам не только выполнить, но и перевыполнить их обязательства. Подбираем хорошие кадры, учимся. Вовремя и толково разъяснить каждому колхознику решения партии и правительства по вопросам животноводства — это большая, серьезная работа. Так я думаю. На нашей ферме должно было быть по плану этого года 3050 овец, а уже есть свыше 4 тысяч.

Раздался тихий, но ясный голос пожилой колхозницы Аржалкын:

— А еще славен наш колхоз песнями. Песня — спутница счастливых людей. Рыскульбек, — обратилась она к седому чабану, — возьми домбру, спой.

Рыскульбек Исабеков не заставил себя упрашивать. Легким, плавным жестом он поднял домбру, едва коснулся струн, настроил. И полилась широкая, плавная, как степная река, мелодия. Шумел ветер, и его шум вплетался в ритмичный напев домбры.

Утром следующего дня перед юртой появился всадник. Он поспешно спрыгнул с коня и вместо приветствия возбужденно произнес только одно слово:

— Суюнши! — и протянул заместителю председателя Энбекши-Казахского райисполкома Мурзахмету Калиекову пакет.

Слово «суюнши» взволновало всех животноводов. И пока Мурзахмет знакомился с содержанием пакета, они собрались вокруг него, потому что «суюнши» — значит «важная новость».

Весть, действительно, оказалась серьезной. Сдвинув брови, Мурзахмет Калиеков сказал:

— Товарищи, американские поджигатели войны бомбят мирные села и города Северной Кореи. Весь советский народ ведет борьбу за мир. По всей стране проходят митинги и собрания. Патриоты Родины подписываются под Стокгольмским Воззванием о запрещении атомного оружия.

Колхозник Каршал Умбетбаев, заведующий овцеводческой фермой, выступил вперед. По характеру это спокойный, тихий человек, а заговорил он порывисто, страстно:

— Я защищал Сталинград! Я освобождал Донбасс, Запорожье, и я знаю, что такое война! Мы умеем воевать и умеем побеждать любых врагов. Но мы любим жить мирно и работать. Пусть товарищ Сталин знает: животноводы колхоза «Совет», как и все сторонники мира на земле, всегда с ним.

— Посмотрите, какая вокруг земля! — воскликнул Умбетбаев. — Наша! Колхозная! Сколько простора! Но завтра здесь будет тесно. Не пять тысяч, а десять, пятьдесят тысяч овец нашего колхоза придут сюда. Так будет. Мы советские люди; у нас слово не расходится с делом!

Певец казахского народа
ДЖАМБУЛ ДЖАБАЕВ.

Управляющая коневодческой фермой совхоза «Тургенский», Алма-Атинской области, Казахской ССР, Герой Социалистического Труда Насиха Дюсекенова.

Фото Б. Кузьмина

Мир победит войну!

— Мы твердо верим, что силы мира могущественнее сил войны. Мир должен победить войну! Мир победит войну!

Эти страстные слова наказа советским делегатам на Второй Всемирный конгресс сторонников мира во весь голос вновь и вновь повторяют рабочий и академик, колхозник и писатель, педагог и врач. В наказе выражена воля всего нашего народа, тридцать три года назад начертавшего на победном знамени Октября близкое всему человечеству слово «мир».

С трибун многолюдных митингов, посвященных итогам Второй Всесоюзной конференции сторонников мира, советские люди твердо заявили:

— Мы горячо поддерживаем наказ нашим делегатам. Войну можно и нужно предотвратить. Ибо нет на свете силы, которая могла бы сломить волю сотен миллионов к миру, свободе, демократии.

Глубокой верой в победу лагеря сторонников мира были проникнуты речи ораторов.

— Мир победит войну, потому что знамя этой борьбы — Сталин!

В громах строительных работ,—
Не в грохоте мортир,—
По всей земле Великий Вождь
Ведет нас в бой за мир!

На снимке: На митинге профессоров, преподавателей, студентов Московского высшего технического училища имени Баумана. Выступает студент Герой Советского Союза Б. А. Золотухин.

Фото В. Егорова (Фотохроника ТАСС).

В канун великой годовщины

Ленинград. В музее-квартире В. И. Ленина на Сердобольской улице.

Фото Б. Уткина

...В эту квартиру каждый входит с трепетным волнением: здесь жил Владимир Ильич Ленин в знаменательные предреволюционные дни. Отсюда, оставив М. Фофановой на дне глубокой тарелки записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».— Ленин 24 октября 1917 года, когда стемнело, ушел в Смольный.

Утром и вечером, в будние дни и в воскресенья, в квартиру-музей В. И. Ленина на Сердобольской улице приходят много ленинградцев.

Посетители знакомятся с обстановкой, в которой жил Владимир Ильич, внимательно рассматривают фотокопии с знаменитой ленинской работы «Советы постороннего» и писем, написанных здесь.

Экскурсантов в эти дни кануна великой Октябрьской годовщины можно повстречать у клуба имени 1 Мая, где начинал работу VI съезд большевистской партии, у Смольного, в Таврическом дворце, в квартире-музее на набережной Карповки, где было принято решение о вооруженном восстании, на Дворцовой площади.

Дворцовая площадь, арка Главного штаба, Зимний дворец одеваются в праздничный наряд. В ярком убранстве и другие исторические здания. Художники украшают Выборгскую сторону и Нарвскую заставу, иллюминируют Адмиралтейский шпиль и вышки Метростроя. Нахимовцы готовят флаги расцвечивания, чтобы поднять их на мачтах легендарной «Авроры».

Город, где 33 года назад прогремел выстрел «Авроры», готовится к празднику. Во всем облике города, в трудовом накале соревнования, оживлении, которое царит в клубах, агитпунктах, магазинах, заметно приближение 7 ноября.

Чем заняты в эти предпраздничные дни ленинградцы, несущие вахту мира?

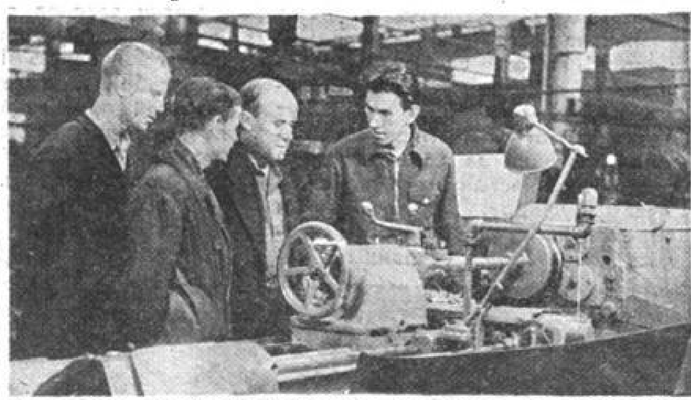
Завод имени Свердлова закончил сборку новых прекрасных станков. Литейщики «Красного выборжца» радуют свой коллектив скоростными плавками. Разметчик завода, член Советского Комитета защиты мира Г. Дубинин, возвратясь со Всесоюзной конференции, начал выполнение 13-й годовой нормы. Стахановцы «Красной зари» добились четкого ритма работы цехов — график здесь стал законом. Скороходовцы сдают очередной миллион пар обуви в счет следующей послевоенной пятилетки. Коллектив «Севкабеля» досрочно справился с заказом для Куйбышевской гидростанции. Каменщик А. Парфенов завершил кладку двадцать пятого жилого дома, который строит он после войны. На Охте текстильщицы и машиностроители въехали в только что отстроенные здания, а на проспекте Энгельса заложили новую школу...

Таковы трудовые будни предпраздничного Ленинграда. Так город Ленина встречает годовщину родной советской власти.

В. АЛЕКСАНДРОВ

У скоростников станкозавода

Участники предоктябрьского соревнования на станкозаводе имени Орджоникидзе. Слева направо: В. Чурилин, М. Орлов, А. Гончаров и Ю. Диков.

Фото П. Евгеньева

Лауреат Сталинской премии Андрей Николаевич Гончаров встретил нас на пороге большого и светлого цеха.

— Как встречаем 33-ю годовщину Октября? — переспросил Андрей Николаевич.— А вы посмотрите.

И Гончаров подвел нас к стене, на которой висел большой плакат.

— Вот обязательства нашего участка к празднику,— сказал Андрей Николаевич.— Решили мы к 33-й годовщине сделать наш участок стахановским. И это как будто нам удается.

Слава скоростников участка Андрея Николаевича Гончарова давно уже вышла за пределы Московского станкозавода имени Орджоникидзе. Мастер механического участка 2-го цеха Гончаров в 1950 году был удостоен Сталинской премии за широкое внедрение новых скоростных методов в производство. Его участок первым на заводе стал полностью скоростным, что позволило во много раз сократить время, уходящее на нарезку червячных винтов. Раньше на этой трудоемкой работе было занято 46 человек, теперь — 29.

Используя опыт ленинградского токаря Борткевича, Гончаров совместно с рабочими Е. Ахлестовым, Н. Чикиревым и Ю. Диковым разработал новый метод резьбы всех профилей. И вот мы стоим у станка одного из лучших стахановцев станкозавода — Юрия Дикова.

Быстры и точны движения 22-летнего скоростника. Он соревнуется со своим сменщиком, коммунистом Николаем Чикиревым, инициатором предоктябрьского соревнования на заводе.

За этим соревнованием двух выдающихся стахановцев с большим вниманием и интересом следит весь завод. Вот и сейчас, в свободную минуту, к Дикову подошли Андрей Николаевич Гончаров, один из лучших шлифовщиков цеха, Михаил Иванович Орлов, обязавшийся к 33-й годовщине выполнить две годовых нормы, молодой фрезеровщик Виктор Иванович Чурилин.

Вдохновенным трудом встречают великий праздник советского народа рабочие-скоростники станкозавода.

В. ЯКОВЛЕВ

Юность города

С. МОРОЗОВ
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото О. Кнорринга.

Первое впечатление о городе складывается обычно на вокзале. Когда пассажирский поезд Иваново — Комсомольск останавливается на берегу небольшого озера, сразу чувствуешь — здесь конец пути, тупик. Но странной, неожиданной деталью пейзажа возникает массивный переходной мост. С высоты его открывается широкое пространство, испещренное паутиной стальных путей. Тут и там снуют миниатюрные паровозы, тянущие за собой составы с торфом. Частый металлический лязг буферов, пронзительная перекличка гудков, властный голос диспетчера, усиленный радиорепродуктором. Нет, Комсомольск не только тупиковая станция Ярославской железной дороги: он вместе с тем и крупный узел узкоколейных путей, проложенных в глубь окрестных лесов и болот.

Сотни вагонов с торфом ежедневно выгружаются здесь, питая Ивановскую ГРЭС. Отсюда на фабрики, заводы, в города крупной промышленной области по проводам высоковольтной передачи устремляется живительный поток энергии.

С высоты переходного моста видна спокойная гладь озера, окаймленная ржавой позолотой увядших трав. Над противоположным лесистым берегом вспархивают стаи диких уток. Хоть и поздняя осень, птицы не улетают на юг. Согретое горячими стоками электростанции, озеро не замерзает и в самые холодные зимы.

Так, не увидев еще самого города, на пути от вокзала начинаешь ощущать своеобразие этого уголка нашей Родины.

Но вот дорога переходит в улицу. Ряды каменных трехэтажных домов пересекаются под прямыми углами. Вдоль булыжных мостовых — аллеи молодых лип, огражденные чугунными решетками. У центрального перекрестка монументальное здание клуба.

В административном справочнике РСФСР Комсомольск числится как рабочий поселок, один из районных центров Ивановской области. Но кумачовые лозунги у входа в агитпункты извещают о предстоящих выборах в **городской** Совет. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 августа 1950 года Комсомольск преобразован в город.

Приветливо встречают комсомольчане агитаторов, разъясняющих Положение о выборах. Десятки жителей города: лучшие стахановцы, представители интеллигенции, домохозяйки-общественницы — выдвинуты в состав городской и окружных избирательных комиссий по выборам в городской Совет депутатов трудящихся.

Большое, радостное это событие — впервые избирать свой городской Совет!

— Мы теперь городские жители,— с гордостью говорят комсомольчане-старожилы.

Старожилы!.. В применении к городу-юноше слово это звучит, быть может, парадоксально. Но таких старожилов, для которых история Комсомольска тесно переплетена с их собственной жизнью, можно встретить здесь немало. Люди эти не только помнят историю города: они своими руками создавали новую географию своего края.

Николай Бируля приехал сюда, когда ему было 20 лет, вместе с первыми строителями. В ту пору, в канун первой сталинской пятилетки, на болотистых берегах речки Ухтохмы забивали сваи фундаментов будущей электростанции, насыпали плотину, чтобы превратить речку в озеро. Там, где сейчас мостовая и каменные дома, рос густой осинник, и лошади, подвозившие на стройку кирпич, по брюхо вязли в трясине.

Николай Бируля работал грузчиком, рыл котлованы, укладывал бетон. Когда первая турбина Ивановской ГРЭС дала промышленный ток, бывший землекоп стал на вахту в сверкающем белизной, залитом светом машинном зале. Вместе с товарищами,

Самые молодые граждане юного города.

такими же энтузиастами, ратовал он на митингах за то, чтобы поселок при электростанции был назван именем родного комсомола.

Сюда из далекой Витебщины привез Николай жену. В дощатом бараке зажили молодожены Бируля «своим домом». Барак этот цел до сих пор. На окраине города он доживает сейчас последние дни, чтобы в скором времени освободить место новому дому.

Кварталы растут вширь и ввысь. Прямыми линиями пролегают новые магистрали.

Улица 9 Мая, которую начали застраивать после войны, тянется теперь на несколько сот метров. Нарядно окрашенные домики окружены палисадниками. Каждый домик — личная собственность рабочей семьи. Этот вот, светлокоричневый, с резным крыльцом, построил себе мастер Константин Васильевич Кузнецов. Напротив отстроился модельщик Иван Арсеньевич Румянцев.

Неподалеку от того места, где стоит еще памятный Бируле барак, теперь пролегает Первомайская улица. В каменных двухквартирных коттеджах поселены рабочие-кадровики. В одном из таких домов и живет с семьей Николай Николаевич Бируля — начальник смены турбинного цеха.

— Все здешние, уроженцы Комсомольска, — говорит Раиса Тихоновна Бируля, представляя по очереди четверых своих ребят.

Старший, Евгений, заканчивает десятилетку и мечтает в будущем году ехать в Ленинград — поступать в Горный институт.

— Вот оно, второе поколение нашего города, какое требовательное растет! Обязательно в вуз хочет, — кивает на сына Николай Николаевич, — а мог бы ведь и здесь в энерготехникуме учиться. Наш комсомольский диплом тоже кое-чего стоит...

И Бируля называет имена выпускников Комсомольского энерготехникума, которые занимают теперь руководящие посты не только на Ивановской ГРЭС, но и на электростанциях Ленинграда, Минска, Ярославля.

— В Комсомольске и третье поколение появляться начало, — замечает Раиса Тихоновна и рассказывает про семейную радость соседей — Майоровых. Их дочь, привезенная ребенком в Комсомольск, сама недавно стала матерью.

Любят супруги Бируля поговорить о будущем Комсомольска: каким-то будет их город, когда соседский малыш получит аттестат зрелости? Надо думать, обзаведется к тому времени Комсомольск собственным вузом и драматическим театром.

В патриотизме комсомольчан есть одна черта, характерная для советских людей вообще, — устремленность в будущее, желание лучше, полнее удовлетворить растущие потребности трудящегося человека.

Хороши каменные коттеджи на Первомайской: водопровод, центральное отопление, посадки молодых яблонь на прилегающих участках. Но есть архитектурные дефекты и во внешнем облике зданий и в планировке квартир. И новые дома, по соседству, строятся уже по другим, улучшенным проектам. Каждая квартира будет снабжена ванной и застекленной верандой. Окна делаются шире, потолки выше.

Николай Николаевич и Раиса Тихоновна Бируля — строители и старожилы Комсомольска. Их дети Женя, Рита, Наташа и Саша — местные уроженцы, коренные комсомольчане.

На главной улице липы были высажены еще до войны. А сейчас можно видеть и пожилых рабочих и школьников с лопатами в руках около всех домов. Тысячи деревьев и кустарников высаживаются по всему городу. Тщательно, со вкусом выполнены чугунные решетки, ограждающие газоны и палисадники. В мастерских электростанции трудятся над новым заказом города — делают мачты для фонарей уличного освещения.

Выборы городского Совета первого созыва совпадут с исполняющимся в декабре двадцатилетием Ивановской ГРЭС. Активисты клуба озабочены, как достойно отметить эти события. Драматический кружок, танцоры, певцы готовят специальную программу к предстоящему смотру художественной самодеятельности. Музыканты духового оркестра — молодые рабочие и учащиеся техникума — разучивают «Торжественную увертюру», написанную к знаменательной дате художественным руководителем клуба композитором С. А. Погодиным.

Исполком поселкового Совета Комсомольска помещается еще в старом деревянном домике на окраине. Попрежнему невелик штат его сотрудников, но масштабы работы становятся уже иными — городскими.

— По бюджету можно судить, — говорят нам в исполкоме. — В сорок третьем, помнится, был бюджет в пятьсот тысяч, нынче за два миллиона перевалил, а на будущий год больше пяти миллионов рублей отпущено городу Комсомольску.

Тут есть над чем поразмыслить и исполкому Совета и нынешним депутатам К. И. Соколову, С. Г. Крайнову, Л. А. Марсовой, много уже сделавшим для местного благоустройства, и тем, кого изберут в состав первого горсовета.

Предстоит расширять больницу и поликлинику, строить еще одну школу, создавать парк культуры и отдыха и спортивный стадион, для которых уже намечены участки на противоположном берегу озера. С жилыми кварталами энергетиков должен слиться теперь поселок текстильщиков фабрики «Коммунар», хоть и расположенный в километре от Комсомольска, но также входящий в городскую черту. Сейчас уже подано около полутора тысяч заявлений на постройку индивидуальных домов. Каждому застройщику надо отвести землю, отпустить ссуду, помочь материалами.

Хотят комсомольчане видеть свой город красивым и нарядным, да не всегда это у них пока получается. Поставили, скажем, энергетики у подъезда своего клуба каменных львов. Коллектив узкоколейной дороги решил не отставать от соседей и... такая же точно пара зверей украсила подъезд расположенного рядом клуба транспортников. А как планировать новые улицы, новые, застраивающиеся кварталы? Пора уже Комсомольску иметь своего городского архитектора!

Много в городе детворы. Нужны детские площадки, Дом пионеров. Три газеты издаются в Комсомольске. Почему бы не объединить их в ежедневный городской печатный орган?

...Людно в эти дни на агитпунктах при избирательных участках. По вечерам собираются здесь и старожилы и их дети, коренные уроженцы Комсомольска, которым предстоит впервые в жизни участвовать в выборах. Деловые, глубоко продуманные наказы готовят они для своих избранников. В наказах этих любовная забота о будущем юного города, непоколебимая вера в его счастливое и прочное завтра.

В поселке на берегу моря

Люди, живущие на Керченском полуострове, утверждают, что солнечных дней здесь бывает больше, чем в Ялте. Так это или не так, а солнца много в этих местах, где высаживались отважные десантники Советской Армии, чтоб отбить у врага многострадальную Керчь — древний русский город.

Большой урон потерпел город металлургов и рыбаков. А чудесный, благоустроенный поселок, в котором жили рабочие Камыш-Бурунского железорудного комбината, фашистские захватчики разрушили дотла. Только щербатые руины остались на берегу, и оттого самое море казалось тусклым и безрадостным. Но длилось это недолго.

Снова искрится под солнцем синяя морская ширь. На берегу выросли сотни чудесных домов — розовых, белых, желтых и палевых. Восстановление поселка имени Аршинцева идет бурным темпом. Он становится лучше и краше, чем был.

Своеобразную прелесть новому городку придает строгая квартальная планировка. Каждый квартал — это законченный архитектурный ансамбль, непохожий на соседний, но имеющий общий с ним стиль. Таким образом, при большом архитектурном разнообразии, радующем взор, сохраняется композиционное единство.

Каждый квартал застраивается жилыми зданиями только по краям. В середине образуется огромный двор, в котором разбивается сквер.

Уже возведено (не считая ста пятидесяти индивидуальных домиков) около двухсот строений. В самом меньшем из них восемь благоустроенных квартир, в самом большом — пятьдесят девять. Обилие балконов, широкие окна, распахнутые настежь почти три четверти года, открытые веранды разных форм, светлые тона окраски придают всему поселку чисто южный, веселый колорит.

Одновременно со строительством жилых домов идет и благоустройство. В поселке возведены три школы-десятилетки, каждая из которых сделала бы честь столичному городу. Состоялась закладка корпусов больничного городка, который располагается в саду среди зелени. Начато строительство большой водной станции.

В. ПЕТРОВ

Новая школа в Камыш-Буруне.

Фото С. Осипова.

НА ВОЛЖСКОЙ СТРОЙКЕ

В этом маленьком, в прошлом ничем не примечательном волжском городке сейчас находится центр управления Куйбышевгидростроя. Городок расположен на волжской протоке, огибающей остров Осередыш. На правом берегу реки возвышаются лесистые горы, с выступами голого камня, а здесь равнина и пески.

Прямые улицы с деревянными одноэтажными, редко двухэтажными каменными домами. Летом, в сушь, по улицам трудно ходить: ноги вязнут в сыпучем песке; но весной и осенью, когда идут дожди, песок становится твердым, как асфальт.

Городок доживает свое последнее пятилетие. Через пять лет место, где стоит он, зальют воды Куйбышевского моря. Районный центр переместится на гору, и тогда это будет уже большой социалистический город с красивыми многоэтажными домами, асфальтированными улицами, кинотеатрами, вокзалом новой электрической железной дороги.

Это свое последнее пятилетие маленький районный городок начал бурно и стремительно. Особенно оживленно здесь ныне, когда весь коллектив новостройки вступил в предоктябрьское соревнование. Никогда еще к дебаркадеру местной пристани так часто не причаливали большие транзитные пароходы скорой, почтовой и пассажирской линий. Ежедневно сюда прибывают сотни строителей гидроэлектростанции — инженеры, геологи, плановики, прорабы, геодезисты, шоферы, монтажники, буровые мастера, слесари, токари, автогенщики.

На берегу пассажиров ждет автобус. Но приезжих много, и придется использовать попутные машины. Через волжскую пойму по новому, недавно проложенному шоссе, соединяющему городок с водной пристанью, мчатся автомобили.

* * *

Управление Куйбышевгидростроя разместилось в большом деревянном здании. С раннего утра его просторные, светлые коридоры заполняют посетители. Это те, кто приехал на пароходе вчера или сегодня ночью.

Откуда они, эти люди?

Вот идет высокая девушка с небольшим саквояжем в руках. Это Нина Петрова. Месяц назад она кончила Московский арктический техникум. Девушка мечтала о Крайнем Севере, но когда в газетах было опубликовано постановление о стройке Куйбышевской ГЭС, молодой гидролог попросила отправить ее на Волгу.

На берег Петрова сошла вместе с супругами Ионовыми — связистами. Это уже пожилые люди. До последних дней жили они в Угличе, но, прослышав про волжскую стройку, снялись с обжитого места. Они прибыли сюда без направления, «по своей воле», как выразился Ионов.

Любовь Чунихина приехала из Ворошиловграда; там она окончила строительный техникум. Нина Сорокина — выпускница Саратовского автодорожного института. Александр Шипов — из Куйбышева, где он окончил плановый институт.

Есть люди из Ростова-на-Дону, Ярославля, Казани, Пензы, Тулы, Уфы. Со всех концов Советского Союза съехались они сюда сооружать величайшую ГЭС. По преимуществу это молодежь, только что вступающая в трудовую жизнь. Но немало среди прибывших и специалистов, уже умудренных производственным опытом.

Рабочие массовых квалификаций отправляются на участки строительства сразу же, как только получают направление в отделе кадров. Специалисты, прежде чем приступить к делу, непременно должны побывать у главного инженера стройки Н. Ф. Шапошникова. Беседа у главного инженера длится недолго. Он задает несколько деловых вопросов и, выслушав ответы, говорит о задаче, которая стоит перед коллективом строителей и перед его собеседником в частности.

Геолог-грунтовед Т. А. Носкова в геотехнической лаборатории.

— На первых порах будет трудновато с жильем — городок строителей только что заложен,— замечает инженер.— Но, я думаю, с этой трудностью мы скоро покончим. Дома у нас строятся быстро...

* * *

Там, где скоро начнется сооружение гигантской плотины, пока нет ни мощных шагающих экскаваторов, ни огромных землесосов, ни тех еще невиданных в истории строительной техники высокопроизводительных бетономешалок и кранов, которые должны приготовить и уложить шесть миллионов кубометров бетона. На берегах реки еще стоят невырубленные леса, нарядно расцвеченные красками погожей осени. Но строитель уже пришел в эти глухие места и обозначил трассу будущей плотины буровыми вышками. Цепь их начинается у соснового бора, на левом берегу, спускается по откосу на пойменные пески и тянется по ним в направлении правого берега. Вышки стоят не только на берегу, но и в русле Волги. Там они водружены на понтоны и плотики.

Изыскатели, исследующие грунт, на котором будет сооружена плотина, работают днем и ночью. Буровые мастера их бригады, начав предоктябрьское соревнование, день ото дня увеличивают выработку. Впереди бригада бурового мастера Алексея Ивановича Хохлова.

Добытые грунты поступают в лабораторию на испытание и тщательное исследование. Этой кропотливой работой занимаются преимущественно геологи-грунтоведы, гидрологи, лаборанты.

Пройдет пять лет, и здесь, где ныне тянутся буровые вышки, поперек могучей реки встанет железобетонная стена, способная выдержать напор миллиардов кубометров воды. На сотни километров протянется Куйбышевское море, огромные волны будут биться о берега в штормовую погоду. Электрическая энергия пойдет по высоковольтной линии в Москву, в центральные области Союза. Волжские воды оросят миллион гектаров земель засушливого Заволжья.

* * *

В порту круглые сутки идет выгрузка всевозможных машин, механизмов, строительных материалов, прибывающих на теплоходах и баржах с верховьев и низовьев Волги, с перевалочных железнодорожных станций. Бульдозеры. Скреперы. Автокатки. Грейдеры. Экскаваторы. Лес. Кирпич. Цемент. Алебастр. Стекло. Разборные стандартные дома. Автомобили. Аппаратура связи. Станки. Пилорамы... Всего не перечислить.

Все шире становится размах работ на строительной площадке. Уже построены и действуют на полную мощность несколько лесопильных заводов. Для строителей возводятся жилые дома. Там, где два месяца назад была степь или шумел лес, сейчас белеют новые поселки. Проложен водопровод, открыты столовые, парикмахерские, бани.

По обоим берегам Волги широким фронтом идет прокладка шоссейных и железных дорог, которые соединят гидроузел с Куйбышевом и Сызранью. Все это надо закончить быстро, чтобы поступление грузов и материалов для строительства не прекращалось и в зимнее время.

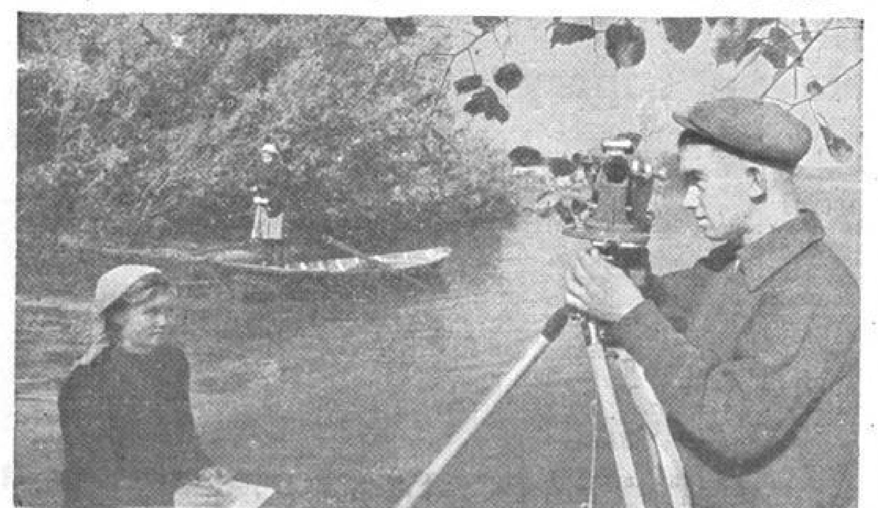
Шоссейные дороги строят колхозники близлежащих сел. Каждый колхоз счел долгом послать на строительство своих людей и транспорт. Вся трасса разбита на участки, и артели вступили в предоктябрьское соревнование: кто раньше закончит задание.

В строительстве железнодорожных подъездных путей активно участвуют горожане. Сызранцы, например, устраивали несколько воскресников и проложили много километров дорог на правом берегу.

Каждый из поволжцев считает за честь помочь строителям. Заводы Куйбышева, Чапаевска, Сызрани командировали на гидроузлы лучших своих слесарей, водопроводчиков — пусть поработают там месяц. Куйбышевские связисты тянут новую линию телефонной и телеграфной связи, которая соединит гидроузел с Куйбышевом и Москвой.

...Когда кончается день и на багряные леса и синие горы спускается ночная мгла, на многочисленных участках великой стройки вспыхивают яркие электрические огни. И радостно видеть в этих вчера еще глухих и безлюдных местах огни, зажженные советским человеком по воле большевистской партии, по воле Сталина.

Н. БОРИСОВ

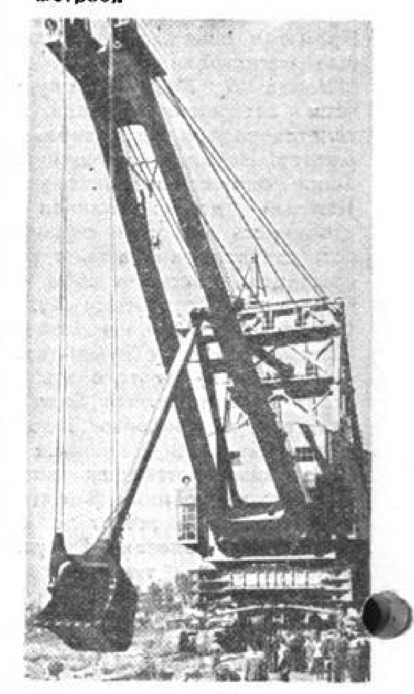

Техник-топограф И. С. Жигулин за съемкой местности.

Фото А. Тихомирова

ЭКСКАВАТОР-ГИГАНТ

Блестящую производственную победу одержал на трудовой вахте мира коллектив Ново-Краматорского завода тяжелого машиностроения имени Сталина. Здесь закончена сборка первого самого крупного в нашей стране электроэкскаватора «ЭГЛ-15» (электрогусеничная лопата с ковшом емкостью 15 кубометров).

Вот некоторые цифры, дающие представление о новом экскаваторе-гиганте: общий вес — 1054 тонны, высота — 33 метра, длина стрелы — 34 метра. Машина состоит из 53 тысяч деталей и оснащена 44 электромоторами общей мощностью в 6446 киловатт. Она может за сутки произвести выемку и погрузку более 20 тысяч кубических метров грунта, выполнив работу 7 тысяч рабочих.

Экскаватор спроектирован инженерами Ново-Краматорского завода.

Гигантская машина предназначена для угольной промышленности. Чтобы доставить ее на место, потребуется 52 железнодорожных вагона.

И. ЮШКО

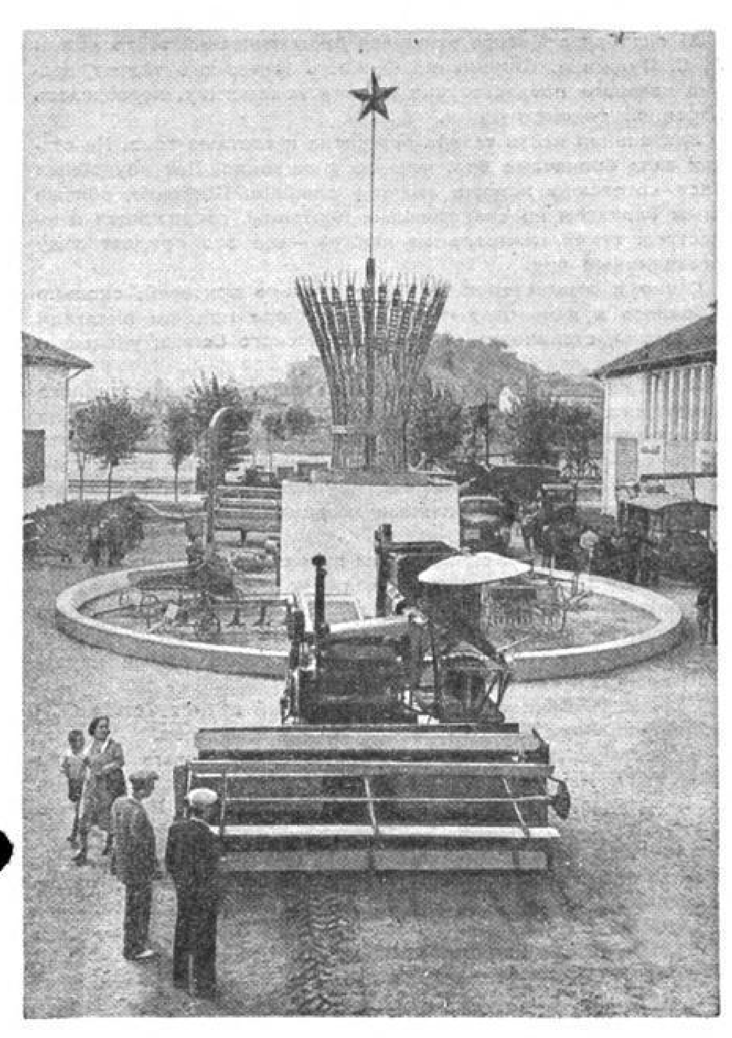
КОРОТКО

УНИВЕРСИТЕТ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА организован при бакинском Доме офицера. В первый день занятий были заслушаны лекции преподавателя Азербайджанского университета доцента О. Щербининой на тему «Мировое значение русской литературы» и преподавателя Азербайджанской консерватории Д. Данилова: «Мировое значение русской музыкальной культуры».

ДЕКАДА ТВОРЧЕСТВА ростовских композиторов состоялась в областной филармонии в Ростове. Силами студентов музыкального училища была исполнена опера «Бахчисарайский фонтан» И. К. Шапошникова; либретто по одноименной поэме А. С. Пушкина написал Т. Сотников. Были также исполнены камерные произведения И. Готтбейтера, романсы А. Митрофанова на тексты Пушкина.

ВЫСТАВКА РАБОТ студентов Художественного института открылась в Харькове. Представлены живопись, скульптура, графика. Большим успехом у зрителей пользуются произведения дипломников Л. Ткаченко, В. Парчевского, В. Полтевцева и других.

ВЫСТАВКА В ПЛОВДИВЕ

Советские сельскохозяйственные машины на выставке.

Недавно в Пловдиве состоялась XIV Международная выставка промышленности и сельского хозяйства. Она была значительным событием в хозяйственной жизни Болгарии и послужила укреплению экономического сотрудничества между странами народной демократии и Советским Союзом.

В выставке приняли участие СССР, Болгария, Польша Венгрия, Чехословакия, Румыния и Албания, а также отдельные фирмы Германской демократической республики, Швеции, Австрии, Бельгии, Голландии и Франции.

Широко были представлены изделия болгарской промышленности, в том числе молодой тяжелой индустрии. Здесь можно было увидеть металлообрабатывающие и деревообрабатывающие станки и прессы, рудничные электровозы, сельскохозяйственные машины, макеты изготовляемых в Болгарии паровозов. Образцы хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных тканей, табачных, стеклянных, керамических изделий давали представление об успешном развитии легкой промышленности республики.

В одном из павильонов собраны были экспонаты, отражающие успехи сельского хозяйства Болгарии. Посетители знакомились с насосными установками и оросительными сооружениями мелиоративной системы в районе Свиштов — Белене — Никопол, созданной с помощью Советского Союза. Уже в нынешнем году эта система дала возможность оросить 11,5 тысячи гектаров земли, прилегающей к Дунаю.

Павильоны Болгарии на Пловдивской выставке как по количеству экспонатов, так и по оформлению были значительно богаче, чем в прошлом, — свидетельство быстрого и неуклонного роста народного хозяйства республики.

Значительное место на выставке занимали павильоны Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии, наглядно показавшие достижения молодых народно-демократических республик. Впервые на Пловдивской выставке участвовала Албания.

Всеобщее внимание привлекали павильоны Советского Союза.

Подолгу рассматривали посетители действующие токарные станки, рассчитанные на скоростные режимы резания, новейшие фрезерные, шлифовальные, доводочные, заточные станки, электродвигатели, трансформаторы.

Между первым и вторым павильонами СССР высилась сорокаметровая Башня мира, увенчанная красной звездой. У подножия на площадке были размещены гербы 16 союзных республик и красные знамена, а вокруг — автомобили, экскаваторы, автокран «Январец» грузоподъемностью в 5 тонн и большое количество дорожных машин.

Восхищение посетителей выставки вызвали угольный комбайн «Донбасс» и погрузочные машины, значительно облегчающие труд шахтеров.

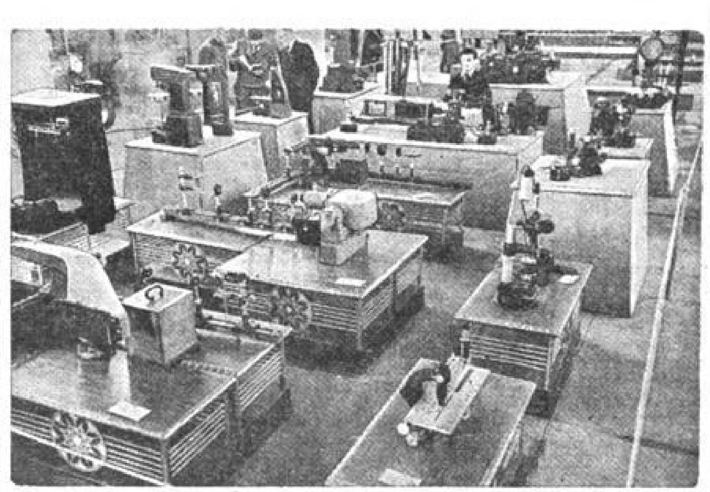
Во втором павильоне демонстрировались изделия текстильной, пищевой и других отраслей легкой промышленности СССР, здесь же — образцы советских книг и журналов. Богато представлены издания классиков марксизма-ленинизма на русском языке, языках народов СССР и иностранных, а также научная и художественная литература.

Большое количество фотографий и диаграмм ярко показывало непрерывное повышение жизненного и культурного уровня трудящихся Советского Союза.

На одной из площадок стояли сельскохозяйственные машины, в том числе самоходный и прицепной комбайны, тракторы, сложные молотилки, зерноочистительные машины, сеялки, культиваторы и т. д.

О том, какое радостное чувство у болгарского народа вызывают успехи Советского Союза, как широко используется богатый хозяйственный и культурный опыт нашей страны для построения социализма в Болгарии, можно судить по восторженным записям в книге отзывов посетителей советских павильонов. Побывавшие на выставке председатель Совета Министров Болгарии В. Червенков и его заместитель В. Поптомов записали: «Сердце радуется могучему и всестороннему подъему и расцвету советской промышленности. Выставка это хорошо показала».

А. НИКИФОРОВ

В Советском павильоне. Стенды с оптическими приборами.

Старейший сибирский институт

Профессора Томского политехнического института. В первом ряду (слева направо): заслуженные деятели науки и техники — горный генеральный директор 3-го ранга профессор Д. А. Стрельников, инженер первого выпуска института профессор И. И. Бутаков и профессор И. В. Геблер. Во втором ряду: лауреаты Сталинской премии профессор К. В. Радугин и профессор Л. П. Кулев.

Фото В. Баковиной

50 лет назад, 22 октября 1900 года, в главном корпусе нынешнего Томского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института имени С. М. Кирова были прочитаны первые лекции для студентов.

Профессора, преподаватели, студенты гордятся славными традициями старейшего сибирского института. Его история неразрывно связана с деятельностью пламенного трибуна революции, верного ученика и соратника Ленина и Сталина — Сергея Мироновича Кирова. Он учился в 1904—1905 годах на вечерних общеобразовательных курсах при институте. В Томске началась его кипучая революционная деятельность, здесь он подвергся первым репрессиям царского правительства.

За полвека институт дал нашей стране кадры прекрасных инженеров, ученых. Особенно много специалистов выпущено за годы советской власти. В 1906 году первый выпуск института состоял из 11 инженеров. Теперь Томский институт ежегодно заканчивают сотни молодых командиров производства.

Е. МРАМОРНОВ

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Директор плодово-ягодного питомника имени А. М. Лукашова агроном С. И. Томошин (справа) показывает посетителям плодоводческой выставки в Хабаровске груши-лукашовки.

Фото В. Байдалова (ТАСС)

Считалось, что на Амуре культурное садоводство невозможно. Росли дикие яблони, груши, сливы. Встречался кое-где дикий виноград. Культурные же сорта вымерзали. Садоводы прикапывали деревья на зиму. Но это было очень трудоемко и ненадежно.

Незадолго до революции хабаровский учитель-ботаник Артемий Максимович Лукашов скрестил дикую уссурийскую грушу с финляндской ранней и получил от посева семян гибридной груши четыре новых сорта. Они оказались на редкость зимостойкими и давали плоды хорошего качества. Так было положено начало культурному садоводству на Дальнем Востоке.

Со многими из дальневосточных селекционеров Иван Владимирович Мичурин был связан личной перепиской. Советы великого садовода направляли деятельность его дальневосточных последователей. Об их успехах красноречиво рассказывает большая плодоводческая выставка в Хабаровске.

В главном павильоне краевого художественного музея, где разместилась выставка, поднимаются до потолка виноградные лозы. Там и тут выглядывают из-под разлапистых листьев сочные, крупные грозди. Это таежный изумруд и дальневосточный Рамминга — два сорта винограда из шести выведенных приморским селекционером А. А. Раммингом.

В специальном разделе экспонаты молодых талантливых мичуринцев Алексея Болоняева и Григория Казьмина, сотрудников Дальневосточного научно-исследовательского института земледелия и животноводства.

Стенд плодово-ягодного питомника имени А. М. Лукашова. Здесь царство груш. Грудами и горками навалены на полках золотистые и желто-зеленые плоды. В нынешнем году питомник вырастил десятки тысяч сеянцев груш, яблонь, смородины, малины. Это значит, что скоро на Дальнем Востоке зацветут новые колхозные и любительские сады.

Р. АГИШЕВ

Сцена из спектакля «Любовь Яровая» Ногинского драматического театра. В центре: Любовь Яровая — артистка С. Нарышкина и комиссар Кошкин — артист В. Познанский.

Ногинскому театру 20 лет

От подъезда театра города Ногинска отъехала машина, груженная декорациями. Сегодня вечером текстильщики Глуховского комбината увидят выездной спектакль ногинцев «Зеленая улица». Директор театра, проводив машину, возвращается в свой кабинет и вынимает из ящика письменного стола тетрадь, в которой ежедневно отмечает выполнение финансового плана. Он находит графу, где предстоит поставить цифру сбора с предстоящего выездного спектакля, и уверенно пишет: «Аншлаг».

Вечером прогноз директора оправдывается.

Зрители любят Ногинский театр. Любят за то, что он живо откликается на их разнообразные запросы и строит свой репертуар, как правило, вдумчиво, интересно. Многие лучшие произведения советских драматургов, русской и западной классики воплощены на ногинской сцене. В репертуар вошли: «Маскарад» М. Лермонтова, «Воскресение» по Л. Толстому, «Волки и овцы» А. Островского, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Молодая гвардия» по роману А. Фадеева, «Дни и ночи» К. Симонова, «Зеленая улица» А. Сурова.

30 октября трудящиеся Ногинского района, Московской области, отмечают двадцатилетие своего театра.

Рабочие небольшого промышленного городка Богородска (так прежде назывался Ногинск) до революции не могли и мечтать о своем театре. Только после Великого Октября в городе появились профессиональные актеры— здесь гастролировали крупнейшие московские театры, передвижные труппы. Наконец, осенью 1930 года в Ногинске был основан свой постоянный театр. В разное время им руководили опытные режиссеры. С 1945 года во главе театра стоит заслуженный артист Карело-Финской ССР В. Познанский.

Творческое лицо ногинского коллектива наиболее полно выявляют спектакли последних лет — «Зеленая улица», «Любовь Яровая», «Воскресение». В них романтическая взволнованность сочетается с художественным выявлением жизненной правды.

«Воскресение» — это не просто сценическое повествование о прошлом. Это подлинно современный спектакль, гневно обличающий эксплуататорское общество с его комедией суда и мнимой демократии, с его политикой произвола и насилия, угнетающей и коверкающей человеческую личность. Вместе с тем этот спектакль полон веры в могучую силу русского народа. Запоминается его финал.

Сквозь сумеречную вечернюю дымку встают перед зрителями шеренги политзаключенных — узников царской тюрьмы,— лучших сынов и дочерей России, борцов за ее светлое будущее. Тверда их поступь, стройно несется из их уст вольнолюбивая песня...

«Любовь Яровая» — страстный рассказ о незабываемых годах гражданской войны. В центре этого героического спектакля — комиссар Кошкин в исполнении В. Познанского. Артист создает обаятельный образ человека непреклонной воли, горячо любящего свой народ. Правдиво и выразительно ведут свои роли С. Нарышкина (Любовь Яровая), Г. Леонидова (Панова), С. Ковранский (Горностаев) и другие артисты.

«Зеленая улица» — вдохновенный спектакль о трудовых буднях народа, строящего коммунизм. В этом спектакле академик Рубцов в искреннем исполнении артиста Л. Леонидова воплощает образ человека кристальной душевной чистоты, увлеченного созидательным, новаторским трудом на благо Родины.

Искусство ногинцев знают и ценят не только в их родном городе, но и по всему Подмосковью, всюду, где театр регулярно гастролирует,— в Загорске, Коломне, Серпухове...

В. ИЗВЕКОВ

ИМЕНИ ПУШКИНА

21 октября в Москве открылся Драматический театр имени А. С. Пушкина. Помещение бывшего Камерного театра, здание которого предоставлено новому коллективу, подверглось коренной реконструкции.

Зрительная часть театра окрашена в светлые тона. На стенах зала бронзовые бра, лепные украшения. Нет неудобных мест — отовсюду хорошо видно и слышно. Широкие, обитые алым бархатом кресла, тяжелые портьеры, сверкающая множеством огней центральная люстра — все это придает залу праздничный вид.

Давно в этих стенах не было столько зрителей, сколько собралось в день открытия театра. Сюда пришли писатели и артисты, стахановцы и Герои Советского Союза, ученые и студенты.

На открытии была показана пьеса старейшего грузинского драматурга Шалвы Дадиани «Из искры...» Пьеса посвящена революционной деятельности товарища Сталина в Батуми. Здесь он организует нелегальную конференцию представителей социал-демократических кружков, здесь он возглавляет грандиозную политическую демонстрацию батумских рабочих...

В заключительной сцене пьесы происходит встреча на Таммерфорсской конференции великих гениев революции Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина.

Спектакль поставлен главным режиссером театра народным артистом Союза ССР В. Ваниным.

Роль В. И. Ленина исполняет народный артист Союза ССР Б. Чирков. Роль И. В. Сталина — артист Б. Чукаев.

В постановке принимали участие заслуженные артисты РСФСР М. Названов, Б. Терентьев, Н. Чаплыгин, С. Ценин, В. Беленькая, Н. Новлянский, Г. Яниковский, В. Новиков и другие.

Спектакль был горячо принят зрителями.

24 октября театр имени А. С. Пушкина показал пьесу классика украинской драматургии Ив. Франко «Украденное счастье».

Сцена из первого действия пьесы «Из искры...» Ш. Дадиани в Московском драматическом театре имени А. С. Пушкина.
Фото Е. Умнова

СОРЕВНОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ

На краснодарском стадионе «Динамо» состоялись всесоюзные соревнования лучших колхозных физкультурников.

Четыре дня оспаривали участники соревнований почетное звание победителей, демонстрируя мастерство в беге, метании, прыжках.

На дорожку выходят сильнейшие колхозные бегуны: русские колхозницы Солопова и Гостинцева, армянка Барсегян, украинки Станишевская и Ильченко, белоруска Дерганова.

Вперед стремительно вырывается Полина Солопова, колхозница сельхозартели имени Сталина, Аксайского района, Ростовской области. Перед отъездом на соревнования в ее колхозную книжку бригадир вписал 460-й трудодень и пожелал ей таких же успехов в спорте, каких она добилась в труде на колхозном поле.

Незаурядная спортсменка через 12,9 секунды первой пересекла финишную ленту, превысив лучший результат соревнований прошлого года на 0,5 секунды.

Финал бега на 400 метров. Солопова вновь приходит первой, улучшая результат прошлогоднего достижения на 1,6 секунды.

Забег на 800 метров. И опять судья объявляет победительницей Солопову, пробежавшую дистанцию лучше прошлогоднего чемпиона на 2,9 секунды.

П. А. Солопова.
Фото В. Хломова (ТАСС).

Это была седьмая победа, одержанная ростовской колхозницей в этом месяце на краснодарском стадионе. Недавно она трижды завоевала первые места среди спортсменов-колхозников РСФСР и была удостоена ленты чемпиона Российской Федерации в беге на 1500 метров.

Отличного успеха добился азовский рыбак, мастер высоких уловов Владимир Остроушко. В беге на 800 и 1500 метров он улучшил результат прошлогодних соревнований.

В беге на 5 тысяч метров победу одержал старейший участник соревнований, сорокалетний колхозный плотник Василий Давыдов из Сталинской области. Он не впервые участвует в больших соревнованиях. Весной Давыдов занял третье место в 30-километровом пробеге лучших марафонцев Украины.

Среди победителей нынешних соревнований белорус В. Мисюк, украинцы Р. Отливанова и В. Ярошевский, мордвин А. Петайкин, эстонка Т. Кассенкамп, латыш И. Линдам и другие.

Соревнования показали, что мастерство колхозных физкультурников значительно возросло. Они улучшили 12 прошлогодних рекордов, показали 192 разрядных результата.

Командное первенство выиграли спортсмены Российской Федерации, на втором месте — команды Латвийской ССР, на третьем — Украинской ССР.

Победителям соревнований вручены призы и дипломы.

В. ПАНОВ,
В. ДАРМОДЕХИН

Товарищ Арсений

Из рассказов о М. В. Фрунзе

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Славный путь борьбы и легендарных подвигов прошел товарищ Фрунзе за свою замечательную, яркую жизнь.

В памяти нашего народа никогда не померкнут ратные подвиги полководца М. В. Фрунзе. Выполняя предначертания Ленина и Сталина, он осуществляет блистательные операции и громит полчища Колчака, Врангеля, очищает нашу землю от остатков интервентов и белогвардейщины — ставленников англо-французского империализма, а затем проводит гигантскую работу по укреплению и поднятию обороноспособности советской державы.

М. В. Фрунзе умер 31 октября 1925 года.

Провожая верного сына большевистской партии, члена ЦК партии и члена ВЦИК М. В. Фрунзе в последний путь, товарищ Сталин в речи на Красной площади сказал о нем:

«...В лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени.

Партия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей.

Советская власть потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства.

Армия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей».

Всей своей жизнью, беззаветным служением делу рабочего класса, партии Ленина—Сталина М. В. Фрунзе заслужил великую любовь и светлую память в поколениях советского народа.

1. Ночью

Урядника конной стражи Никиту Перлова не любили даже в полиции. Никита был груб, хитер, завистлив и страстно желал любым путем выслужиться перед начальством. Начальнику местной полиции исправнику Лаврову Никита пришелся по душе.

— Без лести предан,— отвечал исправник всем, кто пытался очернить угодливого урядника.

Мечтой Перлова было поймать Арсения [1]. Чего он только не делал для этого! Не надеясь на секретных сотрудников Лаврова, он сам бродил переодетым вблизи подозрительных квартир. Целыми ночами валялся в канавах, подслушивая разговоры рабочих. Но Арсений был неуловим, а Никиту не раз находили связанным и вдобавок избитым и разоруженным.

И Никита понял, что одному ему Арсения не словить.

Перлов забросил свои «маскарады», перестал перекрашивать рыжие усы и стал ходить только в мундире, при полной форме.

Он с утра появлялся у Лаврова, терпеливо высиживал на табуретке у дверей по нескольку часов подряд. Лавров, получив донесение филеров, звал Никиту к себе. Он входил, смиренно вставал у стола и, почтительно наклонившись, внимательно выслушивал очередное задание.

Нередко, прежде чем попасть в кабинет, Никита слышал разгневанный голос Лаврова, брань и удары тяжелых кулаков. Пока Лавров разделывался с двумя неудачниками-филерами — Степкиным и Анчиновым,— Перлов молча пялил глаза на дверь. Он знал, что вслед за криком исправника последует одно и то же: откроется дверь, перепуганные Степкин и Анчинов вылетят из кабинета, затем появится сам Лавров и, закрывая дверь, коротко бросит Никите: «Иди... Эти дураки опять упустили...»

С середины зимы все пошло по-иному. Степкин и Анчинов целыми днями шлялись по базару, торчали в трактире у Листратова и уже не гонялись за Арсением. У Лаврова завелся новый филер. Кто он был, Перлов не знал. Несмотря на все старания, он его ни разу не видел. Судя по донесениям, филер был опытный, толковый и хорошо знал город. Перлов давал всем филерам клички. Этого он окрестил «Шустрым». В первые дни после появления «Шустрого» Перлов находился в растрепанных чувствах. Обещанные Лавровым награды и медаль могли достаться не ему, а этому новому, быстроногому кобелю. Но Никита не сдавался.

— Без Перлова не обойдутся,— хвастался он жене.— Новый-то только что побыстрее, а толку-то в нем немного. Все равно Арсюхе моих рук не миновать. Сдохну, а словлю...

* * *

Арсений подходил к новой квартире Павла на Малой Ивановской улице. Короткая тужурка почти не грела, кожаные сапоги немилосердно скрипели по плотно утрамбованному снегу. Голубоватое, чистое небо обещало ночью лютый мороз. Дойдя до обсаженной елями лавки бакалейщика Козлова, Арсений по привычке оглянулся. Улица как будто вымерла, крайние дома, уходящие вниз, под гору, сливались в сплошное черное пятно. Окна домов были темны. Арсений, поеживаясь, прибавил шагу. Недалеко от квартиры он услыхал, как кто-то шепотом позвал его. В узеньком проходе между домами стоял Павел. Он был в опорках, в одной рубашке и без шапки. Арсений быстро шагнул к нему, нашел его руки и, крепко сжав их, спросил:

— Что случилось, Павлуша?

Павел, с трудом раздвигая застывшие губы, тихо ответил:

— Обыск... Я утек. Тебя дожидался. Идем к Личаевым. Через огороды...

Добежав до мостика через речку, Арсений остановился, снял тужурку и, накинув ее на плечи Павла, шутливо сказал:

— Надень в рукава... А то потеряешь.

Павел посмотрел на Арсения и, надев тужурку, улыбаясь, ответил:

— Ты бы с мое постоял в таком еноте.

Увидев в крайнем окне у Личаевых яркий свет, друзья переглянулись и остановились. Ветер бросал им в лицо сухой, колючий снег. Они подождали. Свет в окне горел ярко, не угасая. Во дворе у Личаевых, захлебываясь, выл пес.

Арсений тронул Павла за руку:

— Пошли, Павлуша, дальше... Всё равно они раньше утра не уйдут. Будут нас поджидать.

...Шел двенадцатый час ночи. Друзья побывали у многих квартир, где им всегда были рады, где их ждали всегда как самых дорогих гостей. И нигде в эту ночь они не могли найти приюта: везде условные знаки предупреждали об опасности, запрещали входить в дом.

У Павла мелко дрожало все тело. С трудом повиновались ставшие вдруг деревянными ноги. Он молчал, и только увидев у следующей квартиры предостерегающий знак, крепко выругался. Арсений нахлобучил шапку на лоб и часто снимал с ресниц иней.

Вся надежда оставалась на литейщика Кочнева. Это была последняя конспиративная квартира.

У Кочнева окна были наглухо закрыты ставнями. Павел обрадованно сказал:

— Вот мы и дома.

Арсений молча потянул его ближе к забору. Из-за угла к дому Кочнева подходили городовые.

...Павел лежал на снегу, крепко сжав губы. Арсений, стоя на коленях, оттирая ему ноги, уговаривал подняться. Павел молчал и не двигался. Арсений поднял его и понес через железную дорогу в поселок Панфиловку. Дойдя до маленького покосившегося домика, первого, что попался навстречу, он посадил Павла на лавочку и постучал. Старческий голос негромко спросил из-за двери:

— Кто там? Вася, ты, что ли?

Арсений внятно, спокойно произнес:

— Не дайте человеку замерзнуть. Пустите переночевать.

В доме было тепло. Вкусно пахло хлебом и сапожным товаром. Хозяин дома, незнакомый Арсению высокий, худой старик, введя гостей в комнату, ушел и вскоре вернулся с большим блюдом, полным снега. Он ловко уложил Павла на скамейку и принялся оттирать ему ноги. Арсений хотел помочь, но старик сердито оттолкнул его:

— Ты, брат, не в свое дело не суйся. Лучше себе уши да руки оттирай. Смотри, отвалятся...

Потом старик достал из сундучка белые шерстяные носки и натянул их Павлу на ноги:

— Вот теперь ладно. Сейчас по маленькой выпьем, и будет нас изнутри греть.

Разливая водку, старик как будто невзначай задал вопрос, которого Арсений давно ожидал:

— А откуда вы такие?..

Павел, очнувшийся от забытья, махнул рукой, как будто сбрасывал с себя пиджак. Арсений понял совет друга:

— Из Бойтова мы... На заводе работаем. Домой шли, а нас по дороге раздели. Ну, мы и решили к кому-нибудь постучаться. К тебе не к первому стучались, да не пускают, мало ли, говорят, вас по ночам шатается...

* * *

Павел спал. Арсений сидел на печке. На нем были огромные, с кожаными заплатками валенки. Глаза у него слипались от усталости, а хозяин все говорил:

— Сплю, а вы стучитесь. «Что, — думаю, — за оказия. Кому же это, — думаю, — быть? Василий мой в ночной смене работает, должен придти под самое утро». Смотрю, а это вы. В такой мороз раздеть...

Арсений молчал и только иногда тревожно поглядывал на Павла.

Неожиданно старик подошел к Арсению и решительно сказал:

— Ложись, парень, спи! Скоро светать будет. И скажи все по совести, не ври. Тоже, басню сочинил — «раздели»! Я же тебя сразу узнал. Как по фамилии, не знаю, но слушать тебя ходил не раз.

Арсений сел на край печи, свесив ноги.

— Узнал, говоришь? Ну, вот и хорошо. У знакомого человека и гостевать лучше. Что же теперь делать будем?

— А ничего. Ты спи, не беспокойся. У меня тебя никто не сыщет.

— Спасибо, дед!

— А ловко ты их... хозяев-то... Слушал я тебя на прошлой неделе... И до чего же правда все!

Старик не договорил. Арсений спал, уронив голову на руки.

Осторожно, стараясь не разбудить спящего, старик поднял его ноги на печь и подложил под голову валенки.

...Светало. По снежным улицам проносились на сытых конях стражники и казаки. У домов, выслеженных «Шустрым», мерзли городовые и сыщики. Никита Перлов, завернувшись в тулуп, лежал за погребом, в канаве, наблюдая за крыльцом павловой квартиры. Лавров в ожидании нетерпеливо ходил по кабинету...

[1] Арсений — подпольная кличка М. В. Фрунзе.

2. Настя

...Домик Степана был удобен для ночлега во всех отношениях. Во-первых, у Степана маленькая семья — он да жена. Во-вторых, дом стоял на отшибе от других, в конце улицы. За ним сразу же начиналось поле, перерезанное оврагом, по которому в случае неожиданного визита полицейских ищеек можно было почти незаметно уйти до самых кирпичных заводов. В-третьих, и это было самым главным, Арсению давно хотелось поближе познакомиться со Степаном. Поэтому Арсений не только с охотой, но и с удовольствием принял приглашение Степана.

Когда они добрались до места, было уже совсем темно. Степан тихо звякнул щеколдой и открыл калитку. С крыльца поднялась и пошла к ним навстречу женская фигура в белой кофте.

— Это мы, Настенька, — негромко сказал Степан.

— Вижу, не слепая... Явился!

— Не шуми, Настя!

— А почему мне не шуметь? Кто мне запретит?

— Постыдилась бы гостя...

А гостя и след простыл. Арсений стоял на улице, не зная, что ему делать, куда идти.

— Арсений!

— Я здесь, Степа.

— Идем!

— Не пойду. Ты прежде успокой ее. Я где-нибудь здесь пристроюсь, а ты утром пораньше выходи.

— Да ты не бойся. Она так просто... Что же получается, ты опять во дворе будешь? Идем...

Увидев вошедших Арсения и Степана, Настя быстро вышла из комнаты, так хлопнув дверью, что в горке жалобно задребезжала посуда. Степан засмеялся:

— Все! Кончилось. Я же ее знаю. Если дверью хлопать начала, скоро, значит, самовар будет ставить.

Много квартир ивановских и шуйских рабочих повидал Арсений. Везде было одно: голые стены, кровать с лоскутным одеялом, две—три табуретки, редко пара венских стульев и обязательные часы-«ходики». И всегда при входе в очередную незнакомую квартиру Арсения охватывало чувство жалости к людям. И где бы ему ни приходилось ночевать, или на гостеприимно уступленной хозяевами кровати, или на скамейке, а то и просто на полу, прежде чем уснуть, он долго слушал негромкие, шелестящие звуки «ходиков».

Квартира Степана отличалась от других. За перегородкой виднелась широкая кровать, покрытая тканевым одеялом, из-под которого виднелось кружево подзора. В горке стояли синие с золотыми разводами чашки. На самом почетном месте высился ярко начищенный медный кофейник. Увидев, как внимательно Арсений разглядывал его жилье, Степан улыбнулся и негромко сказал:

— Чашками любуешься? Не надейся, чай пить из них она нам не даст. Это у нее — приданое. Она из них только на пасху да в рождество пить разрешает. Она у меня домовитая. Я как-то одно блюдце стукнул также вот в горячке, она плакала. Ей богу, плакала. Чудна́я она у меня.

Арсений шепнул Степану:

— Спроси, где мне лечь можно.

— Подожди, не выдумывай. Она такое задаст! Если попал в гости, подчиняйся хозяйке.

— Хорошо, Степа, хорошо. Только бы опять шума не вышло.

— Никакого шума не будет, — негромко сказала Настя и вышла из-за перегородки. — Ну, здравствуйте. Простите, что неласково встретила. Я не на вас обиделась, а вот на моего. Пропадает по нескольку дней, а потом явится, как ни в чем не бывало, и всегда с собой кого-нибудь приведет. Один, видно, боится домой возвращаться.

— Я, Настенька, все тебе расскажу, где был, что делал.

— Можешь не рассказывать... А если еще раз так же вот явишься, я твое имущество с крючка сниму и в окошко выброшу, а в дом не впущу. Иди ночевать, куда хочешь. Дружков у тебя много, да и подруг, наверное, не меньше.

Степан взглянул на Арсения, и оба они, не выдержав, засмеялись.

— Вы, Настя, напрасно Степу подозреваете в нехороших делах, — пошутил Арсений. — Приятелей у него, правда, многовато, а вот насчет приятельниц не примечал, да и времени у него нет на баловство.

— Что-то вы уж очень плохо защищаете, — обрезала Настя Арсения. — Какие у него могут быть дела, если фабрики второй месяц стоят? За город, на Талку, шляться — не обязательно: там и без него дураков много. Лучше бы чем-нибудь дома занялся. Скоро совсем жрать нечего будет...

Она резко повернулась к Степану и зло спросила:

— Деньги брал?

— Брал.

— Слышали? — снова начала рассказывать Настя. — Кое-как сколотила я тридцать пять рублей, а он последнюю пятерку унес в какой-то Совет. Помрет, похоронить будет не на что...

...И вот сейчас мертвый Степан лежит на столе.

В злополучный этот день Арсений был в Родниках и узнал о смерти Степана от Ильи Михеича. Из сбивчивых объяснений старика он понял только одно: ночью в поисках Арсения в квартиру Степана нагрянули полицейские и казаки. Огромный астраханец первым ввалился в дом и с размаху ударил плетью Настю, открывшую дверь. Степан молча сбил астраханца с ног. Когда сбежались разбуженные настиным криком и выстрелами соседи, все было кончено. Степан был мертв. Полиция хотела забрать труп с собой, но явились дружинники, словно из-под земли вырос токарь Никодим Соловьев, и тело Степана осталось дома.

С трудом протиснувшись в дом через плотную толпу народа, Арсений увидел Настю. На голове у ней чернела косынка. Она стояла у гроба и, не отрываясь, смотрела на лицо Степана.

Не обращая внимания на заполнивших комнату людей, Арсений подошел к Насте и молча положил ей на плечо руку.

— Вот и нет моего Степы, — просто сказала она. — Садитесь. Отдохните, наверно, устали?..

Приходили рабочие с фабрик, по нескольку раз в день забегали члены Совета рабочих депутатов. Вечером Никодим принес большой венок из хвои, увитый красной лентой. Настя так и не тронулась с места. Ночью, когда в комнате остались только близкие друзья Степана, она поднялась от гроба и ушла за перегородку. Потрескивал, догорая, в лампадке фитиль, и однотонно тикали «ходики».

Томительную эту тишину нарушила Настя. Она вышла из-за перегородки с белым платком в руках и закрыла им лицо покойника. Постояв у изголовья, она обошла вокруг гроба, и все услышали ее шепот:

— Степушка! Ненаглядный мой, Степушка!

Михеич, увидев поднявшегося с табуретки Арсения, тронул его за руку:

— Не подходи, пусть поплачет.

— Степушка! Родной ты мой!

И было в этом немногословном шепоте столько муки и тоски, что Арсений не выдержал и, подойдя к Насте, нежно обнял ее.

— Не надо, Настенька, не плачь. Себя побереги, а за Степана мы им отплатим, так отплатим...

— Я сама отплачу, — с неожиданной твердостью сказала Настя. — Я все знаю. Слез у меня больше палкой не вышибить никому...

* * *

...На рассвете из пересыльной тюрьмы уходила партия заключенных. В это время в широко распахнутые ворота входила новая партия арестантов. Арсений с закадычным другом Павлом Гусевым побежали к ним навстречу.

— Откуда, товарищи? Иваново-вознесенцы есть?

— Есть! Целая дюжина, — громко ответил пожилой арестант. — Земляки, что ли?

Арсений так и не успел ответить. Из толпы вновь прибывших рванулась к нему через строй конвойных невысокая молодая женщина:

— Арсений!

— Настенька!

— Да ведь тебя, нам в тюрьме сказывали, к смертной казни приговорили. Вот какие люди, врут-то как!.. Ты живой. Как я рада!..

— Живой, Настенька, живой. Пытались было меня поближе к небесам... Ничего. Живем.

Павел Гусев подошел ближе:

— А меня, Настенька, не узнала?

— Павлуша! Праздник у меня сегодня, ей богу, праздник!

Надо было расставаться. Уже выстроилась на поверку уходившая партия, а Настя все рассказывала и рассказывала. С тихой грустью вспоминала Степана. О себе она ничего не сказала. Только на вопрос Арсения о сроке заключения с усмешкой ответила:

— Я до срока не сижу. Ноги у меня быстрые...

Зато об Иванове, о друзьях, обо всех, кто еще был на свободе, кто темными ночами собирался в домишках на Ямах, в Хуторове читать запретные книжки, обо всех, кто не был покорен и не мог быть никогда покоренным, она рассказала все, что знала.

— Вот и свиделись... Как я рада!

Настя сдвинула назад косынку, легким движением подняла руки и, крепко обняв Арсения, поцеловала его в губы.

— До свидания, Настя. Не в последний раз видимся, встретимся.

И они встретились.

С песнями шагали по освобожденной от белых Уфе красные полки. Шел впереди знаменитый 220-й Иваново-Вознесенский полк.

На высоком крыльце, чтобы лучше было видно проходящие войска, стоял теперь уже не Арсений, а командующий фронтом Михаил Васильевич Фрунзе. Рядом, с забинтованной головой, — Чапаев и, как всегда сосредоточенный, Дмитрий Фурманов... Тут же были командиры дивизий, работники штаба. Вдруг все заулыбались: шагал по улице необычный даже для тех лет женский отряд. Впереди в кожаной куртке с красной повязкой на рукаве шла женщина-командир.

Кто-то из штабных пошутил:

— Бабья гвардия идет.

Председатель Уфимского совета, сам только вчера вышедший из подполья, строго сказал:

— Вы не смейтесь. Они тут белым покоя не давали. А впереди самая лихая партизанка. Недаром кличка у нее была мужская — Степан.

Отряд почти поровнялся с крыльцом. Председатель сложил руки рупором и крикнул:

— Степа!

И случилось совсем уж неожиданное. Даже музыканты перестали играть, увидев, как командующий фронтом обнял партизанку и целовал ее при всем честном народе.

— Настенька! Да как же ты тут очутилась?

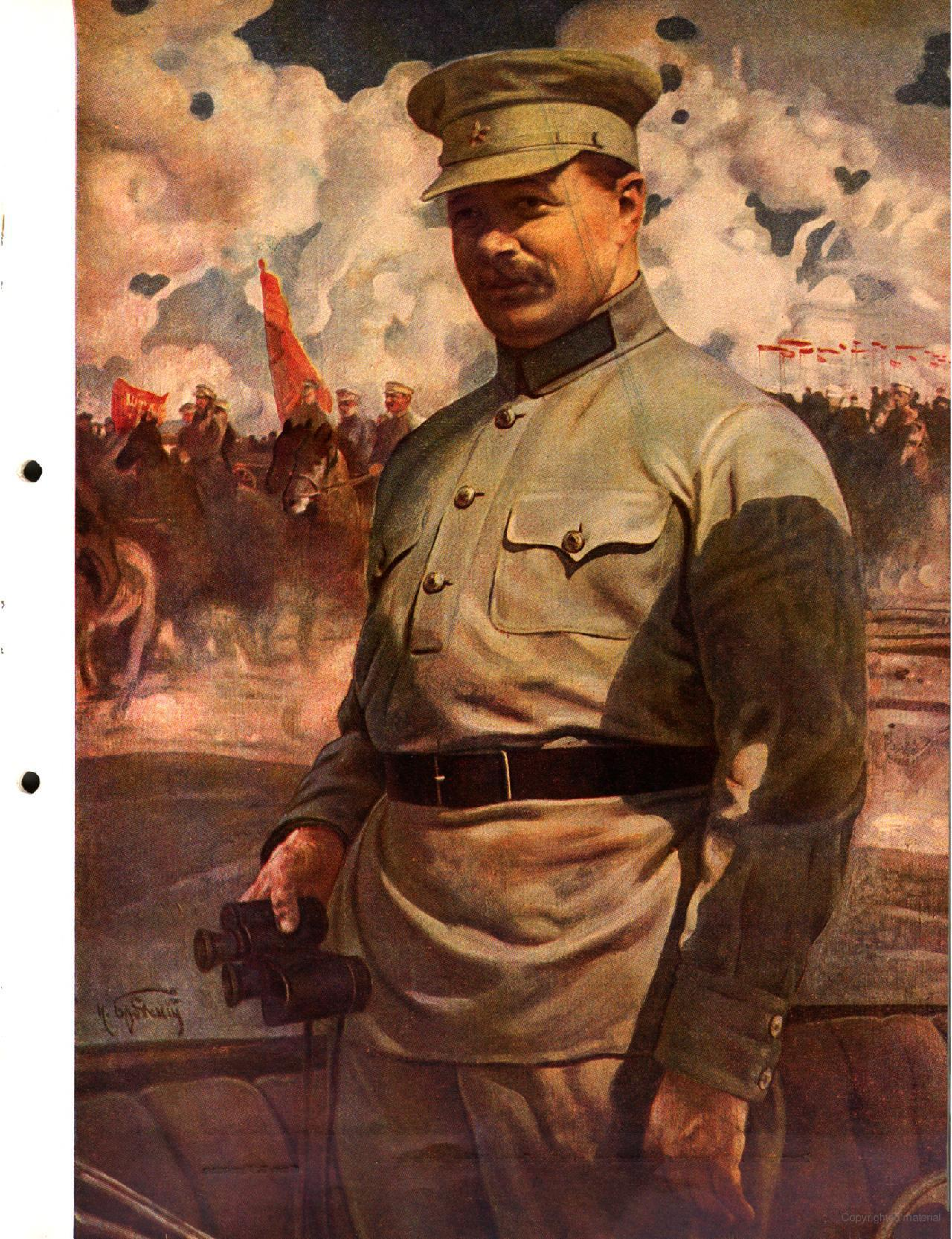
— Все расскажу, все. По решению ЦК на подпольной работе. А ты? Ты Фрунзе? Я же тебя Арсением знала.

— Ты вот тоже Степаном значилась...

Гремел оркестр. За пехотой потянулись артиллеристы. Надо было двигаться дальше, добивать остатки бегущих колчаковских банд.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ФРУНЗЕ.

Портрет работы художника И. Бродского.

Стахановка Алма-атинской хлопкопрядильной фабрики Мария Насильбаева.

Фото Б. Кузьмина

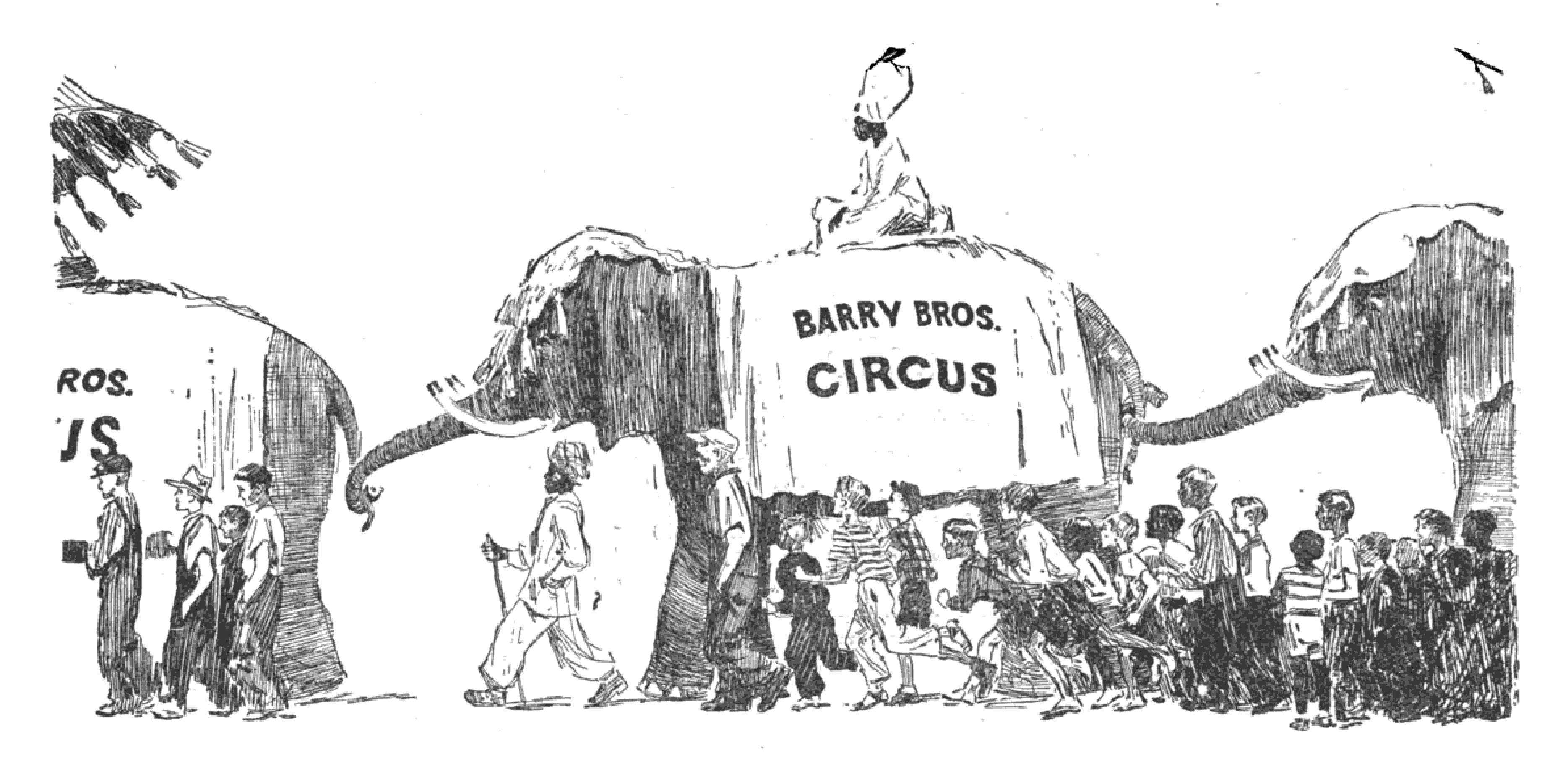
Президент Академии наук Казахской ССР, лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР и Верховного Совета Казахской ССР, действительный член Академии наук СССР Каныш Имантаевич Сатпаев.

Фото М. Савина

Лауреаты Сталинской премии старший чабан Курмектинской экспериментальной базы Академии наук Казахской ССР Жамал Манапбаева и заведующий сектором генетики животных Института экспериментальной биологии Академии наук Казахской ССР Николай Саввич Бутарин. Премия присуждена за выведение новой породы тонкорунных овец «казахский архаромеринос».

Фото М. Савина

ЦИРК ПРИЕХАЛ

Рассказ

Альберт МАЛЬЦ

Рисунки П. Караченцова

К восьми часам утра братья добрались до места и увидели, что цирк еще не приехал. На огромном, заросшем травой поле не было ни палаток, ни красивых дам в костюмах, усыпанных блестками, ни слонов, ни лилипутов — ничего, что было связано с обычным представлением о цирке.

— Может быть, они совсем не приедут! — разочарованно воскликнул семилетний Алан.

— В афишах сказано, что цирк приезжает в субботу. Не будь дураком, — спокойно ответил двенадцатилетний Эдди. — Вот это здорово, что мы пришли раньше всех, — добавил он после небольшого размышления, — нас наверняка наймут. Вот увидишь!

— Меня они тоже возьмут. Правда, Эдди?

Эдди так и подмывало ответить: «В который раз ты меня об этом спрашиваешь, балда? Откуда я знаю?» Но он сам вовсе не был уверен в успехе и поэтому сказал:

— Я тебе достану работу. Только не мешай мне.

— А клоуны обязательно будут?

— В цирке всегда бывают клоуны.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю — и все.

Эдди вынул из кармана перочинный нож и раскрыл его.

— Сыграем в ножички? — предложил он. — Время пройдет быстрее.

— Ух, как мне хочется увидеть клоунов! — прошептал Алан. — Клоунов и еще, как стреляют людьми из пушки. А вдруг они не приедут?

Скрестив ноги, мальчики уселись на траву и начали играть.

День был ветреный, но погожий; уже пригревало солнце, и воздух был напоен весенними запахами вспаханной земли, первого скошенного сена и полевых цветов.

Несмотря на разницу в возрасте, мальчики были очень похожи друг на друга: голубые глаза, худые, тонко очерченные лица, стройные, гибкие фигуры. Это сходство еще сильней подчеркивалось их одеждой: штанишки из голубой бумажной ткани, ситцевые безрукавки разных цветов, но одного покроя, резиновые тапочки, залепленные аптечным пластырем.

Братья играли, с увлечением говорили о цирке, а внутри у них жил тайный страх. Эдди никогда не видел настоящего представления, Алан вообще ни разу не был в цирке, и теперь их разбирало беспокойство, удастся ли им попасть наконец в цирк.

Деревушка, в которой они жили, была расположена в центре сельскохозяйственного района. Цирк приезжал сюда не каждый год.

Едва появились первые афиши, сообщавшие о грандиозных гастролях, как мальчики бросились с этой новостью к матери. Она внимательно выслушала их и ответила (как часто им приходилось теперь слышать такие ответы!):

— Мне очень жаль, дети, но два билета стоят доллар и двадцать центов. У меня нет таких денег на цирк.

Дети не настаивали. С тех пор, как отец бросил семью, — а это случилось три года назад, — слова «нет» и «мне очень жаль» прочно вошли в детскую жизнь, и братья научились принимать их без возражений. Но вскоре после этого разговора один из товарищей Эдди сообщил ему потрясающую новость: кто заранее приходит к месту стоянки цирка, таскает для них воду, расставляет стулья или делает еще что-нибудь, тот получает бесплатный пропуск.

И вот, захватив с собой два бутерброда с фисташковым маслом, братья Кемпбелл явились работать. Но цирк еще не приехал, и у мальчиков были основания для беспокойства.

Алана не покидало мрачное сомнение, нанимают ли семилетних вообще. Эдди мучило другое: в те дни, когда мать уходила на работу, брат оставался на его попечении. Мать разрешила ему пойти сюда с условием, что он не отпустит от себя малыша ни на шаг. Эдди обещал ей это. И вот теперь у него было страшное предчувствие: а вдруг наймут его одного и ему придется выбирать между цирком и долгом?

Отказаться от цирка было немыслимо. Но если он бросит Алана на целый день одного, мать наверняка выпорет его и оставит без ужина.

И Эдди играл в ножички, почти уверенный в том, что, как дело ни обернется, — беды не миновать.

* * *

Минуло восемь часов, потом половина девятого, девять... На поле появлялось все больше и больше ребят. Братья бросили игру и бродили среди них, как лазутчики во вражеском стане.

У каждого вновь прибывшего спрашивали, намерен ли он покупать билет или отрабатывать его. И каждый новый соперник — а их было много — оценивался с точки зрения возраста, силы и возможной конкуренции на этой бирже труда.

В половине одиннадцатого прибыли наконец первые вестники торжества: ревущие тракторы тащили за собой громадные прицепы, выкрашенные в красный цвет, с белыми надписями: «Цирк братьев Берри».

Вопль восторга вырвался у истомившихся ребят, и они бросились на поле с криками: «Готов работать! Я сильный! Наймите меня!»

Однако никто не нанимал их, никто не обращал на них никакого внимания. Лишь время от времени раздавались окрики: «Посторонись! Не зевай! Отойди в сторону!»

Прицепы все прибывали и прибывали. Их размещали на поле отдельными группами. Потом появилось несколько фургонов. Из них посыпались люди в комбинезонах. Эти люди лихорадочно принялись за дело. Одни разгружали прицепы, на которых были сложены парусиновые тюки и громадные разноцветные шесты, другие взбирались на тракторы и орудовали лебедками.

Эдди и Алан вместе с остальными ребятами перебегали с места на место, нетерпеливо выкрикивая звонкими мальчишескими голосами: «Не надо ли помочь? Наймите меня!»

От них отмахивались, на них кричали. Рабочим было не до ребят: они не укладывались в срок и были страшно заняты.

Вслед за прицепами и людьми на поле появился сказочный караван из 14 слонов. Каждый из слонов держался хоботом за хвост впереди идущего. И по мере того, как с помощью нескольких слонов (для которых и то нашлась работа!) была растянута по земле огромная парусина, братьев всё более охватывало отчаяние.

— Вот увидишь, для нас не будет работы. Они не возьмут нас! — крикнул Алан. — Все это — вранье.

Эдди хотелось успокоить брата, но он сам нуждался в поддержке и поэтому не смог сказать ни слова в утешение. Оба они не понимали, почему не нанимают ребят, когда на поле царит такое оживление и так много работы. А тракторы все уезжали и возвращались с новыми нагруженными прицепами и новыми людьми. Теперь ребят на каждом шагу подстерегала опасность, на них то и дело кричали, их гнали прочь.

В мрачном молчании мальчики направились в тихий угол, туда, где стояли не занятые работой слоны. Здесь братья увидели других мальчишек и узнали, что ни одному из них не повезло с работой. Сидя на земле, они наблюдали за слонами, за суматохой, царящей на поле, их лица становились все более и более угрюмыми.

— Я тебе говорил, что мы не нужны им,— проворчал Алан.— Пойдем домой.

— Домой? Зачем? Здесь веселее.

— Ничуть не веселее. Все равно нас не пустят в цирк!

— Но слонов-то мы видим... Почему ты не смотришь на них?

— Мне надоели слоны. Я не увижу клоунов, поэтому я не хочу оставаться здесь.

— Ну, домой ты не пойдешь. Попробуй только, получишь по уху!

В голосе Алана зазвучали высокие нотки:

— Попробуй стукни! Я маме скажу.

— Да послушай же, не будь плаксой. Никто не собирается бить тебя. Зачем идти домой? Здесь веселее. Мы еще можем получить работу.

— Хочу клоунов, — упрямо пробурчал Алан.

Время приближалось к одиннадцати. Бутерброды были проглочены. Рядом теперь уже сидело много ребят. Были даже взрослые.

Ходили разные слухи: говорили, что цирк прибыл с опозданием, поэтому дневное представление отменяется и работы не будет; и тут же распространилась новая версия: для того чтобы успеть с дневным представлением, потребуется много рабочих рук. Все, кто ждет работы, будут наняты в двенадцать часов, и за работу, кроме бесплатного пропуска, каждый получит по доллару.

— Вот видишь! — победоносно воскликнул Эдди. — Я же говорил тебе: надо ждать!

Алан приободрился, но когда наступило двенадцать часов и никого не наняли, он снова начал хныкать и проситься домой. Наконец в одном из углов появилась большая палатка. Прошел слух, что это кухня для артистов и что потребуется помощь для расстановки столов и скамеек. Однако и на этот раз никто не пришел за ребятами. А когда несколько старших мальчишек отправились, чтобы выяснить, как обстоят дела, их немедленно прогнали с поля.

Тем временем на поле натянули тент для зверинца. Ветер раздувал его парусиновые стены. Потом появилась еще одна палатка для дополнительного аттракциона. И, наконец, к часу дня был сооружен гигантский шатер для основной программы. Раздался восторженный крик. Зрелище поистине было волнующим.

Но работы ни для братьев, ни для других мальчиков попрежнему не было. С отчаянием они наблюдали за тем, как несколько рабочих огораживали поле веревочным забором; Алан и Эдди молча сидели на земле, тесно прижавшись друг к другу. В течение трех недель они упивались мечтами об этом торжественном дне. И все обернулось так нехорошо.

Прошло еще полчаса, и какой-то мальчишка, сидевший неподалеку от них, поднялся и громко сказал, что он пойдет узнать, впускают ли уже к кассе за билетами.

Братья смотрели на него, как на своего личного врага. Потом они отвернулись и в горькой печали взглянули друг на друга, впервые за свою короткую жизнь до конца осознав страшную власть денег.

А потом их наняли. Как из-под земли, перед ними появился большой веселый человек в засаленном синем костюме. Его пестрый галстук трепался по ветру, а соломенная шляпа была сдвинута на лысый затылок. Засунув в рот два пальца, он оглушительно свистнул, рассмеялся над вздрогнувшими ребятами и рявкнул:

— Кто хочет в цирк?

Восемьдесят мальчишек — в возрасте от пяти до шестнадцати лет — вскочили на ноги и в один голос завопили:

— Я!

Человек засмеялся, резко свистнул еще раз, требуя тишины, и объявил:

— Я так и думал! Ну-ка, пойдите сюда!

Ребята нырнули под веревку и окружили его.

Неожиданно человек обратился к Алану:

— Эй, сынок, сколько тебе лет?

Алан запнулся, потом быстро соврал:

— Восемь.

— Чудесно! Я только хотел убедиться, что тебе больше двух. Двухлетних не берем!

Раздался взрыв одобрительного хохота. Человек засмеялся вместе с мальчишками, потом сразу перестал и снова свистнул, призывая к порядку. Лицо его стало строгим, хотя на тонких губах широкого рта все еще оставалась усмешка.

— Шутки в сторону, ребята, — сказал он. — Слушайте меня внимательно. — Он показал им красный билет. — Перед началом представления я дам каждому из вас по такому билету. С ним пройдете бесплатно. Вы должны только помочь нам натянуть несколько веревок, потому что сегодня день ветреный, и еще расставить стулья. Вам придется поработать час—полтора.

— Никто не требует, чтобы ты работал, как большой,— сказал он, снова обращаясь к Алану.— Если бы вы были старше, было бы лучше. Но что поделаешь! Билеты получат те, кто будет стараться.

— Я буду! — крикнул Алан.

— И я тоже! — повторил пятилетний малыш.

— Ну что ж, считайте, ребята, что вам сегодня чертовски повезло. Только запомните: работать по-честному. Я знаю все ваши штуки. Шестнадцать лет я работаю в цирке и вот уже девять лет имею дело с мальчишками. Меня прозвали Пушер[1]. Работать так работать! Даром я пропусков не даю. Знаете, за что меня прозвали Пушер? Я запоминаю лица. Вас я уже всех запомнил. И пусть никто не рассчитывает, что ему удастся надуть меня. Билет получит тот, кого я вижу сейчас. Понятно?

Ребята закричали, что им все ясно и что они готовы приступить к работе.

— Тогда пошли!

Ухмыляясь, Пушер ринулся к зверинцу. Глаза Алана и Эдди сияли от восторга. Держась за руки, братья бежали вместе с толпой ребят. До палатки было около сорока ярдов. И когда они добежали до нее, Пушер с трудом переводил дух и пот градом катился по его мясистому лицу.

— Теперь вы знаете, что делать? — задыхаясь, спросил Пушер.— Мы чертовски опаздываем. Вчера этот проклятый дождь... — Он погрозил ребятам толстым пальцем и неожиданно рявкнул: — Поняли? Если не будете работать изо всех сил, дневное представление не состоится. Поторапливайтесь.

Засунув пальцы в рот, он пронзительно засвистел и оглушительно заорал:

— Ларри, где тебя черти носят?!

Из палатки выскочил парень, небритый, со спутанными волосами, в грязном комбинезоне.

Пушер ткнул пальцем в плохо закрепленный брезент и спросил:

— Ты что, хочешь, чтобы палатку унесло к чертям? Я же сказал закреплять веревки!

— Что мне, разорваться, что ли? — проворчал Ларри. — Джо велел дать сена антилопе.

— Закрепи веревки, прежде чем палатка перевернется вверх ногами! — заорал Пушер. — А вы, ребята, — он отделил шесть человек, в число которых вошли Алан и Эдди, — оставайтесь с моим другом Ларри и делайте все, что он вам скажет.

— Погоди-ка, — угрюмо сказал Ларри, — что ты мне одних младенцев подсовываешь? — В шестерке был лишь один пятнадцатилетний паренек, остальные значительно моложе. — Дай-ка чего-нибудь посолиднее!

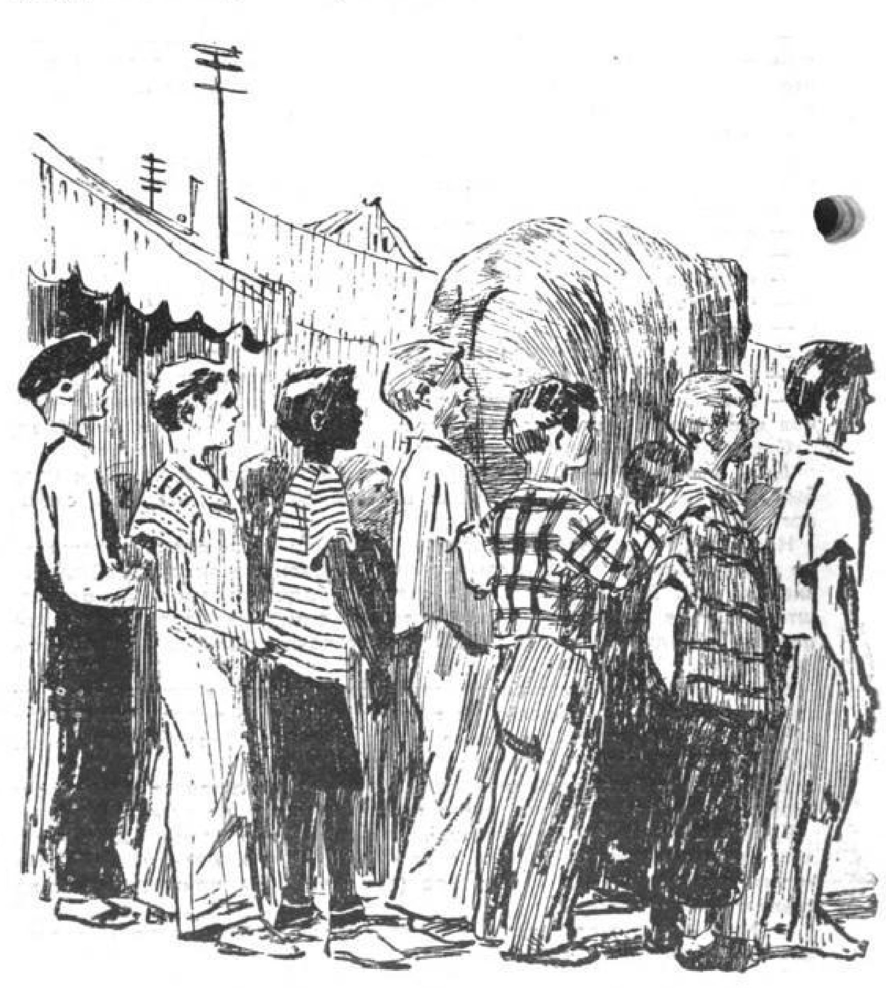
— Рабочие руки нужны не только здесь. Я должен расставлять стулья. Уж не думаешь ли ты, что пять тысяч стульев сами станут на место? — Пушер повернулся к ребятам: — Когда покончите с этим, подойдете к главному тенту и получите от меня билеты. Остальные — за мной!

Пушер ринулся вперед. Ребята последовали за ним.

— Здорово! — победоносно прошептал Алан.— Я же говорил тебе, что они не посмотрят на мой рост.

— Работай как следует, — сказал Эдди. — Мы должны понравиться им.

[1] Пушер (англ. Pusher) — толкач, «погоняло».

— Эй вы, поденщики! — полунасмешливо, полушутливо сказал Ларри. — Цепляйтесь за этот канат. По три с каждого края. Малыши со мной.

Ребята заняли места и крепко ухватились за тяжелый канат. Ларри наклонился над невысоким столбиком, к которому была привязана веревка, закреплявшая парусину палатки, и ловко развязал узел. На свободном конце он сделал морскую петлю и набросил ее на столбик, держась за веревку обеими руками:

— Все в порядке. Тащите.

Мальчики потянули изо всех сил, и Ларри едва удержался на ногах.

— Тащите!

Они потянули снова. Парусиновая стена палатки натягивалась все туже и туже.

— Тащите сильнее! Стоп!

Он быстро затянул петлю и, обмотав веревку вокруг столба, прочно закрепил ее. Покончив с этим, он перешел к другому столбику.

Дожидаясь, пока Ларри развяжет узел, Алан повернулся к Эдди, стоявшему рядом, и взволнованно прошептал:

— Спроси у него, они будут показывать ученых собак?

— Т-сс! Его нельзя отрывать от работы.

Снова раздалась команда.

От второго столбика они перешли к третьему, потом к четвертому, к пятому... Вскоре братья почувствовали, что ощущение радости исчезло. Это был труд, изнурительный труд — тащить на себя толстый пеньковый канат с привязанной к нему парусиной, бившейся на ветру. Пеньковые колючки царапали кожу и больно вонзались в тело.

На нежных детских ладонях появились волдыри. Руки у Алана стали словно свинцовые, пальцы не сгибались. Двойной ряд кольев, окружавших большой тент, казался бесконечным, а в ушах беспрестанно звучала команда Ларри.

— Руки больно, — неожиданно признался Алан.

— А ты поплюй на них, — посоветовал Ларри. — Они не будут так гореть.

Другие ребята тоже последовали его совету, после чего снова прилежно принялись за работу. Однако прилежания хватило ненадолго. Слюна не обладала волшебными свойствами: кожа на руках краснела все сильнее, боль усиливалась. Каждый новый канат мальчики натягивали все с бо́льшим напряжением. Им казалось, что они блуждают в лесу из столбов и веревок.

Дыхание ребят стало прерывистым, соленые капли пота попадали в глаза, ноги дрожали от усталости. Юные тела, привыкшие к детским играм, не могли вынести такой нагрузки — они жаждали отдыха.

— Тащите! Тащите сильнее! — кричал на ребят Ларри.

Задыхающегося, измученного Эдди постепенно начала охватывать тревога. Он боялся не за себя, а за брата. Если Алан бросит работать, его сразу выгонят. А если это случится, что же тогда будет делать он? Подавив чувство страха, Эдди вдруг храбро спросил:

— Мистер, нельзя ли нам остановиться на минутку?

Ларри выпрямился, добродушно усмехнулся и сказал:

— Полдела сделано.

Старший из ребят, паренек лет пятнадцати, поплевал на свои широкие ладони и хвастливо произнес:

— А я не устал.

— Если ты не устал, то устал я, — сказал ему Ларри. — Сделаем передышку.

Он закинул назад голову, посмотрел на безоблачную синеву неба и сказал с усмешкой:

— Надо быть круглым идиотом, чтобы работать в цирке. Ненавижу ветреные дни. Уж лучше дождь, чем ветер.

— Ну, как ты? — озабоченно шепнул брату Эдди.

— Ужасно устал, — признался малыш.

— Я тоже устал. Но ты не бросишь работу, правда?

— Конечно, нет. Я хочу увидеть клоунов.

— Вот это молодец!

— Эдди, у тебя болят руки? У меня болят ужасно. На них уже волдыри. Посмотри-ка.

— У меня тоже. Но ты не бросишь работу? Осталось меньше половины.

— Не брошу, ни за что на свете.

— Мистер, вы не знаете, который час? — спросил один из мальчиков.

— Начало третьего. За дело, ребята!

— А представление начинается в половине третьего?

— В этом сезоне никогда еще так не начинали. Думаю, что сегодня начнем около четырех, — ответил Ларри.

— По этому билету мы сможем также увидеть лилипутов и все, что показывают в другой палатке? — спросил Алан.

— Не знаю. Не я хозяин этого проклятого цирка, — сухо ответил Ларри. — Тащите! Тащите сильнее!

Они продолжали работу. Утомление Алана перешло в усталость, усталость — в полное изнеможение. Он услышал, как Эдди, задыхаясь, ободряюще шепчет ему:

— Давай, братишка, осталось еще совсем немного!

У Алана не хватило сил даже на то, чтобы ответить ему: чувство гордости и решимость работать наравне с другими не могли больше бороться с болью в его горящих руках. Он отпустил веревку.

— Ну, потерпи еще немножко! — умоляюще прошептал Эдди.

— Не могу.

— Можешь сесть! — вдруг крикнул Ларри Алану. — От тебя все равно никакой пользы.

— Тебе же не дадут билета, Алан! — с отчаянием прошептал Эдди. — Разрешите ему продолжать работу, мистер. Пожалуйста!

— Перестань, — оборвал его Ларри. — Я знаю, чего ты боишься. Ерунда. Уж не думаешь ли ты, что я пойду жаловаться на вас? За кого ты меня принимаешь?! Не отставай от нас, — добавил он, обращаясь к Алану. — И Пушер не узнает, что ты бросил работу. Вот и все. За дело, ребята!

— Вот здорово! Спасибо! — воскликнул Эдди.

Наконец они натянули последнюю палатку и прочно закрепили веревки. Парусина была защищена от ветра.

— Аминь! — сказал Ларри. — Работа кончена. Все.

Взглянув на ребят, он тихо рассмеялся. Пятнадцатилетний паренек еще держался, остальные от усталости валились с ног.

— Крепко досталось, ребята? — спросил Ларри с усмешкой. — Теперь бегите к Пушеру и получайте билеты. Ради этого стоило потрудиться!

— Я совсем не устал, — хвастливо сказал пятнадцатилетний паренек. — Я привык к тяжелой работе.

— Тем лучше для тебя, сынок.

— Благодарю вас, мистер, — прошептал Эдди. — Спасибо вам за брата.

Ларри шутливо подтолкнул его в бок:

— Когда-нибудь и ты мне отплатишь тем же.

— Где можно достать воды? — спросил Алан. — Страшно хочется пить.

— Видишь вон ту палатку? Там стоит бачок с водой. Если в нем окажется пиво, позовите меня, — с улыбкой сказал Ларри и скрылся в зверинце.

С чувством победителей мальчики медленно брели по полю. Они показывали друг другу руки, сравнивали, у кого больше волдырей, и хвастались тем, что почти совсем не устали.

— Я хорошо работал, правда? — шепнул Алан брату. — Я бы ни за что не бросил, если бы у меня так не болели руки!

— Ты был молодцом, — сказал Эдди.

— А ты сам-то разве не устал?

— Немножко.

Вода была теплой и отдавала парусиной, но ребята проглотили ее с жадностью и почувствовали облегчение. Слегка освежившись, они быстрее зашагали к главному тенту.

— Мне так хотелось, чтобы ты спросил у него про собак, — сказал Алан. — После клоунов я больше всего хочу увидеть собак. Как они ходят по лесенкам и показывают всякие фокусы. У них, наверно, есть собаки?

— Я спрошу об этом у Пушера. Он должен знать.

Ребята нашли Пушера возле главного тента. Он стоял у прицепа и командовал группой мальчишек, таскавших ряды стульев. Мальчишки подошли к нему.

— Мы кончили работу, — сказал пятнадцатилетний паренек. — Можно получить билеты?

— Конечно, — весело ответил Пушер. — Только перед этим вы должны помочь расставить стулья. Разбивайтесь на пары.

— Значит, мы должны работать еще? — спросил Эдди упавшим голосом.

— Надо же расставить эти стулья, — весело ответил Пушер. — Без этого мы не можем начинать. Осталось втащить не больше половины. Они совсем легкие. Начинайте.

— Вы же сказали, что мы получим билеты, — сказал паренек обиженно, — почему же вы не даете их?

Улыбка исчезла с лица Пушера.

— Послушай, — сказал он, — ты мне не указывай. Я отвечаю за расстановку стульев, и я не могу отменить эту работу из-за того, что дует ветер и вам пришлось натягивать веревки. Поработаете еще немного, не развалитесь. Вам что, лень втащить в палатку несколько стульев? Короче, вы будете работать или нет? Отвечайте — да или нет?

— Будем, — пробурчал паренек.

— Тогда разбивайтесь на пары и начинайте. Эй вы, белобрысые, вы что, братья, что ли? Принимайтесь за дело.

— Мы устали, — тихо сказал Алан. — Мы ужасно устали.

— Ничего не случится, если и устанешь немного. Ты же рабочий человек.— Он подтолкнул братьев к прицепу.— Представление должно начаться через пятнадцать—двадцать минут.

— Я больше не могу, Эдди, — в голосе Алана звучали слезы. — Я очень устал. У меня так болят руки.

— Но это займет не больше пятнадцати минут. Он говорит, что стулья легкие.

— Я больше ничего не могу, Эдди.

— Послушай, — с отчаянием прошептал Эдди, — ты должен сделать вид, что работаешь, а таскать буду я один. Ты только держись за другой конец для виду.

— Ладно... попробую.

— Пошли! — весело крикнул Пушер. — Там уже собралась толпа. Они ждут начала.

* * *

Стулья лежали на прицепе. Это были откидные стулья, скрепленные по три вместе. На прицепе стоял мокрый от пота рабочий, который опускал стулья вниз, в руки мускулистого шестнадцатилетнего подростка. Тот передавал их ребятам. Дети, подгоняемые Пушером, должны были бегом переносить стулья в помещение цирка, расположенное на расстоянии около двадцати ярдов.

— Быстрее, быстрее! — подгонял Пушер. — Чертовски опаздываем. Вы же не хотите пропустить представление! Верно я говорю, ребята? Подходите, братья, ваша очередь. Держите стулья.

Эдди взялся за стулья обеими руками. Алан подхватил другой конец и поднял его, насколько позволяли изнуренные мускулы. Быстро семеня усталыми ногами, мальчики направились к главному тенту. Голос Пушера подхлестывал их сзади.

Задыхаясь, они вбежали в цирк. Здесь царил страшный беспорядок. Суетились люди, вверху над головами укрепляли какие-то сооружения, хлопали стулья, раздавались крики и нестройные звуки оркестра.

— Не стойте на дороге! Тащите же стулья вон туда!..

Братья обернулись и увидели помощника Пушера, который указывал пальцем на один из верхних ярусов. Ребята вскарабкались почти на самый верх. Здесь они нашли рабочих, расставлявших стулья, и вручили им свою ношу.

— Не торопись, — сказал Эдди брату. — На обратном пути мы можем немножко отдохнуть.

Но едва мальчики замедлили шаги, над ними, точно удар кнута, повис окрик:

— Эй, лентяи, вы собираетесь работать или нет? Нам бездельники не нужны!

Ребята бросились из палатки.

Если раньше их окружал лес из столбов и веревок, то теперь перед ними возвышалась гора стульев. Едва они успели разгрузить один прицеп, как его сменил второй, стоящий рядом наготове. Работа была легче прежней: на обратном пути можно было немножко передохнуть, — но они справлялись с ней с большим трудом потому, что смертельно устали. Алан беспрестанно повторял, что он должен посидеть хоть немного, непременно должен, а Эдди умолял его не делать этого.

— Как только сядешь, тебя сразу же выгонят. Я ведь таскаю один, ты только будь рядом. Ты же хочешь увидеть смешных клоунов? Хочешь, Алан?

Но вскоре и сам Эдди почувствовал полное изнеможение. Лица ребят побелели от усталости. Волосы намокли от пота. Пушер «помогал» им. Острая ненависть к этому человеку придавала детям силу. Им некуда было укрыться от его голоса — это также помогало.

— Посмотрите на этого парня! — кричал Пушер. — Он думает даром получить билет. Он, видите ли, устал! Куда это годится? Хочет работать и не уставать. Убирайся отсюда, паренек. От меня ты ничего не получишь. Имейте в виду, ребята: представление начинается через десять — двадцать минут. Если вы хотите получить билетики, поторопитесь со стульями. Вам осталось разгрузить всего половину прицепа. Не развалитесь, если поработаете еще немного! Ха-ха-ха! Вы таскаете, я погоняю, ха-ха! Так устроен мир. Пошевеливайтесь, ребятки!

Эдди молился. Он молил бога, чтобы тот помог ему и Алану выдержать все это до конца. Он просил бога сделать так, чтобы после всего того, что им пришлось вытерпеть, ничто в мире не могло помешать им увидеть представление.

В начале пятого был разгружен последний прицеп. В цирке уже играла музыка, и ринг, посыпанный опилками, был готов к представлению. Ребята выстроились перед Пушером в ожидании билетов.

— Каждый из вас, ребята, — сказал Пушер, — может придти сегодня в половине одиннадцатого и грузить стулья. За работу вы получите горсть монет. Целую кучу монет. А теперь можете идти и получать удовольствие. Вы еще никогда не видели такого представления.

Как во сне, братья вошли в цирк. Помощник Пушера показал ребятам, куда садиться. Мальчики вскарабкались наверх и торопливо уселись в ряд, уставившись на арену остекляневшими глазами. Цирк заполнялся зрителями. Гремела музыка. Ослепительно яркие прожектора освещали арену.

— Хочу увидеть клоунов, собак, пушку,— прошептал Алан.

— И трапецию, — пробормотал в ответ Эдди.

Дети замолкли. Им было не до разговоров. Они щурили глаза от ослепительного света и ощущали приятную слабость, которая разливалась по их усталым телам. Вскоре музыка стала играть тише, и из микрофона раздался оглушительный голос диктора. Ни один из ребят не смог разобрать, что он говорил. Снова загремел оркестр. Из-за кулис выскочило несколько темнокожих танцовщиц. Их танец казался ребятам бесконечным, а гибкие подвижные руки напоминали извивающихся змей. Потом на арене появились слоны. Мальчики изо всех сил старались наблюдать за ними, но это было мало интересно. Слонов они уже видели. Мало-помалу усталость взяла верх: опустив усталые головы и склонившись друг к другу, братья заснули.

* * *

— Посмотри-ка, — сказал Пушер помощнику, указывая на детей,— всегда одно и то же,— бьюсь об заклад, что пятеро уже крепко спят, а десяток других ничего не соображают.

— Им порядком досталось от тебя сегодня,— ответил помощник,— мы здорово опоздали.

— От меня?! — воскликнул Пушер. — Можно подумать, что я придумал этот проклятый ветер. Я же должен был делать свое дело, а ребятам так хотелось попасть в цирк, что они умоляли меня дать им работу.

— Вот уж не думал, что мы сумеем организовать дневное представление,— сказал помощник.

— Посмотри-ка на них,— Пушер указал на Алана и Эдди,— несчастные ребята.

Братья вздрогнули от пушечного выстрела и проснулись.

Как в ночном кошмаре, перед ними пронеслась закутанная фигура, вылетевшая из пушечного жерла. Человек взлетел высоко-высоко, а потом, перевернувшись несколько раз в воздухе, рухнул вниз на предохранительную сетку.

Раздался оглушительный взрыв аплодисментов. Зрители поднимались со своих мест. Представление кончилось. Смотреть было больше не на что. Братья пошли домой. Они плакали так тихо, что никто, ни один человек не смог бы заметить этого.

Перевела с английского Ф. ЛУРЬЕ

КЛАССИК РУССКОГО ПЕЙЗАЖА

(К 75-летию со дня рождения К. Ф. Юона)

Мало кто из мастеров пейзажа может претендовать на то, чтобы явления бесконечно изменчивой природы ассоциировались с его картинами, чтобы сама природа вставала перед глазами, будто воплощенная кистью мастера. Мы говорим «левитановская осень», «шишкинский лес», «юоновская зима»...

И сегодня мы, поклонники русской живописи, говорим большое русское спасибо Константину Федоровичу Юону, который открыл нам новые, прекрасные страницы в пейзажной живописи.

Москвич по месту рождения, Константин Федорович Юон с раннего детства впитывает те впечатления, которыми дарила его окружающая действительность. Семья Юонов жила в Лефортове. Своеобразная архитектура петровских и екатерининских времен определила любовь будущего художника к памятникам родной старины.

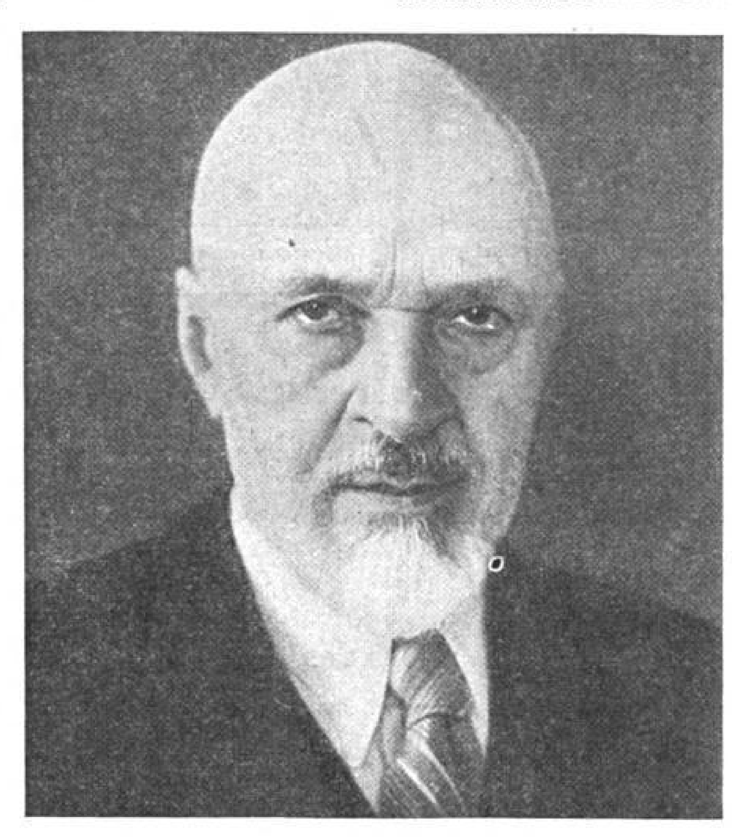
Будучи учеником реального училища, впервые попадает он в галерею Третьякова. Захваченный новыми впечатлениями, юноша решает бесповоротно пойти по пути живописи и поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

Особое влияние на формирование его вкусов оказали здесь два профессора — К. А. Савицкий и В. А. Серов. Воплотивший лучшие заветы идейно-реалистической школы, ученик Репина, сам громадный талант, Серов увлекал молодежь смелостью своих суждений.

В те же годы возникало множество модных течений, вносивших полный сумбур и хаос в не окрепшее еще мышление молодых художников. Все эти течения прикрывались одной вывеской — «искусство ради искусства».

Юон остался верен крепким традициям великой русской школы. Он наметил свой собственный путь. Не подпадая под влияние Серова и Левитана, он сохранил их тягу к большой правде искусства, любовь к родине, понимание подлинных красот и ее природы и памятников народного творчества.

Юон рано получил признание. Это дало ему необходимую материальную поддержку и позволило отдаться любимому Подмосковью. Простая прелесть нашей зимы, изумрудные перелески и курчавые купы кустов, обрамляющие берега извилистых речонок, интимная тишина весеннего утра, когда земля еще не совсем очистилась от снега, голубые мартовские тени, деревенские улочки с толпой гуляющей молодежи — вот что любил и удивительно искренно и задушевно изображал художник.

Константин Федорович Юон.

И характерно, что Юон с первых же работ подходит к динамическим, оживленным присутствием человека пейзажам-картинам.

В 1900 году Третьяковская галерея приобретает его первую большую вещь «Новодевичий монастырь».

Интерес к памятникам старины толкал Юона к запечатлению тех городов и сооружений, в которых всего ярче сказался гений народный и которые, как каменная летопись, прочно вошли в нашу историю. Его излюбленными сюжетами становятся Загорск с его лаврой, Новгород, Псков, Ростов-Великий, Углич. И не только древние памятники, но и живая жизнь, их окружающая. Художник умеет населить свои замечательные пейзажи живой, двигающейся толпой, заставить зрителя залюбоваться картиной пестрого базара, провести его по торговым рядам, показать ему и резные наличники, и герань на окошке, и рукомойник у высокого крыльца, и лохматых лошадей у коновязи, и галок над крестом, и широкие синеющие дали, сливающиеся с яркими небесами, на которых так звонко, так жизнерадостно рисуются великолепные силуэты нашей архитектуры.

Юон — откровенный жизнелюбец и оптимист. Его подлинный патриотизм проистекает из его громадного, каждодневного вживания в сущность поэзии народной.

Помимо чисто художественных достоинств большинства его работ, в них есть элементы и познавательности не в узко этнографическом смысле — для этого Юон слишком большой художник,— а именно в смысле широкого раскрытия неувядаемой красоты и богатства наследия народного творчества.

Естественно и органически любовь и знание родной старины привели Юона к воспеванию сердца России — Москвы. От грозных Октябрьских дней до нашего времени Константин Федорович Юон как бы сделался летописцем событий, совершавшихся на Красной площади,—от «Штурма Кремля» и до «Парада на Красной площади».

Истинный патриот, Юон неустанно следит за нарождением нового быта, пишет «Собрание рабочих перед пуском новой домны», «Праздник кооперации в деревне», «Москва салютует», «Утро Москвы 1942 г.» и совсем недавно «Утро индустриальной столицы».

В годы советской власти творчество Юона окрепло еще более. И да зачтется Юону его большая заслуга — он один из тех, кто донес до наших дней и, как эстафету, передал молодому поколению великие реалистические заветы.

И до революции и после нее вдохновенно пишет Юон русскую зиму. Пишет, упиваясь ее изменчивою красою, пишет с восторгом, с покоряющим и не ведающим преград творческим подъемом. Зимы пушистые, буйно снежные и зимы мягкие, с легким морозцем, с лыжниками на полянах, зимы мартовские, пригретые солнцем и чуть дышащие весной — все нашло свое выражение в юоновских полотнах вместе с картинами пышного весеннего расцвета, когда улыбается все — и солнце, и зелень, и пахучая земля, и стены изб.

Совсем недавно написал Юон и пропитанный светом интерьер Останкинского дворца и «Раскрытое окно», распахнутое в весну,— символ жизнетворчества и неувядающей весенней прелести произведений самого Константина Федоровича.

Василий ЯКОВЛЕВ,
народный художник РСФСР

К. Ф. Юон. — МОСКВОРЕЦКИЙ МОСТ.

Обычный австралийский пейзаж: эвкалипты погублены кольцеванием; почва разрушена; травы высохли.

Пустыня наступает. Рабочие тщетно пытаются отвоевать у стихии занесенную песками железную дорогу.

ОГРАБЛЕННЫЙ МАТЕРИК

В. МИХЕЕВ

Был декабрь — второй месяц австралийского лета, в Сиднее обычно солнечного. На этот раз оно было тягостно жарким и душным. Уже несколько лет подряд засухи опустошали поля то в одном, то в другом конце страны. Уровень горных водохранилищ катастрофически упал; потребление воды жителями было строго ограничено. На небе — ни облачка. Утром солнце сразу появляется на горизонте, оставляя лишь минуты утренней заре и рассвету; вечером оно не сходит с неба почти до самой темноты: здесь не знают сумерек, ночь наступает немедленно после заката.

За ночь воздух не успевает остыть, и солнце с раннего утра снова накаляет его.

Уже несколько дней газеты и радиопередачи полны тревожных сообщений из разных концов страны: засуха все сильнее дает о себе знать; начались степные и лесные пожары, гибнут скот и посевы, поднялись пыльные бури, сносящие верхний слой почвы с полей и пастбищ.

Одна из сиднейских газет и в эти дни пыталась сострить, опубликовав такой мрачный анекдот. К одному фермеру давно уже собирался в гости его друг, горожанин. Неожиданно этот фермер сам прибыл в Сидней, и его друг задал вопрос:

— А как далеко ехать к тебе на ферму?

— Да ехать не надо,— отвечал фермер,— вон моя ферма сама едет в Сидней,— он указал на бурое облако пыли, несущееся из степей к морю.

К концу декабря солнце утратило яркость. Из океана оно поднималось грязнокрасного цвета, окаймленное широким кольцом бурого тумана. Оно безжалостно жгло, но, казалось, больше не давало света. Неба не было видно: над городом нависла неподвижная туча, которая в лучах солнца иногда искрилась. В отличие от дождевых эта туча была низкой и какой-то ровной, везде одинаковой, сплошной от горизонта до горизонта. Больше всего она поражала своим цветом. Его трудно описать: местами это был цвет ржавого железа, местами рыжего, затем серого.

С каждым днем туча все больше сгущалась и спускалась все ниже. В городе темнело, и казалось, в Австралии наконец появились сумерки. Уменьшилась видимость, замедлилось движение городских трамваев, автобусов и автомобилей. В каком-то полумраке тревожно звучали автомобильные гудки, глухо звенели звонки трамваев, прохожие шарахались в сторону, жались поближе к стенам.

Люди приходили домой и отряхивались, как у нас на севере от снега; только вместо снежных хлопьев с их одежды сыпалась мелкая пыль; их волосы скатывались в колтуны; лицо, уши и шея чернели. По утрам хозяйки подымали облака пыли над балконами, вытряхивая ковры и скатерти и выметая кучи пыли с полов; автомобили на дорогах кашляли, как чахоточные: их двигатели забивала мельчайшая пыль; машины выходили из строя...

Знакомый лектор из Сиднейского университета (назовем его мистером Бэли) ходил в эти дни мрачный и озабоченный. Он был настроен тревожно и, подобно десяткам других людей, смотрел на небо со страхом. Он горячо спорил о причинах пыльных бурь, стараясь найти виновников этого бедствия.

При встрече Бэли говорил мне:

— Туча начала осаждаться на город, она пришла в движение. Вы обратили внимание, как она искрится? Вот эта искристость — причина того, что туча так долго стоит неподвижно над городом. Здесь, у моря, облака пыли встретились с водяными парами, что подымаются с моря. Миллиарды пылинок осели на мельчайшие водяные пузырьки и мешают им подняться выше, а водяные пузырьки не позволяют пыли осесть на землю. Так что это не просто пыльная, а пыльно-водяная туча. Потому она искрится. Пыль, которая мучает нас в городе, поступает из близких районов. А выше разместилась пыль, прибывшая за сотни километров. За последние дни количество летающей почвы из центральных степей и пустынь увеличилось, водяные пузырьки не могут больше сдерживать ее высоко в воздухе, и вся туча начинает опускаться ниже. Да и растянулась эта мрачная туча, несущая сотни тысяч тонн земли, далеко.

Помолчав, мистер Бэли добавил:

— В этой туче, выражаясь фигурально, парят сотни ферм, сотни тысяч голов скота, человеческое счастье. Слыхали последнюю новость? Тучу несет за море, вон из Австралии.

И верно, через несколько дней в газетах писали, что австралийская почва совершила путешествие в две с лишним тысячи километров и начала осаждаться в Новой Каледонии и Новой Зеландии.

Бэли продолжал размышлять вслух, не столько рассказывая мне об интересных фактах, сколько пытаясь обобщить и сделать выводы:

— В облаках вы можете сейчас наблюдать географические зоны Австралии. Вон те красно-рыжие слои пыли пришли из центральных районов, где в почве содержится железо. Светлосерые облака поступают из пшеничного пояса, расположенного сразу за Австралийскими Альпами, а желтоватые облака прибыли из западной части нашего штата Новый Южный Уэльс, из сельскохозяйственного района Риверина.

Центральная и западная части нашего континента—самые древние земли на планете. Они веками разрушались природой; их тонкий поверхностный слой едва держался, укрепленный корнями деревьев и кустарников — шкрабсов. Наши скотоводы, расширяя свои пастбища и поля, уничтожили миллионы деревьев. Они нагнали на поля слишком много овец, которые, пожрав травы, принялись истреблять мелкие деревья. Вы знаете, что мы почти не сеем кормовых трав для овец?! Вот теперь нам и приходится расплачиваться за жадность шерстяных компаний, истощавших пастбища.

Выветривание почвы за последние годы начинает принимать катастрофические размеры, — продолжал он.— Уже не раз природа делала самые строгие предупреждения. Мы было спохватывались, составляли грандиозные проекты ирригации и озеленения, но выпадали дожди, поля начинали зеленеть, и планы забрасывались. А ведь засухи с каждым разом становятся все более продолжительными и страшными. Сотни мелких рек высохли, память о них осталась лишь на наших картах. Даже такие большие реки, как Дарлинг, по нескольку лет текут мелкими ручьями, совсем пересыхая в своей верхней части...

* * *

Мне вспомнились первые дни моего пребывания в Австралии, когда меня, как и всякого свежего человека, удивляла желтизна всего пейзажа и поражали картины вымерших лесов. Не только в далеких степях, за го-

рами, но и близ Сиднея, среди низких гор Австралийских Альп, я видел много тысяч деревьев-привидений.

Белые и желтоватые эвкалипты высотой в 30—50 метров стояли рядами без единого листочка на засохших ветвях. Казалось, смерть пронеслась по склонам холмов и степям, где когда-то росли леса, и сейчас погибшие деревья-великаны вскинули к небу свои оголенные руки-ветви. До самого горизонта, насколько хватал взгляд, стояли мертвые деревья, среди которых паслись огромные стада грязножелтых овец; их прекрасная белая шерсть была покрыта слоем пыли, грязи.

Расширяя пастбища, скотоводы кольцевали эвкалипты: у корня каждого дерева они вырезали вокруг ствола кольцо коры, и дерево погибало. Его корни переставали черпать из почвы влагу, вокруг дерева вырастала трава — так создавались дополнительные кормовые ресурсы. Засохшее дерево не спиливали: лишний расход.

Сухой климат и крайняя твердость породы предохранили деревья от быстрого гниения. И вот теперь по всей Австралии высятся миллионы мертвых эвкалиптов. Бесконечные ряды этих «мертвецов» наводят уныние...

В Австралии крайне мало лесов, они занимают немногим больше одного процента всей площади. Лишь узкая полоска земли вдоль побережья на востоке, юго-востоке и юго-западе покрыта лесами. Самую значительную часть представляет собой так называемый парковый лес, в котором почти нет кустарников и одно взрослое дерево (обычно эвкалипт) расположено в 15—20 метрах от другого. Первое впечатление — словно кто-то специально занимался посадкой этих деревьев.

Но и эти зеленые оазисы безжалостно уничтожаются, и лишь высоко в горах еще можно обнаружить леса, какими они были до прихода белых людей, 160 лет назад. В штате Квинслэнд из-за истребления лесов и эрозии — выветривания — почвы громадные площади, раньше занятые полями и пастбищами, превратились в пустыни. Там пески перешли в наступление. Гонимые ветром, они передвигаются к берегам океана, захлестывая еще недавно цветущие долины.

Наступление песков в этом штате удалось частично задержать посадками густых зарослей кактусов, завезенных из Южной Америки. Однако выветривание продолжается. После второй мировой войны здесь каждый год сокращаются посевы пшеницы и от недостатка пастбищ погибает полтора — два миллиона овец.

Буржуазные ученые выдумали «предельные» нормы возможностей сельского хозяйства Австралии. Но эти «пределы» изобретены для обмана народа, в тщетной попытке скрыть пороки и язвы, присущие капитализму. Прогрессивные исследователи установили, что существующие пастбища Австралии могут прокормить, по крайней мере, в 5—6 раз больше овец, чем сейчас. Но хищнические монополии, контролирующие четыре пятых поголовья австралийского скота, грабят материк, толкают его к гибели.

При научном, рациональном использовании природных богатств Австралия могла бы, по мнению ряда исследователей, прокормить 50—70 миллионов человек. Однако материк, где властвует капитал, дает скудный паек лишь 7 миллионам жителей.

Австралийское буржуазное правительство не предпринимает никаких мер против гибели почв. Арестами и притеснениями прогрессивных деятелей, антикоммунистической истерией оно старается отвлечь внимание трудящихся от бедствий, порожденных капитализмом.

Процесс выветривания почвы охватил больше половины всей площади страны. По данным крупного австралийского ученого Тимбери, центр образования пыльных штормов и жгучих ветров находится вокруг большого озера в середине материка, называемого озером Эйр. Как и многие другие здесь водоемы, это — озеро лишь по названию. Свыше полувека в Эйр нет воды, а его дно покрыто слоем соли.

«Из района озера Эйр,— пишет Тимбери в своей книге «Битва за землю»,— ветры несут пыль и движут горы песка. В четырех восточных штатах начинают беднеть земли. В штате Южная Австралия фермеры вынуждены покидать свои участки в богатом пшеничном поясе. Почва начала беднеть и выветриваться во всем районе солончаков. Если двигаться с юга на север вдоль пограничных районов трех штатов — Южная Австралия, Новый Южный Уэльс и Квинслэнд, то можно увидеть огромные площади земли, охваченные разрухой. Здесь исчезли леса, высохли реки и ручьи, исчезли стада скота, опустели хозяйства, заброшенные постройки которых постепенно разваливаются, дороги здесь засыпаны песком, царит полное опустошение».

Таково свидетельство австралийского ученого, обличающего ограбление материка английскими монополиями и австралийскими капиталистами...

* * *

С группой журналистов сиднейских газет мне довелось совершить поездку по некоторым районам усиленной эрозии. Западнее Сиднея, на границе со штатом Виктория, нашим глазам предстала страшная картина, демонстрирующая алчность капиталистов.

По границе двух штатов протекает небольшая быстрая река Муррей. На север от нее тянутся районы Риверины, известные ранее миллионами овец, тучными полями пшеницы, овса, ячменя. Риверина теперь охвачена засухой и выветриванием почвы. Здесь давно не выпадали дожди, земля высохла, растрескалась, пожелтела. За два месяца погибло более 2 миллионов овец из поголовья в 14 миллионов. Пали десятки тысяч коров. Много скота погибло в степных пожарах.

По пути встречаем сотни трупов овец и коров, а чаще лишь скелеты да клочья шерсти: мясо успели выклевать птицы; видим черные, выгоревшие поля, груды проволоки от оград, одиноко торчащие трубы бывших ферм, сгоревших и занесенных песком.

Мы выходили из машины и брали руками землю. Она мельче муки самого лучшего размола: сухая пыль, которая едва прикрывала голые скалы. На полях кое-где мы видели людей, роющих колодцы: старые колодцы, дававшие воду десятки лет, пересохли, и сейчас фермеры забирались глубже.

Почва в Риверине содержит много перегноя, который накапливался веками. После хорошего дождя все зазеленеет, посевы дадут урожай, скот нагонит жир. Поэтому богатые фермеры и представители шерстяных монополий в разговорах с нами не проявляли большой тревоги, хотя и их хозяйства уже потеряли больше половины своего скота. Они надеются удержаться до новых дождей. Но тысячи мелких фермеров разорились вчистую, бросили свои дома и уехали на поиски работы.

Ученые проследили процесс выветривания за длительный период. Они установили, что каждый раз засухи бывают все более суровыми и что надо срочно строить большие дамбы, собирать воду, восстанавливать леса, сеять кормовые травы. В противном случае значительная часть Австралии превратится в пустыню.

Сигналы ученых и их предложения иногда публикуются австралийскими газетами в порядке сенсации. Дальше дело не идет. Правительство отговаривается «недостатком средств», хотя оно затрачивает миллионы фунтов стерлингов на приготовления к войне. А капиталистическим монополиям нет никакой охоты делать крупные денежные вложения ради спасения почв, ради будущего страны.

Мы повернули обратно в Сидней. Мимо нас проносились засыпанные песком усадьбы богатых фермеров, опрокинутые заборы, забитые досками двери и окна брошенных домов, маленькие городки, где лишь редкий дом светился огнем,— в остальных уже никто не жил.

Безрадостное впечатление производили столица Канберра, Орэндж, Батрест и другие города. Повсюду пыль и песок, несносная жара и мрачные настроения. Парки и аллеи Канберры потеряли свою привлекательность. Покрылись пылью и поблекли завезенные издалека канадские сосны, японские вишни, итальянские розы. Деревья гудели под порывами ветра. К высоким ступеням парламента он нагонял кучи пыли, как бы напоминая о трагедии, охватившей огромную землю.

На пути в Сидней пришлось проехать сквозь море огня. Лесные и степные пожары перевалили через горы и стали спускаться в долину Эму, приближаясь к промышленным районам вокруг города. На перевалах работало около 80 тысяч человек, вырубавших просеки и рывших канавы, чтобы преградить путь пламени. Сгорели сотни ферм, погибло много скота.

В Сиднее десятки тысяч людей заполняли пляжи, рестораны и дансинги. Газеты, будто сговорившись, отводили целые страницы бракоразводным процессам, сенсационным убийствам и грабежам.

Буржуазный парламент и печать не вспоминали о тысячах фермеров, потерявших все свое хозяйство и пополнивших армию безработных. Никто не подсчитал, сколько миллионов тонн почвы вынесено ветрами за пределы материка, сколько осело ее на ближайших островах или растворилось в океане.

Уничтожение природных богатств — единственный итог хозяйничания монополий в Австралии.

На целинных землях

Один из уголков заповедника.
Фото А. Богданчикова

На этих целинных землях и поныне буйствует пышное луго-степное разнотравье. Сюда запрещен доступ плугу. С ранней весны до поздней осени здесь кипит жизнь естественной природы, жизнь, в которую почти не вмешивается человек. Над пестрым растительным ковром неподвижно парят в воздухе хищные коршуны, кобчики, пустельга, высматривая зазевавшихся внизу грызунов. Прячась в высокой траве, бродят степные дрофы, и воздух наполнен жужжанием мириадов насекомых, населяющих степь.

Это земли Центрального Черноземного государственного заповедника имени профессора В. В. Алехина, расположенного в непосредственной близости от Курска. Заповеднику исполнилось 15 лет. Его коллектив занимается не только сохранением естественной лесостепной природы: десятки научных работ, выполненных им за минувшие годы, с успехом используются в сельском хозяйстве. Сейчас научные сотрудники активно участвуют в создании лесозащитных полос.

Г. ЗОЗУЛИН

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Голос писателя-патриота

Вскоре после войны, в июне 1945 года, Эренбург писал: «...я думаю о судьбе мира; ему едва исполнился месяц. Кто знает, как он нам дорог, этот долгожданный младенец!»

В сборнике «За мир!» девятнадцать статей Эренбурга, написанных им в 1945—1950 годах, и все они пронизаны одной, главной мыслью: мир — народам! В этом пафос сборника.

Верный лучшим традициям нашей литературы, И. Эренбург пишет:

«Древние утверждали, будто музы молчат, когда говорит оружие. Писатели должны говорить, и громко говорить, именно для того, чтобы не заговорило оружие. Их голоса обращены ко всем людям доброй воли, где бы они ни жили».

Нельзя забывать, что фашизм, принесший миру разрушительную войну,—это не «извращение десяти или ста негодяев», а «острый припадок обезумевшего капитализма».

Поэтому писатель вновь и вновь возвращается к своей главной теме: «Если не бьют лежачих, то ползучих бьют, ибо ползучие жалят. Нельзя оставить на земле людей и людоедов, народы и фашизм».

«Предел ночи» — так называется одна из статей Эренбурга. Предел ночи — это фашизм — немецкий или американский, испанский или французский — не все ли равно! Предел ночи — это деградация, маразм продажного западного искусства — Сартра, Селина, Жида — все едино. В речи на Парижском конгрессе сторонников мира Эренбург метко определил разницу между двумя культурами — капиталистической и социалистической, как «раскол между людьми прошлого и людьми будущего, между долларом и совестью, ...между заступом могильщика и заступом садовода».

Читая статьи Эренбурга, читатель видит, почему Уолл-стрит и Трумэн не менее опасны для мира, чем Крупп и Гитлер. Ведь и у тех и у других одна растлевающая основа — культ чековой книжки. Что из того, что сменился ее хозяин?

Два мира — вот одна из основных тем сборника. Мир, родившийся осенью 1917 года на одной шестой земли,— мир исторического оптимизма, природа которого — вера в торжество разума, культуры, человека. И умирающий мир капитализма. Буржуазия уже не может ничего создавать, говорит Эренбург. Военные зверства гитлеровцев — только логическое завершение сжигания в топках зерна или отравления его эозином.

И. Эренбург—мастер острой и меткой политической характеристики. Несколькими строчками писатель создает, например, картину современного состояния «маршаллизированной» Западной Европы.

«Голодным издали показывают булку из белой «манитобы», озябшим — куль угля, голым — штаны... Европа еще не включена в состав Штатов, но в штат включено немало европейцев. Найдены английские лейбористы, которые поставляют американских штрейкбрехеров... В Италии американцы нашли достаточно чистильщиков сапог,— я говорю теперь не о голодных мальчишках, а о министрах, прелатах и литераторах...»

Вот «моментальная фотография» генерала де Голля: «высокий генерал, который показал, что он умеет низко кланяться».

«Лев Великобритании на американском корму присмирел» — так пишет Эренбург об Англии, потерявшей государственный суверенитет в обмен на доллары.

Особенно уничтожающе звучат подобные короткие, но экспрессивные формулировки, когда в статьях «Затянувшаяся истерика», «Сверхчеловеки» Америки», «Они потеряли рассудок» и других И. Эренбург рисует звериный облик американского империализма, подготовляющего новую мировую бойню, отравляющего сознание рядового американца бредовыми идеями о мировом господстве Америки.

Они хотят запугать мир, эти первобытные дикари с вечными перьями и чековыми книжками, как их называет И. Эренбург, эти новые смехотворные «сверхчеловеки». Лучше война, чем кризис,— таков их девиз, который они пытаются навязать американцу.

Но простые люди всех стран — на страже мира. Мир — это щит ребенку, дереву, книгохранилищам. Наш долг — отстоять мир, и мы его отстоим — так говорит и вдова греческого партизана, и французский докер, и итальянец-виноградарь.

Благодаря богатой эрудиции И. Эренбурга, большому жизненному опыту писателя перед нами проходят во всем национальном своеобразии картины жизни трудящихся за рубежом, с их особыми горестями, каждодневными заботами, трудными победами. И на этом широком, пестром фоне, среди всей сложности классовых отношений Эренбург умеет почувствовать и выделить самое основное — тягу миллионов людей к миру, пробуждение политического сознания у недавних обывателей.

Одна из статей называется «О друзьях и врагах». Из года в год крепло наше чувство уверенности в друзьях — из статьи в статью растет это чувство и у писателя. Люди доброй воли встали мощной стеной в защиту мира — об этом говорят сотни миллионов подписей под Стокгольмским Воззванием.

Во главе миллионов простых людей — трудящиеся СССР, великий Сталин, знаменосец борьбы за мир и счастье всего передового человечества.

Советское правительство, выражая волю всего народа, всегда руководствовалось в своей политике стремлением укреплять и расширять дружественные отношения со всеми странами. Советский Союз последовательно и неуклонно проводил и проводит политику сохранения мира и предотвращения угрозы новой войны.

«Наша республика родилась со словами: «Миру мир», эти слова остались ее присягой»,— пишет Эренбург в статье «Голос писателя».

Книга Эренбурга — это еще один голос, поданный за мир, — твердый и звучный голос.

В. ОГНЕВ

И. Эренбург «ЗА МИР!» «Советский писатель». 1950 188 стр.

Кровью сердца

Да, эта книга написана кровью сердца, кровью бесстрашных борцов за свободу, демократию и независимость многострадальной Греции, узников греческого монархо-фашизма и его вдохновителей — англо-американских интервентов. В тюрьме греческие патриоты-смертники создали книгу потрясающих человеческих документов. Они писали ее — писали на этикетках консервных банок, — зная, что их палачи «всегда наготове» и «держат курок на взводе».

Голос этих простых людей Греции—рабочих и крестьян, студентов и учителей, матросов и офицеров, юношей и стариков — проник за стены тюрьмы, за пределы страны.

«Мы разоблачаем перед цивилизованным миром подлинное содержание доктрины Трумэна, примененной в нашей героической стране-мученице... — пишут борцы национального Сопротивления, приговоренные к смертной казни.— Мы разоблачаем палачей нашего народа — американских и английских империалистов и продажную афинскую клику, послушно выполняющую приказы своих заморских хозяев».

Авторы книги разоблачают греческую действительность — жизнь под постоянной угрозой смерти, систему концлагерей и тюрем, вакханалию беззаконных приговоров, подложную «амнистию», невообразимые пытки и массовые расстрелы.

Книга рассказывает обо всем том, что, по откровенному признанию главы американской миссии в Греции Грисуолда, «не противоречит американским понятиям о демократии». Американский генерал Ван Флит своим наставлением греческим властям «Хватай и убивай!» кратко, но убедительно выразил сущность «демократии», которую заокеанские хищники насаждают в Греции. Им нет дела до участи греческого народа, им нужен плацдарм, очищенный от демократических сил, от сторонников мира. Греция, по словам трубадура американских агрессоров Липпмана,— это «стратегические ворота,

ведущие в Черное море и к России».

Мировое общественное мнение во главе с советским народом не раз выражало пламенный протест против кровавой расправы афинской клики с греческими патриотами, вся «вина» которых состоит в том, что они воевали против немецко-фашистских захватчиков и их греческих подручных и продолжают борьбу за свободу и мир. На происходящей сейчас пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН советская делегация решительно разоблачает все попытки скрыть террористический характер нынешнего греческого режима. Под давлением общественного мнения афинским властям приходилось приостанавливать открытые казни патриотов, но потом, по приказу из Вашингтона, греческие фашисты вновь скрытно принимались за свое черное дело.

Но ни злодеяниями, ни обманом и коварством греческим фашистам и англо-американским оккупантам не удается добиться своей цели. Афинским властям не удалось, в частности, заставить антифашистов подписать отказ от своих убеждений. Патриоты сохранили стойкость и мужество — об этом говорит каждая строка волнующей книги.

Не о своей неминуемой трагической гибели думают и пишут авторы книги — их мысли обращены к борьбе, к будущему. Они и в тюрьмах не прекратили сопротивления своим поработителям. Когда в знак протеста против беззаконной казни 23 патриотов заключенные тюрьмы Аверов объявили голодовку, они, несмотря на угрозы охраны, днем и ночью через самодельные рупоры оповещали население Афин: «Мы продолжаем!» «Этот неумолкающий, неукротимый голос,— пишут товарищи смельчаков, — глубоко проникал в сердца свободолюбивого народа Афин: он воодушевлял, мобилизовывал, поднимал на борьбу».

В книге приведена выдержка из подпольной тюремной газеты «Свободная мысль». Мы читаем в ней о том, как бесстрашные греческие патриоты встречают казнь с песней на устах. Видя это, тюремщики и палачи приходят в замешательство. «Они бледны, бледны, как сама смерть. Они боятся нас!» — пишут авторы тюремной подпольной газеты.

Так же, как письма расстрелянных французских коммунистов, обращения греческих патриотов перед казнью к своим родным и друзьям — это прежде всего страстные призывы сохранить твердость, продолжать борьбу. «Пусть ни одна слеза не омрачит наш последний горький поцелуй», — обращается Яннис Цицилонис к своей матери. «Заставь замолчать свое сердце, — просит свою жену Христос Контос. — Тебе нельзя болеть, так как это было бы двойным несчастьем и доставило бы нашим врагам двойную радость. Держись крепко». Они оставляют своим близким наказ завершить то, чего они сами не успели сделать.

Патриоты уходят из жизни, горячо веря в светлое будущее своей страны, своего народа: «Занимается заря,— говорится в последнем письме Василиса Ромболас.— Скоро взойдет новое солнце. Оно осветит нашу землю, наш народ, и на этот раз никогда больше не надвинутся сумерки».

Дм. УМАНСКИЙ

КРОВЬЮ СЕРДЦА. Документы, письма и стихи казненных греческих антифашистов. Издательство иностранной литературы. 1950. 144 стр.

Стихи колхозницы Ефросиньи Карпенко

Недавно издательство «Радянський письменник» выпустило первый сборник стихов колхозной поэтессы Ефросиньи Карпенко, проживающей в деревне Хорошево, Петропавловского района, Днепропетровской области.

Е. Карпенко.

Писать стихи Ефросинья Андреевна начала с 1939 года. Стихи ее откликались на события, волновавшие советский народ, подкупали своей искренностью, свежим восприятием мира. Наибольшей силы достигла поэзия Е. Карпенко в годы Отечественной войны. Ее антифашистские стихи, песни и сказки пользовались широкой популярностью в колхозных селах Днепропетровщины.

Гитлеровцы разграбили и спалили хату Ефросиньи Карпенко. Мужественная патриотка неустанно боролась с «проклятой вражьей силой».

Особое внимание привлекают стихи того времени «Ой, з-за гори чорна хмара» и «Ой, візьму я автомат». В первом из них она говорит:

Ой, з-за гори чорна хмара,
Десь далеко моя пара.
Десь поїхав він по світу.
Ні листа шле, ні привіту.
Ой, чи може його вбили,
У могилі десь зарили?
Ні, мій милий за горами
Бьеться з злими ворогами.

По окончании войны колхозная поэтесса пишет:

Вітер буйний в синім небі
Хмари розганяе,
Наша рідна Україна
Знову розцвітае.

В сборник вошло 17 избранных стихотворений колхозной поэтессы. Это песни о радости труда, о счастье колхозном, о горячей любви к Родине, к товарищу Сталину.

А. АХМАТОВ

Знатный охотник орденоносец Смаил Джиренбаев (колхоз «Жана-Курлуз», Джамбулского района, Алма-Атинской области) со своим беркутом «Салык-Канат».

Народная
артистка
Казахской ССР
Шара.
Фото М. Савина

ПЕСНЯ И ТАНЕЦ

КУЛЯШ БАЙСЕИТОВА

...Желаю, чтоб чище ручьев прозвенели
Куляш соловьиные нежные трели..

Джамбул.

Казахский народ издавна гордится своим искусством пения и танца, своей поэзией. Но только после Октябрьской революции на благодатной почве свободного народного творчества могли возникнуть казахские театры — музыкальный и драматический. И когда в 1936 году в Москве состоялась декада казахского искусства, зрители столицы восторженно приветствовали поэтичные, красочные спектакли казахского музыкального театра.

Всеобщее внимание привлек тогда к себе талант молодой певицы Куляш Байсеитовой, ныне народной артистки Союза ССР, дважды удостоенной Сталинской премии.

Природа изделила Байсеитову высоким голосом редкой красоты, нежного тембра. Четырнадцатилетней девочкой она пришла на сцену из национальной художественной самодеятельности. Сначала она выступала в драматическом театре, а затем была приглашена в оперу, где и получила музыкальное образование. «Казахский соловей» — так сказал Джамбул, услышав пение Куляш Байсеитовой. Это же меткое сравнение повторила народная артистка Союза ССР В. Барсова.

«Как и большинство моих товарищей,— писала В. Барсова,— я познакомилась с Куляш Байсеитовой во время декады казахского искусства и должна сознаться, что эта молодая певица произвела на меня потрясающее впечатление... Я не могла бы назвать певицу, с которой можно было бы ее сравнить, до такой степени индивидуален и своеобразен ее высокий, легкий и прозрачный голос. Серебристый тембр этого голоса действительно напоминает пение птицы, и Куляш Байсеитова заслуженно получила название «казахского соловья».

Куляш Байсеитова не только замечательная певица, но и выдающаяся артистка музыкального театра, талантливо сочетающая в своем исполнении вокальный образ с образом сценическим. Благодаря врожденной музыкальности она чутко переводит ритмы оперной музыки на язык жестов, пластически точных движений.

В своем искусстве Куляш Байсеитова всегда идет от внутреннего мира изображаемых персонажей. Ею создана на сцене галерея казахских женщин прошлого — образы из национальной истории и народных легенд. То это трогательная Кыз-Жибек с ее самозабвенной любовью и трагической гибелью, то — коварная красавица, дочь ногайского хана Акжунус, полонившая своими чарами простодушного и доверчивого витязя Ер-Таргына.

В опере «Амангельды» Куляш Байсеитова темпераментно исполняет роль Бану — возлюбленной народного героя Казахстана Амангельды Иманова. Огромный успех выпал на долю артистки в новой опере молодого казахского композитора Мукана Тулебаева «Биржан и Сара», где она превосходно сыграла и спела роль девушки-акына Сары, которая приняла домбру из рук умирающего Биржана и понесла в народ его пламенные песни борьбы.

Народная артистка СССР Куляш Байсеитова.

Артистка широкого сценического диапазона, Куляш Байсеитова стремится к тому, чтобы казахский народ услышал на своем родном языке оперные произведения великих русских композиторов и композиторов братских народов СССР, а также западноевропейскую классику.

В 1948 году в Алма-Ате, на сцене Государственного академического театра оперы и балета имени Абая, был поставлен на казахском языке «Евгений Онегин». Куляш Байсеитова создала истинно пушкинский образ Татьяны, передав все мелодическое очарование бессмертной музыки Чайковского. Так же глубок и проникновенен созданный ею поэтический образ грузинской девушки Маро в опере «Даиси» З. Палиашвили.

Куляш Байсеитова мечтает исполнить роль молодой казахской женщины, которая принимает активное участие в социалистическом строительстве. «Мне хочется,— говорит она,— создать образ советской героини, которая не умирает на сцене, подобно Кыз-Жибек, а победно строит новую жизнь.

Как подлинно советский художник, Куляш Байсеитова сочетает служение народу своим искусством с государственной и общественной деятельностью. В 1947 году она была избрана депутатом Верховного Совета Казахской ССР.

Куляш Байсеитова — член Советского комитета защиты мира. «Слово миллионов» — так озаглавлен ее взволнованный призыв в связи с подписанием Стокгольмского Воззвания, протеста простых людей всего земного шара против войны, против тех, кто хочет бросить мир в бездну страданий и слез.

«Над миром,— пишет в этом призыве Куляш Байсеитова,— взошло яркое солнце новой жизни. В его ослепительном сиянии блекнут факелы поджигателей войны. Силы мира сумеют окончательно погасить их».

ШАРА

...Раскрылось, цветущей весны молодей,
Искусство казахских степей.
Воскрес растоптанный ханами век
В знойном, как пламя, танце Жибек...

Джамбул.

Если Куляш Байсеитова показала во всей красоте искусство оперного пения, то в творчестве другого мастера казахского искусства, народной артистки Казахской ССР Шары, воплотились лучшие традиции хореографии Казахстана.

Творческий путь Шары начался в 1933 году, когда она была принята в труппу Государственного казахского музыкального театра.

Виртуозно владея пластикой народного танца, Шара обладает также талантом драматической актрисы и певицы. В ее выступлениях объединены в гармоническое целое танец и песня.

Первоклассный знаток народных танцев Казахстана, Шара внимательно изучает и хореографию других народов СССР. В танцевальных движениях она как бы раскрывает душу своих героинь— женщин братских народов. Ее грузинский танец, плавный, строгий и величавый, может служить примером глубокого ощущения мелодий и ритмов грузинской танцевальной музыки.

Мастерство Шары отличается большой сдержанностью. Она всегда как бы рисует хореографические портреты, рассказывая в них о радостях и печалях девичьего сердца, о заветных думах казахской женщины.

В опере Е. Брусиловского «Ер-Таргын» Шара грациозно исполняла «танец кумыса» и с огромной силой — мрачную, трагическую пляску рабыни-персиянки. Выразительны ее плечи, легкие, словно невесомые руки в музыкальной пьесе «Кыз-Жибек». Один из лучших ее номеров — казахский танец «Айжан кыз».

В своих танцах Шара славит величие советского Казахстана. На языке точных и грациозных движений она говорит о той радости, какую испытывают все казахские женщины, получив право на новую жизнь, на свободный труд.

* * *

Куляш Байсеитова и Шара в расцвете творческих сил. И сколько еще чудесных песен и плясок, сколько еще великолепных сценических образов услышим и увидим мы в исполнении этих высокоодаренных дочерей казахского народа, чьи имена служат украшением самого передового искусства в мире — искусства народов СССР!

Олег ЛЕОНИДОВ

«Непокоренная полтавчанка» в Полтавском музыкально-драматическом театре имени Н. В. Гоголя. Справа: Ляля Убийвовк — Т. Кислякова, Марийка — Л. Онищенко.

Спектакль о Ляле Убийвовк

(«Непокоренная полтавчанка» в Полтавском театре имени Н. В. Гоголя)

Главный врач полтавской станции «Скорой помощи» Кость Григорович Убийвовк рассказывает о своей дочери Ляле: «Мы считали, что она будет скромным ученым. Так думали и ее профессора в Харькове и товарищи по студенческому научному обществу».

Летом 1941 года Ляля, закончив экзамены, приехала к своим родителям в Полтаву. Началась война. Семья Убийвовк не успела эвакуироваться. Уже через месяц после вступления гитлеровцев в город Ляля стала руководителем подпольной комсомольской организации «Непокоренная полтавчанка», а квартира ее отца превратилась в штаб этой боевой молодежной организации.

По указаниям секретаря подпольного обкома партии С. Ф. Кондратенко «Непокоренная полтавчанка» совершала очень важные по своим последствиям диверсии. Она буквально не давала жить немцам в Полтаве и долгое время оставалась неуловимой. Но в конце 1942 года по доносу предательницы Ляля Убийвовк и ее товарищи были схвачены и замучены гитлеровцами.

Полтавский музыкально-драматический театр имени Н. В. Гоголя вместе с молодым писателем П. Лубенским задался целью увековечить память славных героев Украины. Была создана пьеса «Непокоренная полтавчанка». Когда об этом стало широко известно, в театр начали приходить родные и друзья погибших героев; они делились воспоминаниями, рассказывали о жизни юных подпольщиков.

Однажды в небольшой зал школы, где играет Полтавский областной театр (великолепное здание театра сожгли фашистские варвары), на репетицию спектакля пришли члены бюро обкома партии. Днем позже на заседании бюро, куда приглашены были драматург, актеры и режиссеры, горячо обсуждалась пьеса и ее сценическое воплощение.

Руководители областной партийной организации помогли автору усилить политическое звучание спектакля. Был углублен обаятельный образ секретаря подпольного обкома партии товарища С. Ф. Кондратенко, ярче отражена роль партии, руководившей партизанским движением в области.

Так создавали полтавчане спектакль о своих овеянных славой земляках. И на сцене появились правдивые картины героической деятельности несгибаемых советских патриотов.

В тот день, когда по городу были расклеены афиши, извещавшие о премьере, на улицах можно было наблюдать группы взволнованных людей. Снова и снова вспоминали жители Полтавы события военных лет, ужасы фашистской оккупации, своих земляков — Лялю Убийвовк, Сережу Ильевского, Бориса Сергу и других членов «Непокоренной полтавчанки». Перечисляли их подвиги: организацию побега пленных — израненных советских воинов, сбор оружия для партизан, корректирование действий советской авиации, бомбившей военные объекты врага...

На премьеру собрались не обычные зрители: почти каждый из сидевших в театре был очевидцем, а иные — и участниками событий, показанных на сцене.

Раздвинулся занавес. Перед зрителями открылись живописные окрестности Полтавы. На опушке леса уполномоченный ЦК КП(б) Украины разрабатывает с начальником партизанского штаба план будущих (город еще в наших руках) операций в тылу врага. Здесь же неподалеку, на лесной поляне, комсомольцы проводят учебную стрельбу. Не прерывая своей работы, уполномоченный и начальник штаба строго оценивают результаты стрельбы, глазомер и твердость руки.

Затем действие переносится в уютную квартиру доктора Убийвовка, в штаб «Непокоренной полтавчанки». Здесь зритель видит всех членов штаба — молодых советских патриотов.

Сережа Ильевский — поэт, хорошо известный полтавской молодежи. Пишет он стихи «под Маяковского». Но теперь, на случай неожиданного прихода немцев на квартиру Убийвовков, он приготовил другие стихи — меланхолические. Эти стихи очень искусно сделаны: есть в них и едва заметная издевка над теми, кому еще может нравиться декадентщина. Гитлеровский вояка, побывавший только что в странах Западной Европы, может и в самом деле подумать, что Сережа — один из тех хорошо ему знакомых декадентских пошляков, которые, как известно, вполне нашли себя в гитлеровском «новом порядке». Так и подумал «просвещенный» гитлеровец, когда «застал» Сережу за чтением этих стихов. Молодой актер П. Лысенко удачно решает эту сложную задачу.

Советский офицер Леонид Пузанов (артист И. Лопатниченко) — военный руководитель «Непокоренной полтавчанки». Он вступил на путь борьбы... после своей «смерти». В городском госпитале содержалась под строжайшей охраной эсэсовцев небольшая группа пленных советских офицеров, в том числе и Пузанов. Комсомольцы имели в этом госпитале своего человека — санитара Сергея Сапигу (артист И. Морозщик). Другой советский человек, врач госпиталя, «констатировал» смерть Пузанова. Под видом мертвеца санитар Сапига вынес Пузанова. Пузанов вошел в организацию «Непокоренной полтавчанки».

Руководитель этих молодых патриотов Ляля Убийвовк была разносторонне одаренным человеком. Кроме науки, она глубоко интересовалась и искусством. В сохранившихся ее записях обращает на себя внимание фраза: «Жизнь без искусства — варварство».

И хотя отец Ляли говорил, что он не думал, что она будет героиней, Ляля, когда настал ее час, обнаружила наряду с замечательной находчивостью и изобретательностью поразительное бесстрашие.

Роль Ляли в Полтавском театре играет молодая актриса Тамара Кислякова, год тому назад окончившая театральную студию. Она создает образ умной и отважной советской девушки, для которой беззаветное служение народу стало целью жизни.

«Если мы не будем бороться с врагом,—наше существование бесцельно»,— говорит со сцены организатор и руководитель комсомольского подполья Ляля Убийвовк, начиная героическую борьбу с подлыми захватчиками. И в каждом слове артистки зритель чувствует неистребимую ненависть к врагу и глубокую веру в победу.

Есть в пьесе и другая героиня, смелая, энергичная, настойчивая девушка. Это маленькая Марийка, одна из тысяч рядовых помощниц «Непокоренной полтавчанки», вероятно, даже не знающая о существовании подпольной организации.

— Ты откуда? — спрашивает ее Ляля.

— Из народа,— просто отвечает Марийка.

Марийку играет тоже молодая актриса — Л. Онищенко.

Начинающий драматург, молодые актеры, молодая художница Л. Орлова многим обязаны возглавившему их работу опытному мастеру сцены — главному режиссеру театра, заслуженному артисту УССР Р. Ефименко. И еще большим обязан театр общественности Полтавы, партийной и комсомольской организациям, которые помогли создать волнующий спектакль.

Родившаяся в Полтаве пьеса о дочери украинского народа Ляле Убийвовк и ее боевых друзьях с успехом идет и в других театрах Украины.

Л. БОРОВОЙ и И. ВЕРШИНИНА

Спортивное ДОЛГОЛЕТИЕ

Леонид БРАСЛАВСКИЙ

Б. Новиков.

Играть становилось все труднее.

Сорок лет совсем небольшой возраст, особенно если человек всю жизнь занимался спортом. Однако то, что в обыденной жизни проходит незаметно, в спорте давало себя знать. Остались сила и точность ударов, но все чаще не хватало каких-то десятых долей секунды, чтобы дотянуться до мячей, какие раньше уверенно отбивались. Напоминала о себе и контузия, полученная при переправе через Дон, когда взрывной волной его выбросило из машины и ударило о землю; иногда вдруг сильно начинало сводить ноги.

Новиков явно проигрывал своему молодому противнику Алласу. Он загонял его двумя—тремя сильными ударами в угол, и когда, казалось, противник уже свыкался с мыслью, что и следующий удар последует в том же направлении, Новиков посылал мяч в другой угол. Но Аллас, мгновенно переместившись, успевал парировать и этот удар. Победа осталась за ним. Это было в 1947 году.

Провожаемый сочувственными взглядами, Борис Новиков пришел в раздевалку и опустился на стул. Кажется, наступил момент: надо оставить корт. Он знал немало случаев, когда спортсмены в расцвете своей славы вдруг переставали выступать. Они предпочитали уйти со спортивной арены непобежденными. В этом было нечто романтичное, но Новиков никогда не сочувствовал таким поступкам.

Ему было пятнадцать лет, когда он впервые взял в руки ракетку. Тогда Боря приехал из деревни к отцу, сторожу динамовских кортов на Петровке, в Москве. И, как завороженный, остановился он, не спуская глаз с маленького белого мяча, мелькавшего над желтой площадкой. Было что-то захватывающее в красивом и ловком поединке, который вели двое спортсменов, вооруженных ракетками.

Это было время, когда тысячи простых людей приобщались к спорту, и Боря Новиков был одним из тех, кто впоследствии стал славой советского спорта.

Летом, подметая корты и размечая площадки, зимой, сгребая снег и поливая каток, уборщик Борис Новиков горячо мечтал о теннисе. Его можно было поднять в любой час дня и ночи, сказав всего лишь два слова: «Сыграем, Боря!»

Он играл со всеми, кто только хотел с ним играть, он учился у каждого, кто мог открыть ему хотя бы что-нибудь в тонком искусстве тенниса. Это была полоса трудной учебы, когда удачи окрыляли, а большие провалы только подстегивали. И чем сильнее был противник, чем больше он наносил поражений, тем настойчивей Новиков искал новых встреч с ним. И все чаще торжествовала его воля к победе.

Через год он выиграл первенство Москвы среди новичков, еще через два года был уже третьей ракеткой страны. И этот удивительный, единственный в своем роде взлет поразил даже тех, кто знал, что молодой теннисист необычайно упорен и очень даровит.

Но понадобилось еще шесть долгих лет, прежде чем Новикову удалось слить в единое целое духовные и физические силы и мастерство, победить до того непобедимого Кудрявцева и стать чемпионом Советского Союза.

Если бы можно было все партии, сыгранные им за пять лет, когда он был бессменным чемпионом страны, зафиксировать, как фиксируются шахматные партии, они могли бы надолго остаться образцом целеустремленной силы и точности. В эти годы он не знал поражений, не проиграл ни одной встречи. Студент Автодорожного института Борис Новиков стал заслуженным мастером спорта. Страна отметила его как одного из своих лучших физкультурников орденом «Знак почета».

Мальчики, впервые бравшие в руки ракетки, мечтали когда-нибудь встретиться с ним. Он был для них примером советского спортсмена, не складывающего оружия до последней секунды игры.

Во время войны прошел слух, что Борис Новиков тяжело ранен и не сможет вернуться в спорт. Новиков лежал в эти дни в госпитале с повреждением позвоночника, с переломом ключицы и челюсти.

Через полгода, когда ему стало значительно лучше, врач, выписывая его из госпиталя, сказал:

— Окончательно стать на ноги вам может помочь спорт. Советую играть в теннис. Конечно, сначала в малых дозах.

— Спасибо, доктор, — ответил, улыбнувшись, Новиков. — Для меня это будет лучшим лекарством.

Когда он вернулся на корт, его окружали сильные, жизнерадостные молодые люди. Они готовы были сразиться с ним. Это росли мастера. Он удовлетворенно отметил то свежее, что они несли в теннис, — задор, быстроту, богатые комбинации.

Не ожидая, пока мяч коснется площадки, они били его с лета и тут же бросались вперед. Они много играли у сетки, а это, безусловно, повышало темп. Нужны были огромная выносливость, мгновенная реакция, чтобы противостоять молодым теннисистам. Но в их игре были и слабости — несовершенство ударов с задней линии, сила ударов далеко не всегда сочеталась у них с точностью. И, самое главное, когда партия складывалась неблагоприятно, некоторым из них не хватало уменья стойко бороться до конца.

В соревнованиях на первенство Москвы Борис Новиков победил всех молодых претендентов на звание чемпиона. Его соперники даже не подозревали, каких огромных усилий ему это стоило. По их загоревшимся глазам он видел, что теперь они не успокоятся до тех пор, пока не выиграют у него. И, конечно, ближе всех к этому был наиболее талантливый из них — Николай Озеров.

Необычайно подвижной, с превосходным «чувством мяча и площадки», он одолел Новикова в острой борьбе и впервые завоевал титул чемпиона страны.

Новиков не сдавался. Зрители становились свидетелями великолепных схваток, где опыт и мужество нередко брали верх над бурным натиском юности. Но вслед за Озеровым оспаривать право сильнейшего поднималась целая плеяда молодых теннисистов. Некоторые из них все чаще наносили поражение Новикову. И вот теперь, проиграв Алласу, он решил оставить корт.

Отдыхая на юге, Новиков то и дело представлял себе, как он будет сидеть в кресле возле сетки и делать замечания своим ученикам, мальчикам или девочкам. А потом, разбирая их ошибки, вспоминать о своих встречах. И вздыхал.

В таком настроении он вернулся в Москву. Ему позвонили по телефону:

— Приезжают чехословацкие теннисисты...

— Когда матч? — только и спросил он, волнуясь.

Конечно, в этой встрече он будет участвовать!

Сознание, что он защищает честь своей Родины, умножало его силы. Еще полтора десятка лет тому назад, во время выступления в Турции, это сознание помогло ему победить чемпиона чужой страны. Он всегда отличался, играя с иностранными спортсменами. И на этот раз, в товарищеском матче с теннисистами Чехословакии, Борис Новиков добился наилучших результатов. Зарубежные друзья горячо жали ему руку.

Нет, видно, он рано решил покинуть корт! Он вновь приступил к систематическим тренировкам. Раньше, кроме тенниса, он занимался гимнастикой, боксом, играл в футбол и хоккей. Строжайший режим в спорте и быте всю жизнь помогал ему побеждать. Сейчас он много времени уделял легкой атлетике, бегу и прыжкам.

Начался розыгрыш первенства страны 1948 года. Когда Новиков вышел на корт, зрители встретили его аплодисментами. Так же как звук удара ракеткой по мячу, то звонкий, то глухой, говорит о силе и чистоте удара, так и шум аплодисментов таит в себе различные оттенки. Сейчас аплодисменты выражали уважение.

Первым против Новикова играл Аллас, победивший его в прошлом году. Уже по первым мячам Аллас понял, что его противник настроен очень решительно. Отчаянно сопротивляясь, он пытался отвечать на смелые сокрушительные удары Новикова. Безуспешно! Счет все возрастал. Аллас проиграл. Новиков взял реванш.

Следующим был Андреев, претендовавший на первое место. Он рассчитывал сравнительно легко обыграть Новикова. Они начали встречу в десять часов утра. Был пасмурный день, временами шел дождь. Схватку приходилось прерывать. Впереди был то Новиков, то Андреев. Напряжение возрастало. Едва спортсмены возобновляли игру, как публика, захваченная единоборством, тотчас окружала корт.

Андреев проявлял необычайную цепкость, Новиков — непреклонную настойчивость. Целый день они провели на корте. Наступили сумерки. Спортсмены заканчивали встречу едва ли не в темноте. Публика не расходилась. Приближался решительный момент. Новиков подал «свечку», очень легкую «свечку». Казалось, Андреев сейчас убьет мяч и выиграет встречу. Он ударил! Новиков взял мяч. И Андреев сдал. Неудача сломила его.

Опять победил Новиков. Радостный, улыбающийся, он еле стоял на ногах. Только теперь он почувствовал, как страшно устал. А ведь завтра ему предстоит встреча с основным противником — Николаем Озеровым.

Утром Новиков поднялся совершенно разбитый. Ноги и руки одеревенели, отяжелели. В таком беспомощном состоянии он в лучшем случае сможет лишь некоторое время защищаться. Пожалуй, впервые в жизни он начинал игру равнодушно, без всякой воли к победе.

Иначе чувствовал себя Озеров. Находясь под впечатлением вчерашней игры Новикова, он сильно волновался. И это сейчас же сказалось. Новиков выиграл первую партию. Нет, он не выиграл. Это Озеров проиграл ее из-за своих же собственных ошибок. Но для Новикова этого было вполне достаточно — он встряхнулся.

Своими длинными ударами он не подпускал Озерова к сетке, где тот играл особенно успешно. С поразительной меткостью он направлял мячи под левую руку противника, зная, что это — его слабое место. Тщетно старался Озеров перейти в наступление, навязать свой стиль игры. Новиков победил. Это была огромная победа над наиболее опасным противником. Выиграл Новиков и финал.

На следующий день газеты сообщили: «После восьмилетнего перерыва Борис Новиков опять стал чемпионом СССР».

Его воля стала примером.

...Все больше седин появляется в его волосах. Но это не признак спортивной старости. Борис Ильич Новиков поступил в Институт физической культуры имени Сталина, чтобы теорией подкрепить высшее спортивное образование, которое он получил в бесчисленных сражениях на корте.

Нынешний год для него юбилейный. Двадцать пять лет тому назад он впервые взял в руки ракетку. Все эти годы, полные борьбы, он был верен лучшим традициям советского спорта.

Четверть века! Борис Новиков достойно ознаменовал свой юбилей, заняв второе место в матче «Десяти сильнейших теннисистов страны». Это значит, что борьба продолжается.

ЛЮДИ СОВЕТСКОГО СПОРТА

РАБОТНИЦА «КРАСНОЙ ТАЛКИ»

Вечером, по окончании рабочего дня, и в дни отдыха тысячи ивановских ткачих, прядильщиц, красильщиц заполняют площадки стадиона, а в осенние ненастные дни — спортивные залы клубов. Среди ивановских текстильщиц выросло много легкоатлеток, волейболисток, гимнасток.

Две подруги-комсомолки, работницы фабрики «Красная Талка» Мария Андрианова и Эмилия Садова, с увлечением занимаются в спортивной школе общества «Красное знамя».

В нынешнем сезоне больших успехов девушки добились в беге на средние и длинные дистанции.

У Эмилии Садовой в цехе машины работают ритмично, без простоев. Она отличная производственница. На стадионе Садова с каждым месяцем улучшала технику бега и добилась хороших показателей.

В районном кроссе Эмилия Садова заняла первое место в соревновании на 500 метров. Ее подруга Мария Андрианова победила в беге на 1000 метров.

Сейчас Э. Садова учится в школе рабочей молодежи. Она решила по окончании школы поступить в техникум физкультуры.

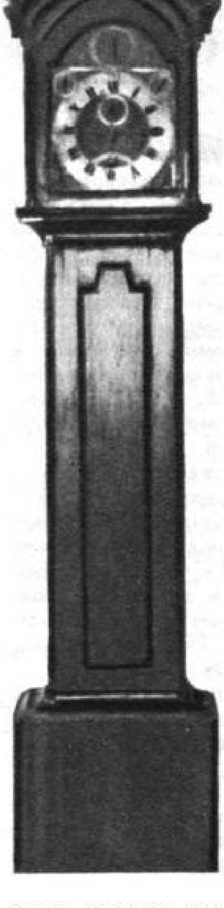
Фото и текст О. Игнатович

Э. Садова (слева) и лаборантка прядильной фабрики «Красная Талка» Аля Терентьева занимаются в школе рабочей молодежи.
Внизу: Э. Садова (на первом плане) тренируется в беге на стадионе общества «Красное знамя».

ИНТЕРЕСНЫЕ НАХОДКИ

Часы, которые стояли в грибоедовском доме.

В маленьком городке Собинке, Владимирской области, недавно обнаружена интересная коллекция картин, книг и документов, связанных с именами выдающихся деятелей русской культуры.

Коллекция долгие годы сохранялась в особняке Марии Борисовны Алябьевой, дальней родственницы композитора — автора популярных романсов «Соловей», «Вечерний звон» и других.

Мария Борисовна рассказывает:

— Помните, в первом действии «Горя от ума», в фамусовской гостиной, Лиза переводит часы, которые бьют и играют? Фамусов выговаривает ей: «Сама часы заводишь, на весь квартал симфонию гремишь». По семейному преданию, Александр Сергеевич Грибоедов описал часы, которые стояли в родительском доме.

В дальнейшем часы попали к Алябьевым. Здесь они тщательно хранились, и только однажды их увезли в Москву. Случилось это во время одной из первых постановок «Горя от ума» в Малом театре. Публика слушала тогда мелодию старинных курантов, которую у себя дома в свое время слушал сам Грибоедов.

Среди многих книг и изданий, сохранившихся в особняке, немалый интерес представляют «Московские ведомости» за 1834 год. Здесь помещена заметка, привлекшая внимание исследователей. Считалось, что Алябьев написал романсы на слова Пушкина «Два ворона», «Зимняя дорога», «Саша, Саша, я страдаю», «Увы, зачем она блистает...». Между тем в «Московских ведомостях» сообщается, что в музыкальный магазин на Кузнецком мосту поступил в продажу и другой романс Алябьева на слова А. С. Пушкина — «Что в имени тебе моем?».

С помощью «Московских ведомостей» удалось уточнить фамилию, фигурирующую в одном из шуточных стихотворений Пушкина: «Надо помянуть, непременно помянуть надо».

В рукописи, писанной Вяземским и Пушкиным, неразборчиво читалась одна фамилия. Специалисты-текстологи читали ее как «Мондуано». Пушкинист Т. Г. Цявловская, просматривая «Московские ведомости», случайно обнаружила заметку «Фокусник и штукмейстер Молдуано». Речь шла о фокуснике, упоминаемом Пушкиным. В пушкинском черновике фамилия была написана правильно — «Молдуано», ошибались текстологи, приняв букву «л» за «н».

В алябьевском особняке собраны картины, репродукции, портреты. Один из портретов изображает Александру Алябьеву, известную красавицу того времени, воспетую Пушкиным в послании «К вельможе»:

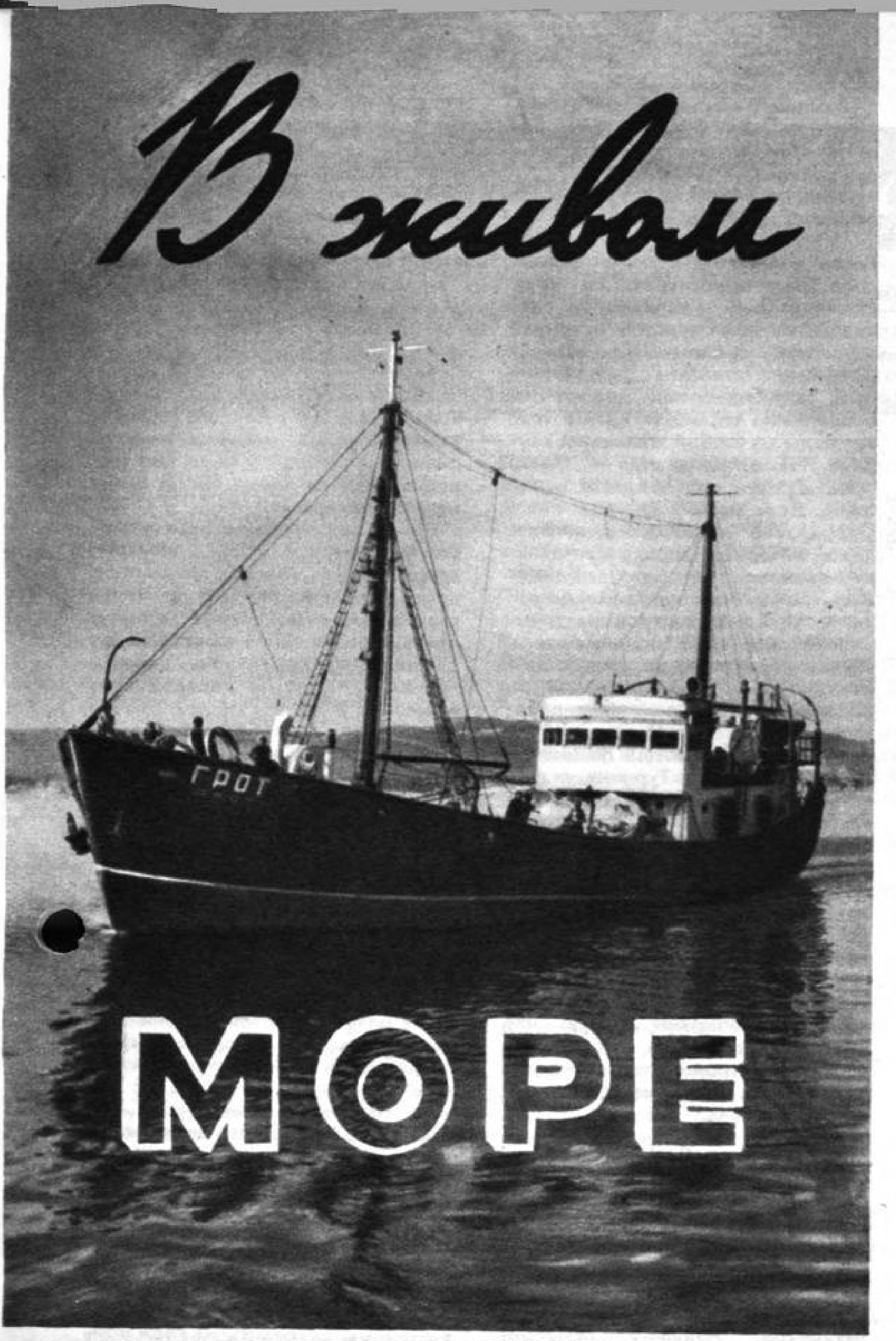
...Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой.

Найденный портрет Александры Алябьевой был до сих пор неизвестен пушкинистам. В венгеровском издании Собрания сочинений Пушкина воспроизведен портрет Алябьевой, уступающий по своей выразительности обнаруженному в Собинке.

Среди изобразительных материалов обращает на себя внимание альбом с рисунками, принадлежащими перу Б. И. Алябьева. Эти рисунки могут служить отличными документами для характеристики воспитания помещичьих детей 60—70-х годов прошлого века. Любопытен также шарж Б. И. Алябьева на владимирских чиновников.

Среди материалов, собранных в Собинке, первое издание рылеевских «Дум», печатные грамоты с подписями Петра I и Екатерины II, хозяйственная переписка первой половины XVIII века, тетради со стихами, неизвестный список исторической драмы Лажечникова «Опричник».

Е. ОСЕТРОВ

В живом МОРЕ

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

Фото С. Фридлянда

I

Перед рассветом краски на спокойной воде такие же выцветшие, как и на предутреннем небе. Даже бурун за кормой не снежнобелый, а серый и тусклый.

Из открытой двери радиорубки, расположенной за капитанским мостиком, видно, как начинает хорошеть утро: на бледном небосводе вспыхивают и загораются ярким огнем нижние края легких облаков, по мелкой зыби бледного моря прямо от левого борта устремляются к востоку золотистые струйки. Струйки отливают перламутром, а бурун за кормой светлеет и веселеет...

Радист Черников слишком увлечен, чтобы наблюдать пробуждение природы. Сдвинув на затылок синий берет, вслушивается он в писк «морзянки»: принимает метеосводку:

«...Крымском районе ветры бризовые, 3—4 балла. Волнение моря 2 балла».

Солнце поднимается выше. Только что оно было красным, большим, расплывшимся. На него можно было смотреть в упор. И вдруг солнечный диск уменьшился, приобрел четкие контуры, стал золотым и слепящим. Небо засинело ярче и раздвинулось.

Словно подтверждая прогноз синоптиков, судно догнал порывистый бриз. След его зазмеился вдоль обоих бортов пестрой дорожкой; будто хлестнул ветер по воде мелкой галькой, принесенной с крымского берега.

— Скоро станция,— говорит вахтенный матрос и улыбается,— только за кипяточком не сбегаешь.

Странно звучит вдали от берегов сухопутное слово «станция». Между тем так именно называется остановка в заранее намеченной точке открытого моря для производства научных работ.

Помимо команды на нашем среднем рыболовном тральщике «Грот», несмотря на обилие сетей, только один рыбак — Владимир Александрович Величко, именующийся в судовом списке тралмейстером. Основное и шумное население корабля — ихтиологи, гидрологи, гидрохимики и гидробиологи, составляющие один из отрядов экспедиции, организованной Азовско-Черноморским институтом рыбного хозяйства и океанографии для всестороннего изучения Черноморского бассейна.

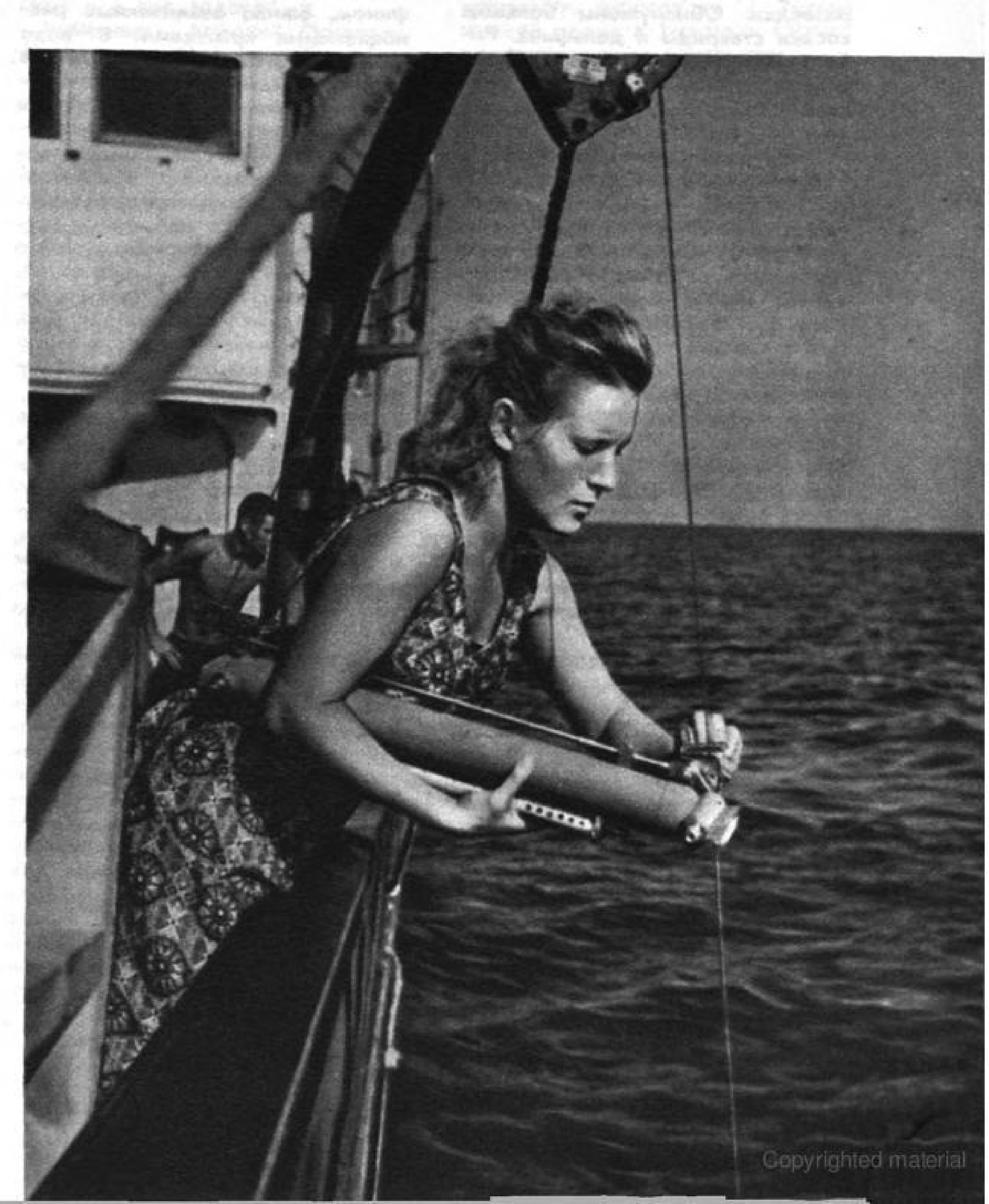

Морская вода немедленно подвергается гидрохимическим исследованиям. Гидрохимик Ольга Русина (справа) и ее помощница Лиля Турчина делают анализы на каждой станции, будь то днем или ночью.

Долго считалось, что Черное море бедно жизнью, так как глубины его заражены сероводородом. Наиболее рьяные сторонники этой ошибочной теории называли его даже мертвым морем. Однако советские ученые исследованиями последних лет доказали, что толща черноморской воды богата органическими веществами и живыми организмами, составляющими рыбий рацион, и густо населена: обнаружен 181 вид рыб, из которых 65 имеют промысловое значение.

Черное море, живое и богатое, освоено мало: рыбу совсем недавно добывали лишь у берегов, терпеливо выжидая, пока она сама пожалует к рыбакам. А в открытом море, вдали от наметов и сетей, скапливаются огромные косяки черноморской хамсы, нежной скумбрии и жирной кефали.

Сейчас принимаются меры для значительного увеличения добычи рыбы в Черном море. Чтобы черпать его богатства широко и разумно, ведется дальнейшее детальное изучение особенностей и сырьевых запасов бассейна. Этим и занимается экспедиция, суда которой одновременно с нашим «Гротом» бороздят воды широкого моря.

Батометры ныряют непрерывно. Гидролог Зоя Чермошенцева «делится» образцами воды почти со всеми научными работниками.

За борт спускают икорные сетки. Сейчас на капитанском мостике звякнет телеграф, и «Грот» начнет идти самым малым ходом.

Каждый день керченская радиостанция Азовско-Черноморского института принимает сообщения с экспедиционных судов. Радиограммы регулярно идут и из радиорубки «Грота»: «Ночью работали в 28 милях к югу от Феодосии. Утром тралим близ мыса Меганом. На подходе встретили большие косяки скумбрии и дельфинов», «Работаем в 85 милях к югу от Феодосии. Море фосфоресцирует слабо. При переходе проверили данные авиаразведки. Обнаружены большие косяки ставриды и дельфина. Рыба вскидывается над водой. Дельфин осторожный: не играет. Косяки сопровождает большое количество птицы».

Даже невооруженным глазом и неопытному человеку видно, как много рыбы в открытом море, где промысел, по существу, еще не ведется. Команду то и дело охватывает охотничий азарт: эх, сейчас бы и метать сети, вот улов был бы! Но «Грот» не рыбачье судно.

...Капитан «Грота» Константин Иванович Биршев несколько минут орудует секстаном — определяет наше место под солнцем. Внизу выключают дизель. Сразу становится тихо. Станция!

Как только судно теряет инерцию, инженеры-гидрологи Зоя Чермошенцева и Раиса Манченко опускают за борт батометры и термометры. Трос маленькой лебедки, увлекаемый грузилом, стремится вниз с такой поспешностью, что над водой стелется султанчик пара. А счетчик только успевает отсчитывать метры: 50, 100, 150. Стоп! Это и есть тот нижний горизонт, на котором нужно измерить температуру и взять пробу воды.

Приборы гидрологов устроены хитроумно. На глубоководном термометре цифры, обозначающие градусы, нанесены в обратном порядке: он фиксирует температуру, стоя «вверх ногами». В таком же положении действует и батометр: хлебнув на нужной глубине воды, он переворачивается вместе с термометрами и автоматически закрывается.

Научные сотрудники и лаборанты трудятся с увлечением. Как геологи, бредущие по горам, складывают в рюкзаки образцы пород, так и люди, изучающие глубины, собирают в свои сосуды образцы моря, добытые на разных горизонтальных и вертикальных его точках.

В трюме растут батареи бутылок и бутылочек, залитых парафином, банок, завинченных разноцветными крышками. В воде икринки, мальки, не видимые простым глазом водоросли-бродяги, плавающие по воле волн и течений, мелкие животные организмы. Они по сравнению с водорослями-бродягами крупнее и виднее; ихтиологи без труда рассматривают их в карманную лупу. Заботливая природа, помимо микроскопических водорослей, являющихся пищей вегетарианской, включила в меню для рыб, не спускающихся на дно, и такое «мясное» блюдо, как эти малюсенькие рачки.

Ориентировочно подсчитано, что Черное море может давать ежегодно 15 миллионов тонн таких вот рачков, микроскопических водорослей, которые значительны не величиной, а числом, и прочей подобной снеди; этим количеством пищи может прокормиться великое множество рыбы.

Быстро и споро, установленной чередой ведутся на станции наблюдения и исследования. А их немало приходится на долю каждого участника экспедиции! Лишь гидрохимики всякий раз производят более тридцати анализов морской воды, определяя содержание на разных глубинах минеральных веществ, необходимых для развития живых организмов. Гидрологи интересуются не только соленостью воды, направлением волн и степенью волнения: они определяют даже прозрачность морской воды.

Наконец научные работники уступают свое место рыбаку Величко. Владимир Александрович, дождавшись любимого дела, командует матросам, стоящим на лебедках:

— Трави носовой! Так, стоп! Трави кормовой!

За борт идет трал, по виду обыкновенный — донный. Но специальные, несложные и остроумные приспособления, сконструированные молодым инженером С. Б. Гюльбадамовым, делают его особенным: он может идти в толще воды на любой желаемой глубине. Таких тралов еще не было.

На «Гроте» производятся испытания этого нового орудия лова. Оно крайне необходимо именно здесь, в Черном море, в центральных районах которого обитают лишь рыбы, живущие в толще воды и не спускающиеся на дно.

Через час трал поднимают, и «Грот» берет курс на следующую невидимую станцию. А в трюме, превращенном в походные лаборатории, ихтиолог Чугунова, гидробиолог Кусморская и помощник гидрохимика Лиля Турчина, исполняющая в экспедиции должность «экспериментального рабочего», анализируют очередной улов. Каждая рыба, рыбка и рыбешка удостаиваются индивидуального взвешивания и измерения. Затем рыбу вскрывают, чтобы определить зрелость икры или молок и узнать, чем она питалась. Отдельно для установления рыбьего возраста собирают чешую или слуховые «камешки» рыб: на них можно разглядеть такие же годовые слои, как и на срезе древесного ствола.

II

На носу корабля стоят двое. Они молоды, как и большинство людей на этом судне. Это практиканты: Владимир Марченко из мореходного училища, будущий штурман, и Владимир Демидов из рыбопромышленного техникума, будущий ихтиолог. Первый пошел в экспедицию матросом, второй — лаборантом. Сейчас оба они стоят вахту: один — морскую, другой — научную. Оба наблюдают за морем.

Марченко обязан видеть вещи, значительные с мореходной точки зрения, Демидов — замечать и фиксировать появление рыбных косяков. Уже темнеет. Поэтому лаборант свесился за борт: когда рыба мечется в сторону от приближающегося судна, вода зафосфоресцирует. Матрос смотрит поверх товарища, чтоб не прозевать огни встречного корабля. В таком положении они оживленно беседуют. Вдруг матрос спрашивает:

— А что, Володя, сегодня кино рыбкам будешь показывать?

— А как же! — отвечает Демидов и вскрикивает: — Смотри! Это барабуля!

...Солнечный диск давно утонул в море. Но от широкого зарева, зажженного им, осталась над горизонтом желтая тлеющая полоска. Настало самое время начинать «киносеанс».

На первой же остановке в море погружается яркая электролампа. Вода вокруг становится прозрачно-зеленой, как в большом аквариуме. Через минуту, другую освещенное пространство оживает. Рыбья мелочь целыми толпами спешит на даровое зрелище.

— Хамса, — говорят с борта.

— Нет, барабуля. По походке видно, — поправляет ихтиолог Чугунова.

Рыбешек ловят сачком. Это и в самом деле барабуля — вкусная рыбка с красноватыми плавничками и висячими «запорожскими» усами, длинными не по росту.

На палубе тем временем появляются из трюма большие резиновые шары. Это поплавки дрифтерных сетей. Решено высыпать их на разных горизонтах. Они процедят морскую толщу и утром покажут, кто обитает в этих местах.

На ходовом мостике тушат оба отличительных огня: красный и зеленый. А на штаге поднимают необычный фонарь. Его белый свет, мелькающий ниже фонаря на фок-мачте, должен указывать встречным судам, в какую сторону высыпаны сети дрейфующего корабля.

Опустела палуба. Все, кроме вахтенных, забрались на свои койки. Сегодня впервые за несколько дней можно спать всю ночь напролет: станций не будет. А завтра с раннего утра, когда солнце еще не успеет зазвести горизонт рассветным пурпуром, снова начнется напряженная и увлекательная работа, от которой во многом зависит успех быстрого освоения богатств живого Черного моря.

Кислородная палатка

Ученые уже давно подсчитали, что при пользовании кислородной подушкой в организм больного поступает всего лишь пять процентов кислорода. Мало эффективными и неудобными в употреблении оказались также маски и другие ингаляционные приспособления для питания больного кислородом. Возник вопрос о создании более совершенного аппарата.

Научные работники Украинского института гигиены труда и профзаболеваний разработали конструкцию кислородной палатки, которая по своим качествам во много раз превосходит американские образцы.

Больного в лежачем или сидячем положении помещают в палатку, изготовленную из белого пластиката. Врач или медицинская сестра включает бесшумный мотор, и в палатку по эластичным шлангам поступает кислород. Приспособление позволяет регулировать количество кислорода.

Советская кислородная палатка имеет чрезвычайно точный и тонкий прибор — газоанализатор, которого нет в американских аппаратах. Он дает возможность сразу же определять процентное содержание кислородного газа и кислорода в палатке.

А. КАШТАНОВ

Большие неприятности

Фельетон

Леонид ЛЕНЧ

Рисунки Г. Валька

Друзья и знакомые называли Семена Семеновича Рубчикова американцем, и он охотно принимал это прозвище и даже гордился им.

Всегда чисто выбритый, свежий и представительно-лысый, он носил очки в светлой оправе, башмаки на толстой подошве и широкое пальто; говорил о себе во множественном числе: «Мы деловые люди!» — и поражал всех своей неукротимой энергией и чудовищной работоспособностью. Он служил в одном месте, консультировал в другом, реферировал в третьем, что-то редактировал в четвертом и заседал по понедельникам в пятом.

— Ну как вы всюду успеваете, Семен Семенович? — бывало, спрашивал его знакомый человек, поймав за пуговицу пальто где-нибудь у входа в метро.

— Я рассчитываю свой рабочий день с точностью до одной минуты! — отвечал со снисходительной полуулыбкой Семен Семенович.— Более подробно на этот вопрос я могу ответить вам сегодня по телефону от семи до семи тридцати. Звоните! Привет!..

Он «делал ручкой» и, топоча башмачищами, быстро сбегал вниз по лестнице, а знакомый человек долго стоял наверху и, умиляясь, думал о работяге Рубчикове, который, видать, не жалеет себя и больше всего на свете любит работу.

Но это было не так. Семен Семенович любил не работать, он любил зарабатывать. Из всего процесса любого труда он больше всего ценил, понимал и всеми фибрами души восхищался только тем приятным моментом, когда кассир, высунувшись из своего окошечка, спрашивал грудным голосом:

— Вам крупными или помельче?

Будучи по специальности недоучившимся экономистом, Семен Семенович брался за любую работу на стороне, лишь бы платили. Ему было совершенно безразлично, где работать, что делать и как делать. Важно было другое: чтобы там, где он подвизался, действовала касса и чтобы не придирался бухгалтер.

Деньги в кармане у Семена Семеновича не переводились, но чем больше их у него было, тем больше ему хотелось их иметь. Обладая крупными, как он говорил, «деловыми связями» и особенным, почти собачьим чутьем на места, где лежат легкие деньги, Семен Семенович настойчиво и неутомимо воздвигал пышное здание своего материального благополучия.

Ох, это давалось ему нелегко по той простой причине, что дух стяжательства и азартной погони за рублем был органически противен общественной среде, в которой вращался «работяга» Рубчиков! Ему приходилось иногда напяливать на себя маску общественника, выступать с речами на собраниях и даже выполнять коекакие общественные поручения. Делал все это Семен Семенович, что называется, скрепя сердце, ибо питал глубокое отвращение ко всякой бесплатной работе.

Служил Семен Семенович последнее время в весьма почтенном учреждении, ведавшем в республиканском масштабе водопроводными делами, и занимал там видную должность. Попутно, на стороне, он редактировал альбом выкроек белья — издание одного пошивочного ателье, директор которого числился в списках «деловых связей» Рубчикова. Кроме того Семен Семенович совместно со знакомым студентом-химиком изобретал для промысловой артели «Гигиена» несмываемую краску для бровей и ресниц. Изобретал, собственно говоря, студент, но всю организационно-коммерческую сторону предприятия, естественно, взял на себя расторопный Семен Семенович, за что и должен был получить пятьдесят процентов гонорара.

В этот день Семен Семенович проснулся утром бодрый, свежий и энергичный, как всегда. Он с аппетитом позавтракал и поспешил на службу: ему предстояло подготовить для высшего начальства доклад о снабжении водопроводными трубами новостроек. Сегодня же должны были выясниться результаты предварительных испытаний несмываемой краски для бровей и ресниц: храбрая супруга самого председателя «Гигиены» взялась попробовать краску на собственных бровях — их рыжий цвет давно уже оскорблял ее эстетическое чувство.

Уединившись в кабинете, Семен Семенович погрузился в свои подсчеты, как вдруг затрещал телефонный звонок.

Рубчиков снял трубку и услышал взволнованный, грубый голос председателя «Гигиены».

Я позволю себе воспроизвести здесь разговор со стенографической точностью, так сказать, в натуральную величину. Вот он:

Председатель «Гигиены»: — Мне нужен Рубчиков. Это вы? «Гигиена» говорит.

Рубчиков: — Здравствуйте, Аркадий Осипович. Ну, как прошли испытания?

Председатель «Гигиены»: — Слушайте, они у нее... того... вылезли!..

Рубчиков: — Не понимаю. Кто вылез? Куда вылез?

Председатель «Гигиены»: — Брови вылезли. Совсем!.. После вашей краски. Что он туда наложил, ваш гений, чорт бы его побрал?! Купорос, что ли?!

Рубчиков: — Позвольте, Аркадий Осипович, но почему же она сразу не смыла краску, когда увидела, что брови лезут?

Председатель «Гигиены»: — Пробовала, а она не смывается, ваша краска, пропади она пропадом!

Рубчиков: — Значит, договор в основном мы все же выполнили. Отмечаю: краска не смывается!

Председатель «Гигиены»: — Зато брови смываются начисто. Вот что, товарищ Рубчиков, это с вашей стороны мы считаем жульничеством. Договор мы расторгаем и в суд подаем!..

Рубчиков: — Аркадий Осипович, вы неправы. Наука требует, так сказать, жертв. Всегда возможны ошибки...

Председатель «Гигиены»: — Это вы все жене объясните. Кстати, она взяла мой зонтик и поехала к вам в учреждение, имейте это в виду.

Положив трубку, бледный, Семен Семенович прежде всего вызвал секретаршу и приказал ни в коем случае не пускать к нему посетительницу с мужским зонтиком в руках. Никаких других мер сейчас принять он не мог: гениального химика не было в городе, он еще вчера уехал на дачу колдовать над своей краской.

Расстроенный и огорченный, Семен Семенович снова взялся за подсчеты, как вдруг опять затрещал телефонный звонок.

На этот раз звонил директор пошивочного ателье.

Я не могу отказать в удовольствии воспроизвести и этот разговор с такой же точностью, как и первый. Вот он:

Директор ателье: — Семен? Слушай, ты что, с ума сошел? Или пьяный был, когда альбом редактировал?

Рубчиков: — А что случилось, Боря?

Директор ателье: — Только что мне принесли сигнальный экземпляр. Вот он, передо мной лежит. Открываю на странице четвертой: на рисунках — лифчики, а текст под ними о трусиках. Открываю на странице шестой: на рисунках — комбинации, а текст — о лифчиках. А подпись «к печати» на оригинале твоя!..

Рубчиков: — Боря, не может быть! Боря, лифчик же не похож на эти... на трусики! Я не мог перепутать, Боря!..

Директор ателье: — Не знаю, брат! Ты подписал, а они набрали. Придется лист перепечатать. Расходы на твой счет. Будь здоров!

Новый удар! Вконец огорченный, Семен Семенович кое-как закончил работу и, ввиду особой срочности, отослал ее с секретаршей прямо в рукописи своему водопроводному начальству.

Не прошло и двадцати минут, как Семена Семеновича вызвали «наверх», к «самому».

Начальство, красное и гневное, даже не поздоровалось с Семеном Семеновичем, даже не пригласило сесть. Начальник взял со стола его материалы и жестяным голосом спросил:

— О чем вы думали, когда составляли расчет?

— О насущных задачах водопроводного управления! — по возможности бодро ответил Семен Семенович.

— А по-моему, о другом! Смотрите, что вы пишете: «250 метров несмываемых лифчиков». Что это значит, товарищ Рубчиков? Если у вас голова забита дамскими лифчиками, вам, в лучшем случае, надо работать не у нас, а в легкой промышленности!..

Семен Семенович молчал, опустив голову. Что он мог сказать в свое оправдание?!

— Все переделать и пересчитать! — закончил начальник. — И вообще советую вам... подумать, товарищ Рубчиков. Вы еще не читали, что о вас в стенгазете написано? Прочтите!

Предчувствуя недоброе, Семен Семенович не вышел — выполз из кабинета начальника и направился по коридору туда, где обычно вывешивалась стенгазета.

Так и есть, висит, проклятая! Ого, карикатуру нарисовали! А под ней статейка на целый столбец.

Семен Семенович поправил очки на носу и прочел:

«Халтурщика вон из аппарата!..»

Под ложечкой у него противно похолодело, в голове зашумело. Он спустился к себе и сказал секретарше, что заболел и едет домой.

В вестибюле он увидел жену председателя «Гигиены». Она металась, как раненая тигрица, от вешалки к вешалке. Большой, видавший виды дождевой зонт был зажат в ее правой руке, глаза метали молнии. Она была готова на все.

Улучив секунду, Семен Семенович, как был, без пальто и шляпы, шмыгнул на улицу, поймал такси и помчался к себе на Арбат.

Жены дома не было. Сын Семена Семеновича Владик сидел над тетрадкой в столовой и что-то писал, высунув кончик языка,— от усердия.

— Привет, папа!—сказал он, удивленно взглянув на расстроенное лицо Семена Семеновича. — Почему ты так рано?

Не отвечая, Семен Семенович прошел к себе и, не раздеваясь, повалился на постель. Он чувствовал себя отвратительно.

Вошел Владик с тетрадкой в руках.

— Папа! — сказал Владик. — Мы завтра на совете отряда будем одного мальчика прорабатывать. Он, понимаешь, халтурит по географии. Скажи, пожалуйста, как точно определить, что такое халтурщик?

Густая краска залила лицо и шею Рубчикова, но он овладел собой и солидно ответил:

— Халтурщик — это... ну, как бы тебе сказать... ну, это прежде всего недобросовестный человек. А почему ты, собственно говоря, меня об этом спрашиваешь?

Владик посмотрел на отца честными, широко открытыми глазами:

— Я же тебя обо всем спрашиваю, папа! У кого же еще я могу узнать, что такое халтурщик?

— Пошшшел вон! — вдруг зашипел Семен Семенович, задыхаясь от злости. — У отца такие неприятности, а он лезет. Свиненок!..

— Папа, я не понимаю, почему...

— Пошшшел вон, тебе говорят!..

Бедный Владик пулей вылетел из комнаты.

В начале ноября еще выпадают погожие, тихие дни. Эти дни поздней осени напоминают дни ранней весны: так же ясно солнце освещает деревья и спутанную, побуревшую траву; так же от голых красноватых ветвей падают на шершавые стволы резкие тени, а между ветвями глубоко синеет небо. Промелькнет птичья стайка, прозвенит звонкая песенка.

Но дело идет к зиме: осенние заморозки становятся все крепче, продолжительнее и постепенно переходят в морозы. Медведь залегает в берлогу.

Ноябрь — первый месяц с отрицательной температурой, в Москве она в среднем составляет минус 2,2 градуса.

По средней полосе России фенологи отмечают в ноябре: 4 — первый день со среднесуточной температурой ниже 0°, 18 — замерзание Москвы-реки, 23 — установление постоянного снегового покрова и 26 — начало санного пути. В этих явлениях отражено наиболее существенное в природе и главное — начало зимы. «Ноябрь — сентябрев внук, октябрев сын, зиме родной батюшка».

Рыбная ловля прекращается до тех пор, пока лед не окрепнет как следует и можно будет перейти на подледный лов.

Снег обычно ложится только к концу месяца, и ноябрьские ночи, не освещенные его сияньем, кажутся особенно темными и длинными, хотя в действительности они и короче декабрьских. А когда, наконец, выпадет снег, вся природа неожиданно преобразится, просветлеет и просияет, среди белых полей ляжет первопуток, начнется охота по белотропу на зайцев, лисиц и волков.

Часть перелетных птиц задерживается у нас до самых морозов, а некоторые даже остаются зимовать — это зимовщики поневоле, так как дальний путь им не под силу.

На пролетных дорогах большое оживление, но особенно оживленно на юге, в государственных заповедниках — в дельте Волги, на Каспийском побережье, на озере Иссык-Куль. Каждый день прибывают туда по невидимым путям все новые и новые косяки уток, гусей, лебедей и других птиц. Шум тысяч крыльев, гомон тысяч голосов стоит в воздухе.

А к нам прилетают с севера хохлатые свиристели, красногрудые снегири, ярокрасные и зеленоватые клесты, чечотки в пунцовых шапочках и смородинно-красные щуры. Эти птицы — настоящее украшенье зимнего леса.

На снежно-белом фоне красива и серологубая белка. Она, как говорят, уже «выкунела», и, пока снеговой покров еще не глубок и морозы не так сильны, в районах, богатых белкой, на нее начинается охота с собакой — лайкой или способной дворняжкой. «Белкованьем» занимаются десятки тысяч охотников, добывая за зиму миллионы шкурок. Это самый распространенный в Союзе пушной зверь. Его удельный вес в пушных заготовках страны достигает 40 процентов.

Полевые работы повсюду уже закончены. Поля белы и пусты, но сквозь снег, еще не глубокий, ярко зеленеет озимь.

Б. М.

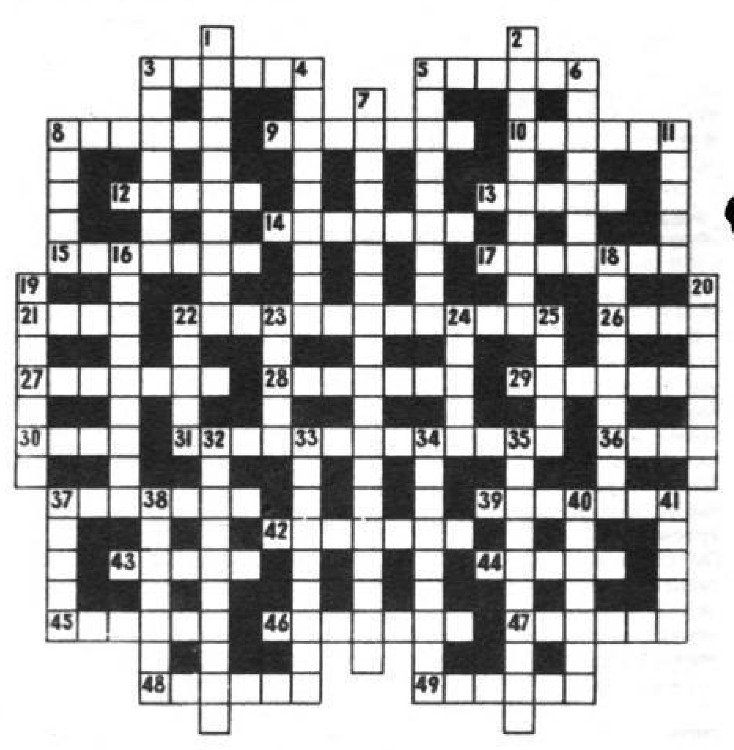
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Небольшое музыкальное произведение. 5. Плод. 8. Маскарадный костюм. 9. Южный плод. 10. Лицо, стоящее во главе управления высшим учебным заведением. 12. Вид ивы. 13. Слой осадочной породы. 14. Прохладительный напиток. 15. Помещение для зверей. 17. Дополнительный тон. 21. Застольное пожелание 22. Сооружение. 26. Увеличение. 27. Дозор. 28. Профсоюзный орган. 29. Лицо, на имя которого послано почтовое отправление. 30. Окраска. 31. Аппарат для преобразования переменного тока. 36. Звено гусеничного движителя. 37. Передовая укрепленная позиция. 39. Отсутствие ограничений или стеснений в чем-нибудь. 42. Русский критик и публицист. 43. Геометрическое тело. 44. Заметное изменение. 45. Периодическое издание. 46. Член правительства. 47. Старинный плащ. 48. Место в амбаре для ссыпки зерна. 49. Кустарник.

По вертикали:

1. Система полеводства. 2. Русский критик и публицист. 3. Народный музыкальный инструмент. 4. Известный грузинский поэт. 5. Город в РСФСР. 6. Ансамбль музыкальных инструментов. 7. Сооружение, вырабатывающее электрическую энергию. 8. Известный цирковой артист. 11. Драгоценный камень. 16. Писатель. 18. Большое празднество. 19. Центральная часть колеса. 20. Отдел теоретической механики. 22. Приветствие. 23. Процесс реализации стоимости. 24. Рыба. 25. Письменное предписание. 32. Форма государственного устройства. 33. Общественный строй. 34. Специальность ученого. 35. Способ искусственного орошения. 37. Корм для лошадей. 38. Предсказание. 40. Производственный коллектив. 41. Место действия в цирке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

7. Новоселье. 8. Одоевский. 9. Копер. 10. Корвет. 11. Тантал. 12. Облик. 13. Гулна. 14. Доктор. 17. Расчет. 19. Карагач. 24. Кантата. 25. Макет. 27. Стадион. 28. Осень. 29. Аргон. 33. Соколов. 34. Насос. 35. Инициал. 37. Фабрика. 41. Роллан. 43. Самшит. 44. Аорта. 45. Треск. 46. Лектор. 47. Иридий. 48. Кабан. 49. Штамповка. 50. Трудодень.

По вертикали:

1. Рокотов. 2. Вектор. 3. Лексика. 4. Формула. 5. Гектар. 6. Щипачев. 15. Океан. 16. Ханка. 18. Алдан. 20. Индейка. 21. Барсова. 22. Эстония. 23. Лимузин. 25. Минин. 26. Торос. 30. Элита. 31. Астра. 32. Тисса. 36. Повесть. 38. Автокар. 39. Куранты. 40. Гигиена. 42. Наркоз. 43. Сирда.

Подумай!

ПЕРВЫЕ ЗАМОРОЗКИ

Наступила глубокая осень. Впервые замерзли лужи, на них образовалась легкая корка прозрачного льда...

Определите, какое похолодание предшествовало замерзанию луж: резкое или постепенное?

ОДНОВРЕМЕННО С ЛУННОЙ ТЕНЬЮ

Известно, что во время солнечного затмения Луна заслоняет Солнце и на Землю падает лунная тень. Двигаясь по Земле, лунная тень описывает сравнительно узкую (около 270 километров), но длинную полосу, из которой последовательно наблюдается солнечное затмение.

Если наблюдатель будет продвигаться с востока на запад по этой полосе равномерно со скоростью движения лунной тени, то может ли он продлить время наблюдения солнечного затмения?

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 07158. Подписано к печати 24/X 1950 г. Изд. № 669. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2689. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24

ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ ШЕСТЬ ОСНОВНЫХ И ОДИН ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ ВЫИГРЫШЕЙ

Основные тиражи выигрышей состоятся 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября, дополнительный тираж — 30 сентября каждого года.

Тиражи выигрышей производятся на один разряд займа с тем, что выигравшими считаются облигации, имеющие одинаковые серию и номер во всех выпущенных трёх разрядах займа.

В основных тиражах участвуют все облигации независимо от срока их приобретения. В дополнительных тиражах участвуют облигации, приобретённые не менее чем за девять месяцев до срока тиража.

В каждом тираже займа разыгрывается следующее количество выигрышей:

Размер выигрыша в рублях	Количество выигрышей			
	в основном тираже		в дополнит. тираже	
	на один разряд займа	на три разряда займа	на один разряд займа	на три разряда займа
100.000	—	—	1	3
50.000	2	6	5	15
25.000	5	15	25	75
10.000	25	75	80	240
5.000	80	240	800	2.400
1.000	700	2.100	2.300	6.900
400	7.688	23.064	8.289	24.867
Всего:	8.500	25.500	11.500	34.500
Общая сумма выигрышей в рублях . . .	4.650.200	13.950.600	11.390.600	34.171.800

ОБЛИГАЦИИ ПРОДАЮТСЯ И СВОБОДНО ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ

Цена номера 3 рубля.